Deus conservat omnia

Бог хранит Все

Fürst Subow.

Рассуждение-размышление к мемурандууму части I; II; III.

Монографий

Посвящается в Память, графу В.П.Зубову, моему прадеду. Вечная

Память, Царствия Небесного. Чтим, Помним, Исполняем.

Гражданину Отечества, графу Валентину Платоновичу Зубову, профессору, доктору Истории Искусств, основателю и первому ректору Российского Института Истории Искусств, Санкт Петербург (1912 г), Исаакиевская площадь дом №5, первому директору Гатчинского музея-заповедника (Гатчина), моему прадеду. С Благодарностью и Честью

2 мая 2018 года- 23 апреля 2021 года

город Ростов-на-Дону.

на правах рукописи

Российский институт истории искусств был основан графом В.П.Зубовым в Санкт-Петербурге в 1912 г. и стал первым в России искусствоведческим научным учреждением.

Институт разместился в собственном доме Зубова — особняке постройки архитектора Боссе (1843-1846) на Исаакиевской пл. 5, где он находится и по сей день. В 1916 г. Институт преобразовывается в высшее учебное заведение. В 1917 г. Институт вместе со зданием был передан в собственность рабоче-крестьянскому правительству. В 1920-е гг. окончательно формируется структура Института, с некоторыми модификациями сохранившаяся до сих пор. Институт становится центром художественной жизни города и средоточием отечественной научной мысли. В его стенах выступали Блок и Есенин, Мейерхольд и Маяковский, в его аудиториях вели занятия Гумилев и Лозинский, Тынянов и Эйхенбаум, Шкловский и Жирмунский. Здесь создавались новые научные школы, ставшие сейчас классическими.

После многократных изменений статуса и названий Институт с 1968 г. стал научно-исследовательским отделом Института театра, музыки и кинематографии. В октябре 1990 Институт вновь обрел статус самостоятельного научного учреждения, а в 1992 г. вернул свое историческое имя.

Оглавление

1. Введение. Помни имя Своё	стр. 4-6
2. Часть I. Забытые лица Истории	стр. 7-43
3. Часть II. Историческая справка	стр. 44-46
4. Часть III. Не себе во Благо, а во Славу Отечества	стр. 47-61
5. Часть IV. Уроки Истории	стр. 62-71
6. Часть V. Исторический образ в художественной литературе	стр. 72-75
7. Часть VI. Как долгие праздники Новогодний	стр. 76-77
8. Заключение	стр. 78-81

Введение

«Помни имя Своё».

«Страдные годы России: Воспоминания о Революции (1917-1925)» граф В.П. Зубов» – рукопись данной книги писалась графом Валентином Платоновичем Зубовым, как воспоминания о тех событиях, непосредственным участником которых он являлся и принимал в этом активнейшее участие. Фактически в данный момент это является историей Российского Государства. В 2004 году в издательстве Индрик была издана указанная Книга, переведённая с немецкого языка составителем – подготовка текста, вступительная статья и комментарии Т. Д. Исмагуловой. Издана книга была в Москве, объём составил со ссылками и комментариями 320 страниц. Книга имела всего лишь три главы:

1. Гатчина.
2. Институт Истории Искусств.
3. Тюрма.

В ней приводились статьи, написанные в разные годы графом В.П. Зубовым. В этих статьях он отдельно описывает конкретику по фактам, конкретику по имеющим место быть событиям, в которых он сам или же Род Графов Зубовых вообще непосредственно либо опосредованно принимал участие. Точно такое же описание сделано графом В.П. Зубовым в рукописи «Чурбан-паша», изданной в 1958 году, за год до моего рождения.

В силу событий, происходящих в жизни каждого человека, существуют периоды, когда он принимает на себя какие-то решения и производит действия на уровне личной интеллектуальной собственности. Причём сталкиваясь в процессе жизни с теми ситуациями, когда ему помочь никто не может, кроме него самого и Господа Бога, - вот тогда человек начинает задумываться над природой каких-либо ситуаций, как бы посланных Господом ему в испытание, на силу Духа, Порядочность, и других личностных качеств, присущих данному индивиду. Вот в этих случаях и начинается проверка людей как таковых на их прочность в заложенном воспитании, передающимся из поколения в поколение на генном уровне интеллектуальной собственности Рода, и таким образом господь проверяет чистоту Рода, наследственность. Я, например, знаю 10 наследственных факторов распознавания ближайших родственников, не прибегая к пробам ДНК, так как наследие Рода Зубовых передаётся поколениями, со всеми признаками присущими Роду. Это не секрет, мне его рассказала моя бабушка, я также рассказал моим детям и уже рассказываю своим внукам - Никите и Платону. Смотря, как растут и взрослеют внуки, я более убеждаюсь в наследственных признаках, переданных им. В какой-то степени меня это радует, в какой-то огорчает, не хочется для них тех испытаний, которые выпали и на мою долю. Но это, видно так же, передаётся по наследству, так сказать Божья проверка на силу переданных генетических особенностей крови. Как-то я вывел изречение: Кровь, если она правильная кровь, то как не разбавляй ее водой, кровью и останется. И только кровь не предаст. В процессе жизни я не раз этому имел подтверждения. Так вот, столкнувшись с правовым нигилизмом, откровенно проявляемым в нарушении и принижении Верховенства Права, вследствие чего от данных действий могла быть нарушена геополитика Российской Федерации, мне пришлось отложить на четверть написанную докторскую диссертацию по педагогике в продолжении моей темы кандидатской диссертации, и взять на себя, казалось бы, непосильный труд, но

Всевышний, не даёт Нам испытаний более чем мы выдержать можем. Не буду описывать, что мне пришлось испытать за эти годы, начиная с 2012 по настоящее время - 2018 год май 2 число.

А это как никак шесть лет. Фактически у меня родился младший внук Платон 5.05.2012 года, и в этом году пойдёт в первый класс. Старший внук, Никита, оканчивает обучение в пятом классе, сдаёт экзамены, сейчас ему 11 полных лет и 5 месяцев. За это время я завершил написание докторской диссертации по теме: «Генезис и эволюция личной интеллектуальной собственности человека в России: История и Современность», для хабилизации доктора исторических наук в России защищаться не хочу, хочу защититься в университете им. Гумбольдта, в Берлине, Германия, где защищался мой прадед, граф Валентин Платонович Зубов (в Память о нём), уж хлебать семейное, так хлебать полной мерой отмеренного, все что Бог даёт, все Наше. Может это и трудный путь, но он мой, и выбран он мне по Роду по племени, иначе, у нас в России это называют Судьбой. На что я дал выражение: Была, Есть, Будешь, Судьба от Господа. Кстати, автореферат к докторской диссертации также написан уже.

При написании докторской диссертации, я поставил публичный эксперимент, в ходе которого за шесть лет мною был собран материал доказательной базы и исторических документов, основанных на фактах, в количестве 55 000 (пятьдесят пять тысяч) листов. Что составляет более 220 томов. Таким образом взявшись за этот Сизифов труд, я приобрёл колоссальный опыт по воспитанию и развитию тех качеств в себе, которые мне не привились с годами, и которые всегда приводили представителей Рода Графов Зубовых к тем действиям, которые, мы знаем, они совершали в истории России: и положительные и отрицательные, иногда спонтанные, иногда неправильно, скоро и поспешно принятые решения. О принятии решений графинями Зубовыми я не буду здесь говорить, скажу одно, что Женщины Нашего Рода - Мудрые, Достойные, Порядочные, Красивые, но есть одно но, преследуемое всех женщин Рода Графов Зубовых без исключений, я о нем тоже знаю.

Так остановимся на моей докторской диссертации немного, так как чтобы собрать такой объём фактовых документов, имеющих регистры и этим исторически ценны, мне пришлось изучить заново всю законодательную базу Российской Федерации, начиная от Основного закона – Конституции, и дойдя до архивного делопроизводства, чтобы истребовать надлежащие документы для установления Истины, в соответствии с Российским законодательством и Международным правом. Ведя при этом переписку с государственными, административными, исполнительными, надзорными и судебными ведомствами, согласно иерархических их служебных лестниц. В немыслимых для разумения объемах переписок, но всегда добиваясь при этом получения ответов от них, положительных, а зачастую отрицательных. Если кто-то может подумать, что я боролся с Государственной системой власти, то он глубоко заблуждается в своих суждениях. Я добивался истинности в защите целостности геополитики Российской Федерации, поставив в сопротивление чиновникам любого уровня должностей Личную Интеллектуальную Собственность Всего Рода Зубовых, начиная от Родоначальника, Эмира Гата, хранителя Рода Зубовых, Святого Пафнутия Боровского, ветви Дворянского, Графского, Княжеского Родов, и это даёт мне огромнейшие силы, но и накладывает огромнейшую ответственность перед Всем Родом. Но я Решился – и Род мне не отказал в помощи и поддержке, которую я ежесекундно испытываю на себе. Значит Путь Избранный мною по защите Государства, выбран правильный, и Богу угодный, что и сказалось на выводах сделанных мною, по завершению написания докторской диссертации, и написаны были в форме заявления в Министерство Юстиции Российской

Федерации на имя министра Коновалова 26.04.2018 года. Сканер заявления приложен в докторской диссертации и автореферате.

Вот теперь мы подошли к вопросу, Как, Чем, Какую Мог помощь оказать мне Род? Сила Рода, на самом деле, это сокрушительная сила поколений Наших предков, куда включено все мыслимое и немислимое, как духовное, так и безтелесное, но внутренне ощутимые чувства, собрание всего интеллекта Рода для помощи одному из представителей Рода, который обратится к нему за помощью – я обратился. И я благодарен Господу Нашему Богу и Роду Моему, что мне не отказали в помощи на благие дела по защите Государства Российского в восстановлении Истинности. Свои Обязанности, данные перед Родом Моим и Господом Нашим Богом, я исполню. А по сути, МЫ уже выиграли документально обоснованную битву, после того как мною был установлен и описан Прецедент, а затем сдан на хранение государству участок выведенный (утраченный) из Собственности Государства. Конечно, противостояние испытываемое мною, на протяжении всего этого времени складывалось сильнейшее, так как денежный эквивалент, получаемый от прибыли, приобретённой и приобретаемой лицами, участвующими в процессе, исчисляется в миллиардных прибылях. Но это ничто в сравнении с Честью и Достоинством Рода, имеющего два девиза: *Meritis Crescunt Honores* - По Заслугам Честь и *Non Sibi Sed Imperio* - Себе Ничего Государству Все. Но разъяснять эту Истину лицам, участвующим в правовом нигилизме и состоящим на службе у Государства, не имеет смысла, так как они живут с должностей (деньги имеют), и им, по сути, нет дела до Государства и его целостности, они так воспитаны, перевоспитывать или переубеждать их в этом я не вижу смысла, так как это трата сил и энергии пустая. Господь Всем Судья, Он Всевидящ и Всемогущ. Я должен был делать дело не опозорив доверие Своего Рода, что я и делал и делаю всегда, так как ответственность это огромная, - и подписывая документы и ставя печать Родовую, тем самым утверждая знания и силу Рода и ответственность, в каждом слове написанном в документах мною.

Это я написал вступительное слово к основному прочитанному мною изложению исторических событий моим прадедом, графом В.П.Зубовым в своей рукописи, а фактически это было завещание всем его потомкам и руководство к действиям, чтобы выстраивать правильно их не в угоду чиновникам, а для пользы Государства - России. В силу написанного, я приведу некоторые выдержки из его опубликованной рукописи, дабы было понятно о чем идёт речь из сказанного мною. Некоторые его мысли и действия точь в точь совпадают с моими мыслями и действиями, хотя, казалось бы, прошло уже более 55 лет от написания рукописи и моей встречи с ним, о которой я написал в автореферате к докторской диссертации, более подробно. Вот и ещё один пример Родовой Помощи, оказываемой мне, для правильного принятия решений и действий, уберегая меня от ошибок совершенных предыдущими поколениями.

Цитаты из рукописи графа Валентина Платоновича Зубова, доктора Истории Искусств, профессора, Основателя Российского Института Истории Искусств: Санкт Петербург, Исаакиевская площадь дом №5, Россия, - дающие понимание о самом графе В.П. Зубове как о Гражданине и как о Человеке, имеющем наивысшую личную интеллектуальную собственность, поставленную на службу Российскому Государству, при всех имеющихся исторических переплетениях и трагедиях, не уронившему Чести и Достоинства, как личных, так и Родовых. И о котором не заслуженно забыли на протяжении 93 лет, с момента его вынужденного отъезда из России, тем самым он, покидая Родину, сберёг Род от надвигающихся репрессий, как неугодный правящей власти. И ещё долгие годы вплоть до моего рождения, не имевший возможности, а из

соображений безопасности для семьи, общения с ней. Даже описав в главе: «Тюрьма», - допрос его, он вскользь упомянул о письме которое сыграло роль в его аресте, но так и не упомянув никогда, кто был его отправителем так неугодной действующей на тот момент власти, что и в последствии, как назидание неосторожной оплошности, это послужило уроком всей семье. Так что в последствии она закрылась от общения, о чем я писал в автореферате к диссертации и чему я был очевидцем постоянно, так как семья находилась под негласным надзором, и это факт. Если есть у кого то желание опровергать данное, я только буду рад увидеть документы, подтверждающие обратное. Но их никогда не покажут, так как вступят в коллизию с законодательством. Да и что от этого изменится. Самое главное для каждого человека, Всегда Помнить Имя Своё, а это важнее всех перепитий, искусственно создающихся. Итак, рассмотрим некоторые выдержки из рукописи, по сути являющейся описанием жизни и дел графа Валентина Платоновича Зубова, дающие характеристику наивысшей личной интеллектуальной собственности человека и гражданина, как пример для подражания и воспитания, проявление его личностных качеств в тех исключительных испытаниях которые ему были посланы Господом, и как пример его для нас, с Честью и Достоинством перенесенных им. Здесь он четко указывает причины, по которым действующая власть была всегда настроена против Рода Графов Зубовых, причины видны даже, как говорится, невооруженным глазом.

Часть I.

«Забытые лица истории».

1. «Гатчина».

«Я пошел домой, передумывая слова Врангеля: «Если это правда, то все, что мы годами стараемся создать, лишь сверхкультурная, упадочная погоня за переживаниями дегенеративной эпохи, в лучшем случае прощальный взгляд умирающего на свою жизнь. Это бы объяснило наш эстетический эклектизм, нашу способность одинаково воспринимать все художественные направления прошлого во всех их контрастах, находить удовлетворение в мирах форм античности, Средних веков, Возрождения, барокко, классицизма, не говоря уже об экзотике. В нас нет собственной формальной воли, эстетическое сознание в нас лишь ретроспективный процесс». Вот мысли, осаждавшие меня еще в этот вечер. Через месяц сараевские выстрелы положили начало умиранию старой культуры.

Важной ступенью в этом перерождении мира была русская революция.

Когда она разразилась, пишущий эти строки был причисленным к Императорскому Эрмитажу и в то же время руководил основанным им в 1910 г. Институтом истории искусств, о котором речь впереди».

«Победителей не судят», пусть так, но все, что я могу спасти из наследия прошлого, я спасу, буду бороться за последнюю люстру, за малейший пустяк. Я прикинусь чем угодно, приму любую политическую окраску, чтобы охранить духовные ценности, которые возместить труднее, чем людей. В течение следующих восьми лет, проведенных мною еще после того в России, я оставался верен этому решению до той минуты, когда я убедился, что мое присутствие там не может быть больше полезным. Сегодня, после

пятидесяти лет, после всех событий и катастроф, пережитых не одной только Россией, мне кажется, что подобные усилия, хотя и похвальны, но тщетны. Мы переживаем эпоху, равную по своему историческому значению и своей разрушительной силе по меньшей мере великому переселению народов; дай Бог, чтобы от прошедших времен сохранилось столько, сколько доныне от классической древности».

«Нам, однако, очень быстро стало очевидно, что дворцы представляют собою исторически сложившиеся организмы, тесно связанные с происходившими в них событиями, и памятники художественных вкусов последовательных поколений. Разрознивать их было бы крупной ошибкой. Их надо было сохранять как самостоятельные культурно-исторические и художественные музеи».

«Для меня лично работа в Гатчине связывалась со странным ощущением. Этот дворец был любимым местопребыванием императора Павла I. одним из фактических убийц которого был мой прадед граф Николай Александрович Зубов, брат последнего фаворита Екатерины II, князя Платона. Я представлял себе сцену, когда сюда в Гатчину 5 ноября 1796 г. прискакал Николай сообщить Павлу Петровичу, что императрица при смерти. Платон, потеряв голову, послал своего брата к цесаревичу, думая этим приобрести благосклонность будущего государя, к которому до тех пор относился с презрением, уверенный в том, что Екатерина передаст престол помимо сына непосредственно внуку – Александру Павловичу. Я видел и императора Павла в гатчинской дворцовой церкви восприемником моего деда Александра Николаевича, милость, вероятно оказанная скорее его матери, дочери Суворова, чем ненавистной семье Зубовых, и, наконец, отвратительную сцену царевубийства».

«Наша задача, как она вскоре обрисовалась, состояла в том, чтобы привести дворец в тот вид, в котором он был в XVIII веке. Надо было удалить все то, что нанесли позднейшие эпохи, при помощи старинных инвентарей водворить на прежнее место каждый предмет, вплоть до последней мелочи и представить это обиталище таким, будто тогдашние хозяева только что его покинули. В ту минуту мы еще имели редкое преимущество перед дворцами Западной Европы, что могли отыскать тут же, только в других комнатах, почти все предметы того времени; только нужно было выяснить их первоначальное место и на него их поставить. Сколько радостных неожиданностей готовили нам древние инвентари!»

«Эта работа, конечно, требовала много такта. Во дворце были части, переделанные до неузнаваемости в XIX веке, над боковыми корпусами при императоре Николае Павловиче даже надстроили два этажа. Тут царили другие эпохи, и было бы безумием пытаться воскресить в этих покоях XVIII век. Наоборот, в них надо было сохранить и даже восстановить эпохи Николая I, Александра II и Александра III, независимо от их эстетического достоинства, как исторический документ. Случалось, что решение принять было трудно».

«XIX век часто совершал вандализмы. Так, во дворце находилась ценнейшая серия брюссельских шпалер XVI века, увезенных в свое время из Варшавского Замка. Их в Гатчине частично изрезали, из бортов вырезали отдельные орнаментальные мотивы и набили их на спинки кресел, или просто борты обрезают, когда шпалеры оказываются слишком большими для стен; в некоторых были прорезаны отверстия для печных выюшек.

К счастью, удалось собрать все кусочки, разбросанные по дворцу, и А.А. Половцов провел много недель над подбором их к тем коврам, к которым они принадлежали. В условиях того времени была исключена возможность окончательного восстановления; только *manufacture des Gobelins* [фабрика гобеленов (франц.)] в Париже могла произвести эту работу. Пришлось оставить эти шпалеры в том состоянии, в котором они были, с припиленными к ним кусочками. Позже поляки потребовали их, и советское правительство на это согласилось, хотя, помнится, при отдаче не могло не надуть хоть немного Польшу и несколько ковров удержало, чем разрознило серию. Не знаю, пережили ли они разрушение Варшавы в последнюю войну?»

«Была также во дворце прекрасная мебель XVIII века, густо выкрашенная ужасной краской под орех. Надо было очистить ее, не повредив находившуюся под ней позолоту. Нужных для этого снадобий тогда достать было невозможно, и эта работа производилась при помощи маленького острого ножика».

«Много картин находилось в печальном состоянии. Они висели на горячих стенах, в которых были дымоходы, и живопись буквально сварилась. Другие картины провели многие годы в темных помещениях и потемнели. Вытащив их на свет, мне пришлось наблюдать феномен, как понемногу краски становились ярче. Так, например, я день ото дня видел превращение чудесной большой картины Паоло Веронезе – «Ослепление Савла», – которую я повесил у себя в кабинете».

«Лето 1917 г. прошло для нас в мирной работе, в то время как в стране происходили чреватые последствиями события; борьба между Корниловым и Керенским, первое неудавшееся июльское восстание большевиков и постепенное разложение армии. Все это нас трогало лишь поверхностно, так мы были поглощены нашими интересами. Тени прошлого воскресали вокруг нас и в нас к особенно интенсивной жизни, более интенсивной, чем та, что они до сих пор вели в памяти своих дегенеративных потомков. Мелкие события их повседневной жизни становились нам знакомыми, мы научались любить предметы, которые любили они. Но это воскресение было кратковременной вспышкой среди враждебного мира накануне окончательного погружения в ночь. Сегодня, после второй мировой войны, дворцы, превращенные в развалины, можно отстроить, но нельзя вернуть им аромата жизни, связанного с множеством навсегда погибших предметов».

«Приближался конец октября. Все знали, что на 25-е число большевики назначили захват власти. Только временное правительство, казалось, этого не подозревало. В Зимнем дворце раз в неделю собирался образованный Ф. Головиным высший совет по делам искусств, членом которого был и я. 18 октября, кажется это было в пятницу, происходило заседание; мы были почти уверены, что оно будет последним, и расходясь постановили собраться через неделю, если...»

«Неделю спустя, 25 октября, я собирался сесть завтракать в моих комнатах в Кухонном карэ Гатчинского дворца, как во двор влетел автомобиль с английским флагом. Приготовленный к серьезным событиям на этот день, я не был слишком удивлен, когда мне доложили, что приехал Керенский, бежавший из столицы. Он вошел к коменданту гатчинского гарнизона, полковнику Свистунову, занимавшему несколько комнат в нижнем этаже. Адьютант Керенского, мой приятель, присяжный поверенный Борис Ипполитович

Книрша, офицер военного времени, сейчас же поднялся ко мне и от него я узнал о необычайных событиях, происшедших в это утро в Петербурге. Брожение в тамошнем гарнизоне достигло накануне такой степени, что председатель совета министров не чувствовал себя в безопасности в Зимнем дворце, в частных апартаментах бывшего императора, в которых он имел безвкусию поселиться. Он предпочел переехать на эту ночь в соседнее здание штаба войск гвардии и округа на Дворцовой площади по ту сторону Миллионной улицы. Тут у него созрел план отправиться на фронт за войсками, на которые он мог бы опереться. Утром он, однако, заметил, что все сообщения между ним и внешним миром прерваны: телефонные провода перерезаны, из всех военных автомобилей, в большом числе стоявших на площади, удалены свечи, так что первый министр, в то же время гордо именовавший себя верховным главнокомандующим, не мог воспользоваться ни единым способом передвижения. Ему оставалась одна надежда – помощь иностранного посольства.

Я знаю, что подробности следующих тут событий были с других сторон передаваемы несколько отлично, но я привожу их так, как они сохранились у меня в памяти по рассказу моего приятеля, принимавшего в них непосредственное участие».

«Перед Керенским стоял вопрос, как добраться до одного из посольств; ближайшим было английское на Дворцовой набережной у Марсова Поля и Летнего Сада. Сделав себя неузнаваемым, Книрша обходными путями пробрался туда и умолил посольство одолжить Керенскому автомобиль. Таким образом председатель совета министров и опереточный верховный главнокомандующий под прикрытием английского флага смог выехать из столицы. По иным сведениям автомобиль принадлежал американскому посольству, но я уверен, что видел на нем английский флажок и слышал от Книрши, что он обратился в английское посольство.

В своих вышедших недавно в Америке на английском языке воспоминаниях Керенский рассказывает, что американцы, а за ними и англичане предложили ему воспользоваться для отъезда из Петербурга автомобилем под их флагом, но что он, поблагодарив их, от этой услуги гордо отказался, ибо, сказал он, «невместно главе Российского правительства проезжать через „свою“ столицу под иностранным флагом». Это наглая ложь».

«Быстрым аллюром автомобиль направился в Гатчину, где небольшой гарнизон был еще сравнительно спокоен. Впрочем, у меня было впечатление, что этот маршрут был выбран Книршей, имевшим личные причины заехать в Гатчинский дворец. Так иногда мелкие обстоятельства обуславливают крупные события.

Позавтракав у Свистунова, Керенский в другом автомобиле пустился в дальнейший путь по направлению к Пскову. Посольский вернулся в Петербург. Под Псковом стояла под командой генерала Краснова кавалерийская дивизия из донских казаков, та самая, что играла роль во время столкновения Корнилова с Керенским. Она считала, что Керенский ее предал, и не могла питать в отношении его слишком горячих чувств.

Мне стало ясно, что с этой минуты находившийся на моем попечении дворец попадает в орбиту политических событий. Это в первую очередь было последствием того, что в небольшое помещение нижнего этажа, еще до нашего появления здесь, вселился комендант гарнизона. С тех пор как мои друзья и я приняли на себя охрану находившихся тут художественных ценностей, мы тщетно боролись с этим положением вещей, предвидя возможные последствия.

Остальная часть дня 25 октября прошла в Гатчине спокойно, но на следующий день до нас дошли слухи, что накануне вечером в столице произошел большевистский переворот и что временное правительство было арестовано, в то время как оно заседало в Зимнем дворце в отсутствие своего председателя. Но точно мы ничего не знали».

«27 октября Керенский вернулся в Гатчину в сопровождении кавалерийской дивизии, следовавшей за ним нехотя, лишь потому, что видела в нем единственного представителя порядка, и что надо было бороться с беспорядком. Я еще вижу Керенского входящим с видом Наполеона, заложив руку за борт военной тужурки, в ворота Кухонного карэ во главе высших офицеров. Я наблюдал эту сцену из окна бельэтажа. Он направился в квартиру коменданта. Я еще был должностным лицом состоявшего под его председательством правительства и в качестве «хозяина» дворца сошел туда справиться о его желаниях. Когда я вошел, он только что начал играть партию на стоявшем там маленьком бильярде и встретил меня с кием в руке. Он попросил отвести комнаты для себя и «своей свиты». При этих словах я с трудом сохранил серьезный вид. Он очевидно страдал мегаломанией. В своих речах он часто представлял себя облеченным верховной властью, каким-то мистическим образом перешедшей на него от императора. Теперь, утопая, он еще говорил о «своей свите». Перспектива поселить во дворце целую казацкую дивизию меня не радовала; минута с точки зрения музейной была самой неподходящей для допуска в здание мало дисциплинированной массы».

«Дело в том, что за несколько недель до того высший совет по делам искусств решил, ввиду продвижения немецких войск к Петербургу, эвакуировать в Москву содержимое всех музеев столицы и окрестностей. Один среди всех членов совета я возражал против этой меры и навлек на себя недовольство коллег, сказав, что рассматриваю художественные ценности как ценности международные и предпочитаю видеть их в целостности в неприятельских музеях, чем погибшими на русских железных дорогах с их совсем расстроенным транспортом. И в мирное время подобное предприятие было бы сопряжено с риском ввиду огромного количества хрупких предметов, подлежащих упаковке и перевозке, но в ту минуту это казалось безумием. Лишь чудом мир избежал огромной катастрофы, гибели приблизительно сорока Рембрандтов Эрмитажа, всех его Рубенсов, Мадонны Альбы Рафаэля, всех золотых кладов юга России и т.д. Оставшись с моим мнением в одиночестве, я предоставил другим музеям заниматься укладкой и отправкой, а сам старался под разными предлогами затягивать дело, как только было возможно. Предлоги найти было легко: отсутствие рабочих рук, упаковочного материала и проч. В конце концов мне все же пришлось хотя бы сделать вид, что я занят упаковкой. Для этой цели многие ценные предметы были вынесены из исторических комнат в служебные помещения Кухонного карэ. Это как раз совпало с пришествием непрошенных гостей».

«В этот первый вечер я отвел несколько комнат Керенскому, Краснову и высшим офицерам, конечно в Кухонном карэ, строго изолируя центральный корпус и Арсенальное карэ. Вся остальная дивизия расположилась под открытым небом на экзерцир-пляце перед дворцом; лошади заменяли казакам подушки. Я не сомневался, что, если пребывание войск в Гатчине продолжится, мне так дешево не отделаться. Так и случилось: ночь за ночью от меня требовали все новых и новых комнат, и ночь за ночью мне с помощью моих сотрудников приходилось перетаскивать предметы из одной комнаты в другую. Пока что, слава Богу, лишь офицеры старались проникнуть во дворец, поэтому не было еще

слишком большого беспорядка, хотя мебель уже начинала страдать. Солдаты все еще ночевали снаружи».

«Лейтенант Книрша, из адъютантов Керенского произведенный в управляющего делами несуществующего временного правительства, сидел за моим письменным столом, составляя радиотелеграммы «всем, всем, всем», объявлявшие, что сведения из Петербурга о захвате власти коммунистами ложны, что за исключением столицы вся страна верна временному правительству, и что завтра банда будет выброшена из города. Добрый Книрша был очень горд своими литературными талантами».

«Не помню точно, в какой из дней пребывания Керенского во дворце у меня был телефонный разговор с Петербургом с помощником Головина, ныне покойным Макаровым. Из этого разговора я заключил, что и там многие разделяли иллюзии Книрши и ждали прихода казаков. Удивительно, что телефонное соединение с одной стороны внутреннего фронта на другую было возможно. Далеко еще не все административные здания были в руках большевиков.

В первый же вечер ко мне вошел офицер гатчинского гарнизона Печенкин, обвешанный порядочным числом ручных гранат. Он уже раньше был мне известен как монархист, заядлый враг революции (он предлагал мне войти в монархическую организацию) и кандидат в дом умалишенных. Он во что бы то ни стало желал объяснить мне конструкцию ручной гранаты и доказать, что она не может взорваться без детонатора. Я отвечал, что моя и его голова меня заботят меньше чем окружавшие нас произведения искусства, что я ему верю на слово и от демонстрации прошу воздержаться. Он тем не менее бросил на пол свои гранаты и, к счастью, оказался прав, взрыва не последовало. Засим он сообщил мне, что наутро, когда войска двинутся в поход против большевиков, он намерен оказаться вблизи Керенского и убить его своими гранатами или другим способом. Как многие крайние правые в то время, он видел в большевиках орудие для достижения своих контрреволюционных целей.

Несмотря на мое мнение о Керенском, убийство, задуманное полусумасшедшим, следовало предотвратить, независимо от всякой политики. Я предупредил Книршу, советуя ему обезвредить Печенкина, не причиняя ему зла, что было бы и ненужным и опасным для него в эту минуту. Книрша спустился за приказом об аресте, а я занял Печенкина разговором, гуляя с ним по коридорам, окружающим двор Кухонного карэ. Удивление его было крайним, когда появился Книрша и заявил ему, что он арестован. Позже, когда кости упали и победоносные большевики его освободили и наградили должностью, он говорил мне, что не может себе представить, кто мог выдать его секрет. На мое счастье, он, вероятно, болтал и с другими о своих планах.

На заре «армия» выступила в бой. В этот день Краснову еще удалось заставить Керенского, глотавшего без меры успокоительные капли, принять участие в предприятии. У нас день прошел спокойно. Если положение в эту минуту было бы мне столь же ясно, как 48 часов позже, я, вероятно, принял бы другие меры предосторожности. К сожалению, мои руки были связаны: дворцовые лакеи выбились из сил, обслуживая гостей, я не мог привлечь их и должен был рассчитывать только на моих научных сотрудников. Я, конечно, ожидал, что у меня будут требовать все новых помещений, но не предвидел, в каком размере».

«В окружении Керенского вдруг появилась личность, о которой много говорили прежде и должны были много говорить впоследствии, – Борис Савинков. На следующий

день, 29 октября, Керенский решительно отказался сопровождать войска, сражавшиеся за него; он оставался в своей комнате, лежа на кушетке и глотая успокоительные капли. О его времяпрепровождении я был подробно осведомлен через Книршу, который весьма потешался за счет своего начальника. Последний внушал мне такую антипатию, что я воздерживался от более близкого контакта с ним. Краснов и его офицеры были возмущены его поведением, многие из них громко говорили, что он уже раз предал кавалерийскую дивизию и теперь опять ввел ее в заблуждение. Среди казаков начинал распространяться сепаратистский дух; «Какое нам дело до России, Керенского и большевиков? Уйдем на Дон, туда большевики не придут!» Дон начинал действовать гипнотически».

«Вечер принес скверные вести, у всех начинало слагаться убеждение, что противник располагает превосходящими силами. Ночью какой-то солдатик, стоявший на часах в коридоре, ворвался в комнату одной из моих сотрудниц, княгини Шаховской, заявляя, что большевики окружают дворец и будут его обстреливать артиллерией; «Как бы нам тут всем не погибнуть!» Меня немедленно разбудили. Первой моей заботой были произведения искусства, второй – сотрудники. Последним я велел немедленно покинуть дворец и на эту ночь искать себе пристанища где-нибудь в городе. Мне не пришлось этого повторять, они смылись в одно мгновение, кроме княгини Шаховской, женщины храброй и обожавшей сенсации; она отказалась последовать моему совету и настояла на том, чтобы остаться во дворце.

Когда стали доискиваться причины тревоги, выяснилось, что ее вызвал сам Керенский, охваченный внезапной паникой. По оставшейся невыясненной причине двое часовых, дежуривших в коридоре, из числа юнкеров, присоединившихся к кавалерийской дивизии, вошли в его комнату. Он принял их за большевиков, пришедших его убить. Стонал: «Начинается!» Вот герой всех молодых и старых дев революционной весны, блестящий оратор, смелый верховный главнокомандующий, обещавший вести армию в новое наступление против немцев. Большевики были правы: шут гороховый. Известия, доходившие до нас в следующие дни с «театра военных действий», были удручающи. Сомнений больше не могло быть, большевики были сильнее; три дня тому назад никто бы этому не поверил. Игра была проиграна, и, как следствие этого сознания, дисциплина, как среди офицеров, так и среди солдат, с минуты на минуту падала. Я уже потерял контроль над помещениями, в них проникали кучками; где не хватало мебели, располагались на полу. Солдаты тоже проникали во дворец, наводняли коридоры, входили в комнаты и штыками писали на картинах: «сею картину видел солдат такой-то». Только исторические комнаты оставались закрытыми; но это было лишь относительным утешением: в Кухонном карэ было еще достаточно ценных предметов, приготовленных к укладке. Кроме того последние поколения царской семьи, ничего в искусстве не смыслившие, отправляли в эти служебные помещения предметы высокого качества, в то время как стены их собственных комнат украшались вырезанными из иллюстрированных журналов портретами красавиц и открытками».

«Ко мне пришел Книрша с вопросом, соглашусь ли я в случае надобности спрятать «премьера» во дворце, все закоулки которого я знал, или помочь ему исчезнуть. Если бы я мог предположить, что у него остается малейшая возможность играть политическую роль, я бы отказался, но при тех обстоятельствах я обещал сделать, что будет возможно в нужную минуту. Дворец громаден, две трети его еще находятся под полным моим контролем, там много закоулков, старые дворцовые лакеи вдовствующей императрицы, последней обительницы дворца, мне преданы, видя во мне как бы блюстителя интересов

прежних владельцев, я могу рассчитывать на их молчание, если бы пришлось спрятать где-нибудь Керенского на сутки, а затем вывести его незаметно наружу. Если мне не изменяет память, это было 31 октября: я сидел за завтраком, когда вбежал Книрша: «Идите, пора, Керенского сейчас выдадут, он должен бежать». Мы входим в его гостиную, его там нет; мне говорят, что он переодевается в соседней комнате. Я жду, время проходит, наконец сообщают, что он уже ушел. Матрос дал ему свою форму, он надел автомобильные очки, прошел в таком виде мимо часового через ворота Кухонного карэ, сел в автомобиль и уехал. Годами позже на печке одной из его комнат была найдена его записная книжка, заброшенная им туда в смятении. Какой-то советский мазила написал картину, изображающую бегство Керенского из Гатчины; он переодевается сестрой милосердия, в то время как его адъютанты жгут бумаги в печке. Версия нелепая, во дворце не было сестер, как не было и раненых, доказательство, что бои были не слишком кровопролитны. С исчезновением Керенского моя задача, однако, не оказалась исчерпанной. Явились Книрша и начальник штаба Петербургского военного округа. Кузьмин, старый революционер, бывший в 1905 г. президентом одной из кратковременных местных республик, выраставших тогда как грибы в Сибири. Он был как и Керенский эсером. На свою должность он был назначен недавно, заместив Петра Александровича Половцова, помощником которого он до тех пор был. За этими двумя шел молоденький прапорщик Миллер, только что назначенный адъютантом Керенского, когда Книрша попал в управляющие делами. К ним присоединились еще один или два офицера. Они все просили меня, раз Керенский ушел, заняться ими, считая, что они погибли, если попадутся в руки большевикам. В особенности боялся Книрша, накануне арестовавший самых видных большевиков Гатчины: он чуть было их не повесил; счастливая звезда удержала его в последнюю минуту. Он тоже был заражен манией величия своего начальника, видел себя уже министром и даже председателем совета и совсем серьезно предлагал мне портфель [министра] просвещения или художеств в будущем своем кабинете. Правда, в то время каждый третий человек мнил себя министром. Впрочем, Книрша был милейшим человеком».

«Им всем я сказал следовать за мной. Не знаю, как тут же очутился представитель исчезнувшего мира, бывший начальник дворцовой полиции царского времени. Он еще занимал комнату во дворце. Я повел их через исторические комнаты центрального корпуса в самые отдаленные комнаты в антресолях Арсенального карэ, где я мог их спрятать. Когда я предложил им там остаться, уверяя их, что в пище у них недостатка не будет, я увидел, что они так боятся и вид у них такой жалкий, что я решил немедленно найти возможность вывести их из дворца. О воротах и дверях нечего было и думать, у всех стояли часовые из казаков. Оставались окна, смотревшие в сад. Я повел моих подзащитных в нижний этаж Арсенального карэ в личные комнаты вдовствующей императрицы. За углом направо был фасад на площадь, где стояли войска. Там часовой ходил взад и вперед; он мог, дойдя до угла, бросить взгляд вдоль садового фасада. Надо было улучшить минуту, когда он повернется и пойдет назад. Я выбрал окно, находившееся как раз против тоннели из зелени; выскочив из окна, оставалось пробежать три-четыре шага, отделявших его от тоннели, дело нескольких секунд. Под ней мы были бы незримы. Оставалась еще трудность, окна были с прошлого года замазаны. Если я силой одно из них открою, мастика рассыплется, и будет ясно, что кто-то тут прошел. Но у меня не было выбора, все должно было быть закончено раньше, чем на другом конце дворца заметят бегство Керенского. Я открываю окно и предлагаю моим людям прыгать, они не решаются, я подаю пример; выглядываю из окна, вижу, казак на углу как раз

поворачивается и исчезает за зданием. Прыжок, и я под тоннелью; слышу, кто-то идет за мной, поворачиваюсь — Кузьмин, остальные толпятся в окне, бледные, с выпученными глазами. «До свиданья!» Мы их ждать не можем.

Мы двое спешно направляемся в глубину парка и приходим к отдаленному выходу. Решетка закрыта, сторож в своем домике. Для меня это риск в будущем; сейчас-то мы выйдем, но показание этого человека сможет, если до этого дойдет, послужить к обвинению в том, что я вывел Керенского. Возлагаю надежду на его глупость, приказываю открыть решетку и вывожу Кузьмина на улицу, прямо ведущую к вокзалу. Больше я никогда о нем не слышал».

«Вслед за сим я спокойно возвращаюсь во дворец, прохожу мимо часового у ворот Кухонного карэ и на лестнице слышу голос Книрши, громко кроющего собаку Керенского, удравшего и всех предавшего. Он идет за мной в мои комнаты, горячо жмет мне руку и говорит, что не знает, как благодарить меня за огромную услугу. «Портфелем министра народного просвещения в вашем кабинете», — говорю я. Кажется, он не понял иронии».

«Наконец я мог закончить свой завтрак и выслушать рассказ Книрши о том, что случилось с теми, кто остались позади. Я тогда уже думал, что им будет трудно найти обратный путь в лабиринте дворца. Кроме того я сделал ошибку, заперев за нами несколько дверей, обычно остававшихся открытыми. Я думал этим задержать возможное преследование. Это было с моей стороны большой глупостью, так как указывало на наш путь. К счастью, дворцовые лакеи прошли скоро после нас в обратном направлении и открыли двери; они почуяли, что тут участвовала моя рука, и молчали. Впрочем, я не создавал себе преувеличенных иллюзий, я знал, что через несколько месяцев, как только они будут вполне уверены, что их прежние господа не вернуться, пропаганда их преобразит. Но, покуда этой уверенности у них еще не было, они были верны до самопожертвования. Пять лет спустя я убедился в правильности этого моего предположения».

«Позже княгиня Шаховская и я были начальником штаба дивизии подвергнуты комнатному аресту по подозрению в содействии бегству Керенского, а к Книрше был приставлен солдат с винтовкой, которому было приказано следовать за ним по пятам».

«Поздно вечером в Гатчину приехал Троцкий. Книрша был эсером, Троцкий когда-то — меньшевиком. В царское время они были между собой знакомы. Троцкий приказал освободить Книршу под условием, что он завтра вместе с Красновым и другими офицерами отправится в Смольный. Приказ об освобождении было не так легко привести в исполнение: солдатик был приставлен к Книрше другой властью и, так как этой власти больше не было и некому было его отставить, он в силу дисциплины не считал себя вправе отойти от него, покуда один из них не помрет. Он как тень ходил за ним с ружьем на плече. Насилу уговорили».

«Великий Князь Михаил Александрович Романов. (Гатчина)».

«Сойдя в нижний этаж, где большевики развернули свои присутственные места, я встретил личного секретаря вел. князя Михаила Александровича, Джонсона. Брат государя жил в Гатчине в частном доме со своей морганатической супругой Натальей Сергеевной Брасовой. Михаил Александрович давно решил не вступать на престол ни при каких

условиях, чем объясняется легкость, с которой в самые первые дни революции Керенский, в то время министр юстиции во временном правительстве, добился от него отречения, как сам вел. князь мне рассказывал. Рыцарь без страха и упрека, желавший быть «лояльным» при всех обстоятельствах, он в этот вечер прислал своего секретаря во дворец заявить об этом новой власти. Джонсон, человек невысокого роста, пухленький и еще молодой, был английским подданным и когда-то собирался стать оперным певцом. Не знаю, хотел ли он, поступив на службу к вел. князю, и в дальнейшем преследовать эту цель. Он был обаятелен и всецело предан своему патрону».

«В этой комнате нашли меня приехавшие из Петербурга Александр Александрович Половцов, кн. Шаховская, мой молодой приятель, офицер Николай Иванович Покровский, успевший связаться с большевиками, и два должностных лица нового правительства, «товарищи» Ятманов и Мандельбаум. Через них «нарком» Луначарский посылал мне мое назначение директором Дворца-Музея и письмо, выражавшее мне благодарность правительства за его спасение».

«На следующий день я отправился в Петербург, где в Зимнем дворце Луначарский развернул свой комиссариат народного просвещения и государственных имуществ. Мои коллеги из других музеев радостно поздравляли меня со спасением Гатчины. Большинство из них стояло на той точке зрения, что, хотя они политически и не согласны с происшедшим, они все же обязаны оставаться в распоряжении новой власти ради спасения ценностей высшего порядка. Я лично считал, что, раз я работал с временным правительством, ничего не мешает мне работать с большевиками. С точки зрения легитимистской крамольниками были и те и другие, делать между ними различие значило играть в бирюльки. В феврале кроме небольшого числа городских не нашлось никого для защиты государя, после октября, когда большевики ударили по карманам, вспомнили о бедном царе и сделали его предметом культа, которого он не заслуживал. Меня политический вопрос вообще не интересовал, и монархистом я не был».

«Как известно, все остальные чиновники низложенного правительства ответили на переворот забастовкой; только музейные служащие к ней не присоединились, вследствие чего мы стали у новых властителей *personae gratae**, и многие из нас оставались таковыми довольно долго, хотя наше число постепенно и уменьшалось. Казалось, будто находишься на том большом плоском колесе в Луна-парке, которое, вертясь, скидывает сидящих на нем; одни слетают в первую же минуту, другим удастся удержаться более или менее долго, но под конец сметаются все».

«*персона желательная (лат.); юридический и дипломатический термин»

«Я вернулся в Гатчину как должностное лицо «рабоче-крестьянского правительства», тогда еще «временного», сильный поддержкой народного комиссара и обладая нужным авторитетом для разговоров с местным советом и солдатней. Занятие дворца войсками было далеко не закончено, время от времени происходили небольшие инциденты, например обыск, произведенный у меня в одно утро бандой красногвардейцев, искавших Керенского даже под моим одеялом и под матрацем. Но понемногу массы отхлынули и я мог вернуться к ежедневным музейным работам.

Любимое жилище несчастного императора Павла было пока что спасено, и мне казалось, что я как бы немного искупил преступление предков».

«Я уже упомянул, что в Гатчине проживал тогда великий князь Михаил Александрович. После октябрьского переворота его положение стало небезопасным, в особенности потому, что в этом небольшом городе он мозолил глаза враждебному местному совету. В привилегированном положении, в котором я находился, я мог быть полезен Михаилу Александровичу, как в маленьких вещах, так и в более крупных. Я не мог, не компрометируя себя, посещать его, и мы встречались либо как бы случайно на улице, либо в доме его секретаря Джонсона после наступления темноты. Но главным образом мы сносились через последнего, приходившего ко мне во дворец.

По поводу отречения Михаила Александровича от престола написано много и разноречиво. Я думаю, что мне следует запечатлеть то, что я по этому поводу узнал от него самого и от его секретаря так, как я это слышал, не ручаясь за абсолютную достоверность. После получения известной телеграммы Николая II, адресованной «Его Величеству Михаилу», которой отрекшийся за себя и сына император передавал власть своему брату, последний случайно находился вместе с Джонсоном в Петербурге, в то время, как по улицам шла стрельба, впрочем довольно безобидная. Он нашел укрытие в Зимнем дворце, в котором заперлось и военное командование старого режима. Оно решило стрелять в толпу из окон дворца. Тут в скромном человеке, каким был вел. князь, проснулся царственный инстинкт его предков и истинное величие души. «Никогда из дома моих предков не стреляли в народ, и я это запрещаю!» Он, бедный, забыл январское воскресенье 1905 года».

«В дальнейшем развитии революции вел. князь придерживался поведения, которое он называл строжайшей лояльностью. Я никогда не мог понять, что он под этим разумел, но несомненно, он всегда действовал по глубокому убеждению. При его высоком благородстве и честности были исключены хитрость и трусость. Доколе существовало временное правительство, которое он как бы узаконил своим отречением, он совершенно стушевался и старался в своих действиях сообразоваться с тем, что можно было ожидать от честного гражданина. Позже, при большевиках, его свобода и жизнь были в опасности, но он предпочел остаться в России, вместо того, чтобы перейти близкую линию фронта и искать убежища у немцев: он видел в последних врагов своей страны и предпочитал быть убитым своими, чем совершить шаг, который он считал бесчестным. У меня нет и тени подозрения, что его поведение могло быть продиктовано страхом. Он усматривал во втором перевороте выражение воли народа и считал своей обязанностью ей подчиниться. Я выше рассказывал о появлении Джонсона во дворце в вечер прихода большевиков в Гатчину. Что же до последних лет монархии, Михаил Александрович не скрывал своего отвращения к тому, что он называл «режимом Александры Феодоровны»».

«Как-то раз ко мне пришел Джонсон с просьбой от великого князя помочь ему получить несколько ему принадлежавших сундуков, много лет хранившихся в кладовых дворца; они содержали ливреи и шубы лакеев. В то время эти вещи можно было хорошо продать. Понятно, я не мог без всяких формальностей выдать эти сундуки; дворцовые лакеи не могли об этом не узнать, и, хотя они и были преданы вел. князю, все же среди них могла найтись паршивая овца, которая была способна на меня донести. Я пообещал сделать, что могу, и решил провести это дело официально. По мере надобности я ездил в Зимний дворец с докладом к «товарищу» Луначарскому. В этих случаях я завтракал за его столом, вокруг которого собирались его ближайшие сотрудники. Не следует представлять себе служебный обиход в этом «министерстве» по примеру администрации нормальных времен. Для него приспособили антресоли, выходившие окнами на Неву и носившие

название «детской половины»; тут когда-то, пока двор еще не окончательно заперся в Царском Селе, жили дети последнего императора. Вход был через маленький подъезд, первый от угла. Сюда входил всякий, кто хотел, без доклада, даже в самый кабинет Луначарского, не спрашивая, беспокоят ли его или нет. Бумаги валялись по столам, и всякий мог совать в них свой нос. Печать «наркома», простой резиновый штампель, превращавшая всякий оборвыш бумаги в официальный документ, находилась тут же, доступная всем, так же как и бланки комиссариата, фабриковавшиеся при помощи резинового же штампеля. Каждый мог также пользоваться пишущей машинкой. Благодаря такому порядку вещей я уже в другом случае, о котором расскажу позже, добился весьма крупного результата. На этот раз я поступил так же, то есть взял бланк, сел за пишущую машину и написал сам себе приказ наркома выдать бывшему вел. князю сундуки, находящиеся во дворце и составляющие его личную собственность. За завтраком Луначарский подписывал все, что я ему подносил, почти не читая и доверяя моим словам. Теперь он только спросил: «Вы уверены, что это его частная собственность?» В то время еще не успели составить себе окончательного представления о том, в каких границах следует экспроприировать. Казалось, что ограничатся землей, недвижимостью и орудиями производства. Не будучи уверенным в сроке своего существования, правительство не взяло еще настоящего разбега. Что до самого Луначарского, то в глубине души это был добрый человек, которого нельзя было принимать совсем всерьез, легкомысленный, слабый, но готовый помочь. Его двоюродный брат Михаил Иванович Ростовцев, который терпеть его не мог, как-то сказал мне: «Плюньте ему от меня в рожу. Он такой же большевик, как и я, я его знаю!» Во всяком случае через Луначарского можно было сделать кое-какое добро, если уметь им правильно руководить. Не то чтоб он мог часто вызволить кого-нибудь из тюрьмы, но всякий раз, что я его об этом просил, он не отказывался сделать все от него зависящее, то есть он писал или телефонировал, кому следовало. В то время он еще пользовался в партии некоторым престижем, который он позже постепенно терял, и весьма вероятно, не умри он вовремя, как раз собираясь отправиться к месту своего назначения послом в Мадрид, он разделил бы судьбу старой гвардии Ленина после возвышения Сталина».

«Теперь, когда у меня был в руках приказ наркома, я велел подать ко дворцу несколько ломовых саней, из особой осторожности после наступления темноты, лакеи нагрузили на них сундуки, которые поехали к дому вел. князя. Дело было в шляпе». («Дело было в шляпе» - выражение моей бабушки, часто употребляемое в обиходе при удачно сделанном деле, примечание Гриценко С. Л.).

«Так я работал в Гатчине до конца февраля 1918 года. Это было время мирных переговоров в Брест-Литовске. Каждую минуту ждали их разрыва и продвижения немцев к столице. Положение вел. князя становилось все опаснее и казалось, что предстоит его арест. Опять я убедительно советовал ему переехать в Петербург, раз он ни за что не хочет перейти демаркационную линию и стать под покровительство неприятеля. В один из этих дней я встретился с Джонсоном в глубине парка. Между прочим был разговор о том, что делать Михаилу Александровичу в случае занятия Гатчины немецкими войсками и не вернуться ли ему во дворец своих предков, так как большевистский переворот опрокинул все предпосылки его отречения. Джонсон полагал, что, покинув дворец задолго до революции при заключении своего морганатического брака, он, следовательно, не был оттуда удален переворотом. Его отказ от всякой официальной роли был решен раз навсегда, независимо от событий. К тому же он, вероятно, счел бы несовместимым со

своей лояльностью в отношении России воспользоваться для такого жеста приходом неприятеля. Но ввиду все увеличивавшейся угрозы свободе вел. князя мои доводы убедили по крайней мере Джонсона в необходимости отъезда в Петербург. Только теперь это уже было не так просто. Проезд по железным дорогам, то есть получение билета, было возможно лишь по служебным удостоверениям. Правда, всякий официальный бланк, снабженный круглым штампом, был годен; на содержание обращали мало внимания и не проверяли, имеет ли данное учреждение право выдавать подобные удостоверения или нет. У меня в делах было много документов, подписанных народным комиссаром. В царское время было правилом, чтобы номер исходящей бумаги и число были проставлены подписывающим лицом от руки. Эта мера предосторожности против возможного злоупотребления была неизвестна новой администрации, которой еще многому надо было научиться, чтобы толком управлять. Я взял бумагу, подписанную Луначарским, стер все кроме подписи и штампа и настукал на этом бланке под другим номером и числом разрешение на вымышленные имена для проезда в любом поезде из Гатчины в Петербург. Из предосторожности я этой бумаги не передал Джонсону, но условился с ним, что за несколько минут до отъезда вел. князя я буду находиться у билетной кассы, сам возьму билеты и передам все в момент посадки. Эта предосторожность, как я расскажу ниже, была не напрасна».

«Офицер, меня арестовавший, имел приказ произвести обыск в моих помещениях, но воздержался, так как представители совета, присутствовавшие на заседании, поручились за мою лояльность. Тут я вспомнил, что бумага, сфабрикованная мною для вел. князя, находилась в комоде в моей спальне. Когда я прошел туда, чтобы собрать вещи, двое солдат последовали за мной; я все же ухитрился незаметно взять эту бумагу и уничтожить в уборной, куда они не вошли; таким образом эта опасность была устранена. Кн. Шаховская получила разрешение сопровождать меня до Петербурга; автомобиль отвез нас на вокзал, где нам сообщили, что надо будет ждать прибытия Михаила Александровича. Мой арест, одновременно с ним, был хитростью местной власти, хотевшей от меня отделаться; она надеялась таким образом пришить дело советского служащего к делу члена династии. На меня падало подозрение, которое могло только усугубиться благодаря титулу. Мы прождали добрый час, если не больше; у вел. князя производили обыск. Наконец привезли его и тоже арестованного Джонсона. С ними была Наталья Сергеевна Брасова. При замужестве она не получила никакого титула; забавно, что большевики первые стали титуловать ее графиней, не зная закулисных сторон двора; правда, в их устах это звучало оскорблением. Впоследствии в эмиграции она получила княжеский титул от мнившего себя претендентом Кирилла Владимировича. Арестовали также моего делопроизводителя Власова, служившего в царское время в дворцовом управлении и которого я устроил при музее, чтобы не дать ему умереть с голоду. Так как он принадлежал к хорошей семье, совет и за это был мной недоволен и уже несколько раз пытался заставить меня его уволить, но я не поддавался. Теперь его дело смешивали с моим, а через меня с вел. князем».

«Поведение вел. князя было с начала до конца замечательно своим благородством, скромностью и спокойствием. Во время переезда он бросил из окна взгляд в сторону немецких позиций и сказал мне: «Как легко было бы стать подлецом и перейти туда!» У меня было мало надежды, что при создавшемся ныне положении ему удастся уцелеть, и при этих словах у меня сжалось сердце.

По приезде в Петербург я получил разрешение с вокзала протелефонировать Луначарскому. Я обратил его внимание, что ничто не оправдывало ареста вел. князя, и настаивал на его содействии ему, другим арестантам и мне. Он обещал немедленно отправиться в Смольный. Нас повезли туда, а дамы отправились каждая к себе».

«Здесь сидел главный штаб коммунистической революции, отсюда велась борьба против временного правительства и здесь Ленин и его друзья в ночь с 25 на 26 октября объявили советскую республику, в то время как в Зимнем дворце, взятом штурмом, было арестовано временное правительство, глава которого бежал. Советское правительство осталось в Смольном. Тут заседали исполнительный комитет совета (исполком), совет народных комиссаров (совнарком) и страшная чрезвычайная комиссия для борьбы с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем (чека). Во главе последней находился недюжинный человек, товарищ Урицкий. Короткая встреча, которую я тогда имел с ним (он вскоре был убит юным идеалистом Каннегисером), не была слишком приятной, но, оставаясь объективным, я должен сказать, что моим впечатлением было, что предо мной человек глубоко честный, до фанатизма преданный своим идеям и обладавший где-то в глубине души долей доброты. Но фанатизм так выковал его волю, что он умел быть жестоким. Во всяком случае он был далек от того типа садистов, что управляли чекой после него. Мое первое впечатление было лишь отвращением, но представление о нем, которое я тут изложил, сложилось у меня в результате трех дней и сведений, почерпнутых у лиц, заслуживавших доверия и ближе его знавших. Жестокости, им совершенные, были детскими игрушками по сравнению с потоками крови и неимоверными страданиями, последовавшими за его смертью и предлогом к которым вначале послужило как раз его убийство. Урицкий рассматривал смертную казнь как исключительный случай и говорил о ней слегка придушенным голосом. Его преемники объявляли о своих убийствах в трубном гласе, бросая этим вызов всему миру. Мне кажется, что бедный мальчик, стрелявший в Урицкого, открыл дорогу всем ужасам советского режима, как в 1914 г. Таврило Принцип сараевским выстрелом положил начало первой мировой войне. Конечно, события, которые должны были произойти, были неизбежны, но судьба избрала их своими бессознательными орудиями».

«Кроме того он изучал право и был человеком необходимым юной советской республике на посту верховного судебного следователя. В то время, когда, именуясь еще лишь «временным правительством рабочих и крестьян», власть считала нужным играть комедию и продолжать начатые Керенским приготовления к созыву учредительного собрания, на единственное заседание, сейчас же разогнанное военной силой, Урицкий был назначен комиссаром правительства при этом собрании. Все депутаты были обязаны удостоверить у него свои мандаты, раньше чем быть допущенными в Таврический дворец. Большинство некоммунистических депутатов возмущались при мысли, что должны были отправляться на поклон к «проклятому большевику», но им все же пришлось через это пройти. Это была первая «нравственная» победа партии в ожидании победы силой».

«Налево перед серединой стола сидело существо отталкивающего вида, поднявшееся, когда мы вошли; приземистое, с круглой спиной, с маленькой, вдавленной в плечи головой, бритым лицом и крючковатым носом, оно напоминало толстую жабу. Хриплый голос походил на свист, и, казалось, сейчас из рта станет течь яд. Это был Урицкий. Налево от него сидел секретарь, С.Ф. Каплун, очень жирный и большой еврей с черными вьющимися волосами, немного напоминавший Зиновьева. Комната была голой

как все классные; вначале народу было немного, но постепенно она наполнилась. Я предполагаю, что к концу допроса набралось около сотни человек. В коридоре перед дверью меня встретил секретарь Луначарского, Лещенко, пришедший сказать мне, что его патрон сейчас прибудет; и, действительно, он не заставил себя долго ждать и явился перед концом допроса Михаила Александровича».

««Кто из вас бывший великий князь?» – просвистел Урицкий, и злая радость блеснула в его глазах. «Великий князь я», – сказал Михаил Александрович. К сожалению, почти стенографический отчет этого допроса, составленный мною на следующий день, был у меня взят в 1922 г. во время обыска, за которым последовал четырехмесячный арест. Может быть, он еще покоится в архивах петербургского ГПУ. По своему содержанию этот допрос не представлял особого значения, но этот разговор между двумя существами, принадлежавшими к двум совершенно разным мирам, совершенно неспособными понять друг друга и одинаково глубоко убежденными в справедливости присущего им миропонимания, был достоин античной трагедии».

«Если вспомнить, что евреи, в особенности обитатели западных гетто, откуда происходил Урицкий, перенесли в прежние времена, можно понять ненависть, накопившуюся в этом маленьком талмудисте. Притеснения евреев в России и крематории нацизма, конечно, дистанция огромного размера, но этой возможности сравнения у Урицкого не было. Перед ним сидел человек, которому привычка власти была передана поколениями. Над ним издевался этот сын гетто, а он оставался спокойным и достойным, без малейшего нетерпения в голосе, не стараясь обойти вопросов, и без подчеркнутого снисхождения. Его спрашивали, чем он живет, распространяют ли от его имени листовки против советской власти, не получает ли он маленькие белые бумажки, на которых ничего не написано. Это последний вопрос тогда никем из нас не был понят; позже, обдумывая, я догадался, что это могло относиться к сообщениям, писанным сим-патетическими чернилами или лимонным соком. Что до листовок, великий князь отвечал, что в России живет 150 миллионов человек и что он не может отвечать за то, что могут делать некоторые из них, злоупотребляя его именем. Что до него, то он отрекся до решения учредительного собрания, но его решение не царствовать непреклонно, и, раз учредительного собрания нет, он готов подписать какой угодно документ в этом смысле. «Да, да, — отвечал Урицкий с деланной рассеянностью, — я помню, я читал ваше заявление»».

««Кто вы?» – обращается ко мне Урицкий. «Директор Гатчинского Дворца-Музея по назначению товарища Луначарского». Урицкий озадачен, он не ожидал увидеть здесь советское должностное лицо. «Где вас взяли?» – «При исполнении служебных обязанностей, во время заседания». Урицкий обращается к представителю гатчинского совета, который подтверждает мои слова».

А вот самое интересное (примечание Гриценко С. Л.):

«Когда я спросил Урицкого о причине ареста, тот не находит ничего другого, как то, что я с титулом подписывал служебные бумаги. Урицкий лает: «Вы граф, вы бывший граф?» – «Да, но я подписывал: гр. Зубов, можно читать гражданин». Тут вступается прибывший Луначарский.

«Официальная точка зрения комиссариата народного просвещения!» – спешит заявить Луначарский. Начинается долгое препирательство между представителем гатчинской власти, настаивающим на продлении моего ареста, и большинством присутствующих советских шишек. Нарком юстиции Штейнберг говорит в мою пользу (он, впрочем, не коммунист, а левый эсер; как известно, они первое время были попутчиками, но скоро были сметены при попытке восстания), а также управляющий делами правительства Бонч-Бруевич и, наконец, юный офицер Благонравов, разогнавший учредилку и с тех пор ставший видным лицом в партии. Наконец Урицкий объявляет, что все, что гатчинский представитель мог сказать против меня, не выдерживает критики и что именно поэтому он принужден оставить меня временно у себя. Он-де просто не может себе представить причины моего ареста, а представитель местного совета не в состоянии ему этого объяснить».

«На этом заседание кончилось. Все встали. Луначарский подошел ко мне и, пожав руку, просил не сердиться, что он ничего большего сделать не может. Он пожелал мне спокойной ночи, говоря, что уверен, что мое дело завтра же придет в порядок. «Это не так важно, но сделайте все, что вы можете, для великого князя». Он пообещал, но без уверенности в голосе».

Самое интересное, произнесенное Великим Князем Михаилом Александровичем Романовым на допросе у Урицкого в Смольном (примечание Гриценко С. Л.).

«Урицкий позвал нас еще раз к столу, подписать протокол допроса. Вел. князь расписался с титулом. «Вы все еще считаете себя великим князем?» — «Великим князем рождаются и этого отнять нельзя, так же как у графа Зубова его титул». — «Законами республики рабочих и крестьян титулы упразднены. Романовы заставляли нас подчиняться своим законам, теперь мы заставим вас подчиняться нашим»».

Декрет СНК РСФСР и ВЦИК от 24 ноября 1917 года «Об уничтожении сословий и гражданских чинов»

Источник:

Декреты Советской власти. – М.: Гос.изд-во полит.литературы, 1957. – Т. I. – С. 72

Википроекты: Википедия Данные

**СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ РСФСР ВСЕРОССИЙСКИЙ
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ**

ДЕКРЕТ

от 24 ноября 1917 года

ОБ УНИЧТОЖЕНИИ СОСЛОВИЙ И ГРАЖДАНСКИХ ЧИНОВ

11(24) ноября 1917 г.

Ст. 1. Все существовавшие доныне в России сословия и сословные деления граждан, сословные привилегии и ограничения, сословные организации и учреждения, а равно и все гражданские чины упраздняются.

Ст. 2. Всякие звания (дворянина, купца, мещанина, крестьянина и пр.), титулы (княжеские, графские и пр.) и наименования гражданских чинов (тайные, статские и проч. советники) уничтожаются и устанавливается одно общее для всего населения России наименование граждан Российской Республики.

Ст. 3. Имущества дворянских сословных учреждений немедленно передаются соответствующим земским самоуправлениям.

Ст. 4. Имущества купеческих и мещанских обществ немедленно поступают в распоряжение соответствующих городских самоуправлений.

Ст. 5. Все сословные учреждения, дела, производства и архивы передаются немедленно в ведение соответствующих городских и земских самоуправлений.

Ст. 6. Все соответствующие статьи доныне действовавших законов отменяются.

Ст. 7. Настоящий декрет вступает в силу со дня его опубликования и немедленно приводится в исполнение местными Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Настоящий декрет утвержден Центральным Исполнительным Комитетом Советов рабочих и солдатских депутатов в заседании 10 ноября 1917 г.

Подписали:

Секретарь Совета Н. Горбунов.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета Я. Свердлов.

Председатель Совета Народных Комиссаров

Вл. Ульянов (Ленин).

Управляющий делами Совета Народных Комиссаров

В. Бонч-Бруевич.

https://ru.m.wikisource.org/wiki/Декрет_об_уничтожении_сословий_и_гражданских_чинов 18.03.2018, 13N09 Стр. 2 из 3

«Незадолго до того двое арестованных министров временного правительства, помещенные в клинику по болезни, были ночью убиты в кроватях ворвавшимися солдатами. Возможность подобной попытки в отношении вел. князя не казалась нам исключенной. Солдаты, сидевшие с ружьями у дверей, могли совершить это дело, которое бы потом объяснили попыткой к бегству. Мы решили сделать все от нас зависящее для безопасности Михаила Александровича, каждый из нас должен был продежурить четверть ночи. Я был первым и решил никого не будить для смены. Бедный Джонсон был совсем разбит, у Власова болел зуб, а жандармский полковник ждал смертного часа. Кроме того у меня не хватало смелости лечь на эти матрацы, даже одетым. Ввиду наших опасений мы света не потушили, а лишь обвернули лампу куском материи. Я сидел на стуле посреди комнаты. Скоро вокруг меня все заснуло. Спал тот, кто в течение нескольких мгновений был последним русским государем. В истории иногда бывает магия имен. Династия Романовых началась с царя Михаила, его преемником был Алексей. В течение трех столетий царствования этой семьи эти два имени не встречались больше на престоле. Теперь, когда роль династии кончалась, они вернулись. Наследника, за которого отрекся Николай II, звали Алексеем, его дядю, который должен был его заместить, Михаилом. Так было в Риме: первым царем был Ромул, первым императором Август, последним императором Ромул Августул. Встречаются и другие подобные примеры. Несколько месяцев спустя мы были поражены новым совпадением. Михаил Федорович узнал о своем

избрании в Ипатьевском монастыре в Костроме, Николай II с семьей был убит в Ипатьевском доме в Екатеринбурге».

Интересна детская память, проявляющаяся на генном уровне и переданная по наследству, как пример описанный мною, в автореферате к докторской диссертации, а данное написание утверждает правоту моих мыслей, доказывая их фактически (примечание Гриценко С. Л.).

«Вел. князь всегда спал на спине. Мне показалось, что я уже где-то давно видел этот высокий лоб, этот профиль с закрытыми глазами, таким, как он тут лежал предо мной в спокойствии сна. Во мне воскресло воспоминание детства. Та же голова, но обрамленная бородой. Пышный балдахин, множество свечей, кафельный дым, у ног регалии, неподвижные пажи в парадной форме. То был император Александр III под *castrum doloris* в Петропавловском соборе. 1894 год, мне 10 лет. Экипаж, в котором я сидел с матерью и старшей сестрой, обеими в глубоком придворном трауре, долго ждал в веренице, раньше чем высадить нас у северных боковых дверей. Внутри собора новый хвост, направляющийся к гробу, в котором покоился государь. Вот я наконец под балдахином. Я удивлен, каким маленьким выглядит царь, в жизни казавшийся мне всегда великаном; а теперь гроб так короток. И почему покойник такой коричневый, цвета темного табака? Прошло уже около месяца, что он скончался в Крыму от болезни почек; перевозка и все церемонии заняли много времени. Тело быстро разлагалось, несмотря на бальзамирование. Каждую ночь художник покрывал лицо эмалевой краской, но она не доживала до полдня. На груди царя лежит маленькая икона, я прикладываюсь к ней и схожу несколько ступеней с катафалка. Слышу, как какой-то генерал говорит моей матери, что сейчас прибудет Его Величество, и мне кажется странным, что так зовут того, которого все до тех пор звали наследником.

Между этой картиной и настоящей минутой устанавливалась связь. Опять у меня сжалось сердце: человек, который тут спит, еще проснется, но кто знает, не витают ли уже вокруг него тени смерти. Сын в смерти не будет окружен теми же почестями, что отец; может быть, он будет лежать в какой-нибудь никому не ведомой дыре. Солдаты у дверей дремали, опершись на ружья, а я, охраняя сон моих товарищей, предавался своим мыслям. Стало светать. Не помню, кто первым проснулся, Власов или жандармский полковник. Я лег на стальную решетку одной из кроватей и забылся».

«Я продремал около часу и проснулся оттого, что остальные стали двигаться. В неудобном положении, в котором я лежал, заснуть опять было невозможно. «Здравия желаю, Ваше Высочество!» Я с удовольствием увидел среди подушек его отдохнувшее лицо. Я решил быть как можно веселее, чтобы подбодрить всех и держать вел. князя в добром настроении до минуты решения, какое бы оно ни было».

В каждой семье, Роде есть свои истории, передающиеся из поколения в поколение и незавершенные дела которые обязаны завершить последующие наследственные поколения (примечание Гриценко С. Л.).

«Джонсон, глубоко спавший, открыл глаза и жалобным голосом требовал Урицкого. Бедняга думал обрести свободу после следующего допроса. Мы обменялись несколькими каламбурами на тему Урицкий, урина, урыльник. В час обеда нам сказали, чтобы двое из

нас шли на кухню за едой. Великому князю очень хотелось идти, ради некоторого развлечения, но мы все решительно этому воспротивились. В этой комнате он находился в относительной безопасности, но невозможно было предвидеть, что могло случиться вне ее. Джонсон и я пустились в путь. Опять прекрасные, но бесконечные галереи XVIII века, а затем полные народа коридоры, через которые мы вошли накануне. Мы достигли огромной кухни, прежде обслуживавшей институт, а сегодня питавшей членов совета, служащих и делегатов, прибывавших со всех концов России. Нам вручили два огромных медных котла, принадлежности доброго старого времени. Мы с Джонсоном едва могли их нести. Он, бедный, плакался над своей судьбой, чувствуя, что наступают недобрые дни для него и вел. князя. К сожалению, он был прав. Я старался убедить его, что это все лишь пикник, приключение, которое скоро закончится, но мне лишь с трудом удавалось его подбодрить. Тяжесть котла и полверсты, которую надо было с ним пройти, удручали его, он чувствовал себя каторжником. Что до меня, то ощущение пикника и сейчас еще моя обычная реакция по отношению ко всем событиям, начавшимся с 1914 года; что в том, что этот пикник будет длиться до моей смерти. Если бы не опасность, в которой я видел вел. князя, я бы считал свое пребывание в Смольном весьма забавным эпизодом. Конечно, я был бы огорчен не вернуться в Гатчину, главным образом ввиду опасений за целостность дворца; но в конце концов я ведь не был незаменим; было и кроме меня много музейных специалистов, которые могли не хуже моего исполнять те же обязанности. Но совесть моя была чиста, я сделал все, что человечески было возможно. Таким образом мне нетрудно было симулировать больше веселья, чем то, которым я в действительности располагал».

«Наше пребывание здесь, собственно говоря, лишь отдаленно напоминало тюрьму; вскоре нас посетили Н.С. Брасова с четырьмя друзьями, двумя братьями князьями Путятиными, женатыми на двух сестрах Зеленых, и кн. Шаховская. Все разгуливали точно в гостиной. Была и обратная сторона медали: язва желудка, причинявшая великому князю сильные страдания, и зубные боли Власова, стонавшего, лежа на своей постели. Удивительно, что у людей, которых арестовывают, часто начинаются зубные боли. Я это испытал на себе через несколько лет».

«Нас в присутствии всех этих гостей посетил Урицкий, причем завязалась общая беседа в совсем вежливых формах. Он пришел осведомиться, как мы себя чувствуем, но все же не мог не коснуться политических тем. Михаил Александрович попросил его удалить двух солдат, сидевших у дверей, присутствие которых ему действовало на нервы; охрана, по его мнению, была бы такой же действительной, если бы они сидели у дверей снаружи. Урицкий ответил, что он на это не имеет права, так как существует возможность бегства. «Но, товарищ, — сказал я ему, — комната находится в четвертом этаже, на окнах решетки, как вы хотите, чтоб была возможность бежать?» — «Кому вы это говорите? Я-то знаю! Раз я был заперт в такой маленькой комнате, что я не мог сделать больше пяти шагов, и два солдата со штыками на ружьях меня сторожили; я ходил как дикий зверь в клетке; каждый раз как я подходил к одному из солдат, он направлял на меня штык. И я все-таки бежал». — «Когда это было?» — с ужасом спросил великий князь; казалось, он не знал, что происходило за кулисами старого режима. «Да в благополучное царствование вашего братца, который сейчас находится в Тобольске», — саркастически отвечал Урицкий; потом, подходя ко мне: — «По отношению к вам у меня нехорошая совесть; вы наш сотрудник и все-таки у меня под ключом. Но я до сих пор не имею известий из Гатчины; пожалуйста, потерпите еще немного». Я уверил его, что ничего не имею против того, чтобы побыть еще его гостем, и получил от него разрешение, чтобы мне из дому

принесли матрасы, одеяла и все, что было нужно для вел. князя и всех нас. Мой лакей все это нам доставил, и на вторую ночь мы устроились как у себя».

«Между тем Н.С. Брасова и ее друзья пытались сделать невозможное: они осаждали Урицкого и других шишек и проникли, кажется, даже к Ленину. Луначарский со своей стороны, по-видимому, замолвил несколько добрых слов, но так застенчиво, что они не были услышаны. Все старания разбились о твердость Урицкого. На второй день казалось, что было решено отправить вел. князя, Джонсона, Власова и жандармского полковника в отдаленный город; кажется, уже говорили о Перми. Мы еще не отдавали себе полного отчета в том, что это означало.

Вел. князь время от времени принимался за свой дневник; это, видимо, было семейной привычкой. Николай II тоже оставил таковой, и он опубликован. Он главным образом содержит метеорологические наблюдения, и это в самые трагические дни его жизни! Не знаю, было ли то, что писал Михаил Александрович, содержательнее. К сожалению, кажется, что его дневник утерян; может быть, в нем нашлись бы интересные данные о последних днях монархии, когда вел. князь, как он мне говорил, старался образумить царственного брата; попытка осталась безуспешной из-за влияния Александры Федоровны.

После обеда на второй день, то есть в третий после нашего ареста, профессор Вестфален, известный специалист по внутренним болезням, лечивший вел. князя, был допущен к нему. Серьезный, важный, высокого роста немец с седой бородой казался анахронизмом в обстановке революционного Смольного. Он осмотрел своего больного, но что мог он посоветовать при этих условиях.

Мы уже легли, когда пришли мне сказать, чтобы я собирал вещи и шел к Урицкому. Я наскоро осведомился у великого князя, надо ли передать ему что-нибудь от него. Он просил только повторить прежнее заявление, то есть что, отрекшись от престола до учредительного собрания, он готов, если эта формула вызывает сомнения, подписать любой документ и отречься на все могущие представиться случаи, лишь бы ему дали спокойно жить в кругу семьи; он твердо решил не царствовать».

«Я нашел Урицкого в той же зале, где происходил допрос. Он был один. Солдат, принесший мои вещи, сел у дверей. Урицкий принял меня весьма любезно и заявил, что Гатчинский совет так и не сумел ничего серьезного привести против меня, но что я сделал себя там непопулярным. Он принужден считаться с настроением местной власти и из политических соображений не может ее дезавуировать, даже когда она не права. Это было как раз то, что я предвидел с первой минуты допроса. Урицкий был принужден дать гатчинцам маленькое удовлетворение и выслать меня из Петербурга на короткое время, пока умы не успокоятся. Мне предоставлялось выбрать место моего пребывания».

Очень интересная мысль Урицкого имеющая подтверждение и настоящее время в 2018 году, как одна из составляющих основ коррупции Государства (примечание Гриценко С. Л.).

««Товарищ, – сказал я, – не можете ли вы себе представить, что бывают люди, у которых нет политических убеждений, а только политические вкусы? Так вот, если дело идет о вкусах, я предпочитаю ваше правительство Керенскому». – «Я знаю, что мы многим из вас симпатичнее его. Мы верим также в вашу лояльность, но вы все-таки не совсем такой как мы. Ну и вот, вы раздражили тамошний совет: вы были правы в том, что

вы говорили, но в минуту, когда ожидали неприятеля, ваши слова произвели плохое впечатление на этих простых людей. Автономия местных властей одна из основ нашей системы, и мы должны с ней считаться. Впрочем, дело зависит не от меня, это решение малого совета народных комиссаров. Товарищ Луначарский горячо за вас заступался». Впоследствии я узнал, что решение было принято по настоянию самого Урицкого, поведение которого с самого начала было двуличным, в чем я прекрасно отдавал себе отчет. Двуличие было и остается обычной тактикой коммунистических должностных лиц на всех ступенях иерархии. Я не хочу несколько очернить Урицкого, который в этом случае лишь следовал установленной методе. Как бы там ни было, все, что он говорил, было умно и мне нравилось. Я сказал, что если я могу выбирать, то охотно съездил бы в Финляндию (там в то время находились мои мать и дочь), если нет, то я выбираю Москву. «Финляндия – нет; это уже стало заграницей. Я, значит, велю заготовить вам бумагу на Москву, за которую много народа вам позавидуют, но вы должны выехать завтра же вечером»».

«Меня пребывание в Москве вполне устраивало; там находился семейный особняк, еще не окончательно экспроприированный (это вскоре произошло), и я был уверен найти радушный прием у старушки Марии Андреевны Васильевой, управлявшей домом уже несколько десятков лет. Кроме того у меня в Москве было немало друзей.

Мой дом находился на Поварской улице, в прошлом одной из самых аристократических в Москве, на которой стояли лишь особняки, на углу Чашникова переулкa, который он занимал весь своим боковым флигельным фасадом. Он был деревянным и построен моей прабабкой после пожара 1812 г. Он состоял из нижнего этажа с тем, что по недоразумению в России называли «мезонином». К нему принадлежало обширное дворовое пространство с деревьями».

«В мою московскую «ссылку» я прибыл в марте 1918 г. в ту минуту, когда решался вопрос о перенесении столицы в древний город русских царей, и «Петра творенью» предстояло в свою очередь главой склониться перед ним. Исторический парадокс: старый сон реакционеров петровского времени и славянофилов XIX века осуществлялся коммунистами, интернационалистами».

«Я присутствовал на заседании всероссийского съезда советов (страна в то время называлась еще Россией), на котором был решен перенос столицы и ратифицирован брестский мирный договор с Германией. Единогласия по поводу этого унижительного для России мира не было».

«Во время перерыва в другом зале собралась под председательством Свердлова коммунистическая фракция (съезд происходил в бывшем здании Дворянского Соборa), и тут в действительности была решена ратификация; так как коммунисты располагали больше чем двумя третями голосов на съезде, все последующее становилось лишь одной формальностью. Однако и на этом собрании фракции раздавались противоречившие голоса, но Свердлову удалось ссылкой на партийную дисциплину резко навязать им волю Ленина».

«По возобновлении заседания съезда говорил Ленин. Его ораторское дарование было удивительно: каждое его слово падало как удар молота и проникало в черепа. Никакой погони за прикрасами, ни малейшей страстности в голосе; именно это было

убедительно. Позже я имел случай сравнить способ его речи с Муссолини и Гитлером. Последний сразу начинал с истерического крику и оставался все время на этой форсированной ноте, не имея возможности дальнейшего подъема; я никогда не мог понять, как этот человек мог влиять на слушателей, разве что они все были истериками. Прекрасноречие Муссолини могло действовать на настроения итальянцев, но по сравнению с Лениным оно было не дельным. Один лишь западный оратор мог сравниться с Лениным — Черчилль.

На эстраде правительства находились многие партийные вожди; затерянный среди них, в последнем ряду сидел Сталин, роль которого в ту минуту была совсем второстепенной. Сидя на хорах против эстрады, я обзирал весь зал».

«Долгое время я точно не знал, что случилось с великим князем и Джонсоном. Высланный вместе с ними в Пермь. Власов скоро вернулся в Петербург и рассказал мне, что они провели там месяц в гостинице на относительной свободе, хотя и под надзором. Им позволяли гулять по городу, ходить на рынок и т. д. Власов сказал мне также, что великий князь надеялся получить от меня письмо. Во время моего пребывания в Москве я не знал, где он, а теперь было поздно. Скоро после отъезда Власова из Перми там произошло нечто, что выяснилось только через несколько лет. Вот вкратце факты, как они рассказаны в статье Мельгунова «Пермское преступление» в журнале «Возрождение» № 5, сент.-окт. 1949, с. 12-21. Раз вечером к вел. князю и Джонсону пришли люди и приказали им следовать за ними. Не доверяя им, они пожелали видеть письменное приказание. Тогда им шепнули несколько слов, которые их убедили. Под видом коммунистов будто бы белые пришли их освободить. Их посадили в автомобиль, отвезли в лес и убили. Неизвестно, была ли это индивидуальная инициатива, дело пермского совета, или приказ из Москвы. Когда у меня был Власов, он еще думал, что вел. князь действительно освобожден и находится в гостях у Сиамского короля; позже я прочел эту версию в какой-то советской газете и долго этому верил. Советское правительство имело тогда какие-то причины скрывать это преступление, может быть из-за английского подданства Джонсона. Впоследствии оно было признано как действие местной власти».

«Эта глава («Гатчина» - примечание Гриценко С. Л.) была напечатана в 1960 г. в Нью-Йорке в кн. 61 «Нового журнала», причем редакция без моего ведома и согласия из угодничества перед Керенским систематически вытравивала каждое слово, казавшееся неблагоприятным для него. Поставив меня таким образом перед совершившимся фактом, она пообещала поместить в одной из последующих книг соответствующую заметку, но этого обещания не исполнила».

2. «Институт Истории Искусств».

«До института истории искусств еще далеко, мы к нему будем приближаться постепенно. На двадцатом году жизни (в 1904 г.) я сдал экзамен на аттестат зрелости: лучше поздно, чем никогда. В школу я никогда не ходил, хотя и числился учеником 2-й Спб. гимназии, что на Казанской улице. Учился дома и каждую весну сдавал переходные экзамены. К молодому оболтусу ходила целая орава учителей, и мне было, конечно, труднее, чем школьникам: во-первых, знать урок надо было всегда, во-вторых, и подбор учителей был высокого калибра. Тем не менее я глубоко благодарен матери за эту систему.

И моей сибаритской натуре было приятнее не бегать ежедневно в школу по морозу, и толку было больше. Только вот математику лучшим учителям так и не удалось втемяшить в мою башку».

«Зиму 1908-1909 года я провел во Флоренции, где писал свою первую докторскую диссертацию, из которой ничего не вышло, о фресках Вазари в Палаццо Веккьо, а к весне отправился в университет в Халле, где, наконец, нашел настоящего своего учителя профессора Адольфа Goldschmidt'a, у которого я впоследствии, в 1913 году, и сдал докторский экзамен, но уже в Берлине, куда его перевели и куда я за ним последовал».

«Еще раньше мы с Семеновым и Трапезниковым стали готовить Институт. Делалось это так: я ассигновал некую сумму на составление библиотеки; мы с Семеновым засели в Берлине, а Трапезникова посадили в Лейпциге, как в самом крупном центре книжной торговли. Семенов, причастный к издательству «Скорпион», везде имел книгопродавческую скидку. Мы вошли в сношения с большими немецкими книжными фирмами, просматривали антикварные каталоги и закупали, закупали, закупали. Кроме того, я в Берлине купил диапозитивы для проекций, заказал два проекционных фонаря, а в Страсбурге новейшую модель библиотечных полок. Все это было сделано в течение лета 1910 года и ящики отправлены в Петербург.

При составлении библиотеки нами руководили следующие соображения. В Петербурге литература по истории искусства была сосредоточена, во-первых, в «Музее древностей» университета (гордое и устаревшее название), в котором наш крупный византолог Дмитрий Власевич Айналов читал без помощи проекционного фонаря, показывая изображения из книжек сидевшим вокруг стола студентам. Старые издания, в особенности по византологии, были хорошо представлены, новейших же книг по западноевропейскому искусству почти не было. Во-вторых, существовала библиотека Эрмитажа, но она была доступна только хранителям, да и там не было систематического пополнения текущими изданиями; наконец – Публичная библиотека, где новые приобретения по этой части были более или менее случайными. Поэтому главное внимание мы направили на новые труды по западному искусству; в дальнейшем наша библиотека еженедельно пополнялась всем выходявшим за границу. Приобретены были полные комплекты всех крупных журналов, немецких, французских, итальянских и английских. Для начала, осенью 1910 года, было более трех тысяч томов; когда я в 1925 году покидал Россию, их было свыше пятидесяти тысяч».

«Несмотря на мои просьбы, Трапезников в Петербург не поехал. Я имел несчастье свести его с Рудольфом Штейнером, тогда теософом, впоследствии антропософом, которым я короткое время увлекался. Я-то скоро его покинул, а бедный Трапезников у него застрял, отправился с ним в Швейцарию, в Дорнах, где строился антропософский храм, и, кажется, почувствовал себя пророком. Словом, свихнулся человек. Когда, после октябрьской революции, Штейнер, не разобрав, в чем дело, сначала приветствовал большевиков, Трапезников приехал в Москву и стал помощником Наталии Ивановны Троцкой, заведовавшей музейным отделом. Скоро, однако, Штейнер одумался и объявил большевиков исчадьем ада, но для Трапезникова было уже поздно».

(Рудольф Штейнер (также *Штайнер*); нем. *Rudolf Joseph Lenz Steiner*, 27 февраля 1861 — 30 марта 1925) — австрийский доктор философии, педагог, лектор и социальный реформатор; эзотерик, оккультист, ясновидящий и мистик XX века, автор многих

сочинений (1883—1925), давший более 6000 лекций по всей Европе (1900—1924); основоположник антропософии и антропософского движения – примечание Гриценко С. Л.).

«Я видел его в последний раз в Москве в 1922 году. У него была тяжелая сердечная болезнь; он получил разрешение на заграничную поездку для лечения и там скончался около 1925 года.

Семенов, который годами жил в Италии, приехал в Петербург, и мы с ним начали устройство библиотеки, но скоро тоска по Италии и петербургский климат заставили его меня покинуть, – я остался один с едва разобранными ящиками книг. Он навсегда остался в своем прекрасном далеке, поселился в Позитано на Салернском заливе и скончался в неаполитанской больнице в 1952 году».

«Вставал вопрос, где быть Институту. Сначала я предполагал нанять для него помещение, но то, что я находил, меня не удовлетворяло. Наконец моя мать посоветовала мне занять нижний этаж нашего семейного дома на Исаакиевской площади, против самых западных дверей собора. К помещениям, отданным мною под Институт, примыкали мои личные апартаменты, которые с его ростом постепенно стали сокращаться. Большая аудитория вмещала около ста слушателей, к ней с одной стороны примыкали читальный зал и книгохранилища, с другой мой кабинет. Помощниками мне в организации библиотеки были библиотекарьша Екатерина Гвидовна Пенгу и приходивший из любви к делу милейший Валерьян Адольфович Чудовский, один из хранителей Публичной библиотеки, литературный критик и сотрудник журнала «Аполлон», а также Николай Эрнестович Радлов».

«Как сказано, Институт был задуман по примеру флорентийского, то есть библиотека для пользования на месте и время от времени отдельные доклады. Но силой вещей выросло нечто совсем другое. Полтора года ушло на каталогизацию и установку всей библиотеки. Наконец 2 марта (по старому стилю) 1912 года я мог открыть Институт небольшим торжеством. Начало было сравнительно скромным, но разбег был взят, и рост оказался сильнее, чем я предполагал и даже чем я желал. Этому были причиной надвигавшиеся политические события.

Первые месяцы библиотека, открытая с утра до вечера, пустовала. Друзья и коллеги просили книги на дом, что совершенно не соответствовало моим намерениям, но в те дни другой публики не было. Я осознал то, что раньше лишь подозревал: только путем систематических курсов, а не случайными докладами, можно было внести жизнь в новое учреждение. И я решил их организовать. Они представлялись мне в виде свободных курсов, без всякого принуждения, без экзаменов и дипломов; и они должны были быть бесплатными. Мне удалось собрать лучшие силы, которыми располагал Петербург. Несколько друзей приняли участие безвозмездно, остальные лекторы оплачивались мною. Я хотел дать пример бесплатного образования, которое считал обязанностью государства. Это позже было принято советским правительством, но впоследствии оставлено. Не знаю, как там дело обстоит».

«В январе 1913 года мы начали с довольно полной программой. Успех и наплыв превзошли все наши ожидания. Желая составить себе представление об интеллектуальном уровне будущих слушателей, я принимал для короткой беседы всех, желавших записаться. Рядом со студентами и пожилыми людьми, проявлявшими действительный интерес и

желание к приобретению серьезных знаний, являлись люди общества, главным образом дамочки, искавшие сенсаций и желавшие видеть на кафедре моего покойного друга барона Николая Николаевича Врангеля и меня. Сразу стало большой модой посещать «Зубовский институт». Мне пришлось на дни вперед выдавать порядковые номера на мои приемные часы. Я отклонял лиц, казавшихся мне совершенно непригодными, чувствуя, что следовало отстранить много большее число, чтобы освободить места для тех, которые этого больше заслуживали, но не хватало энергии. Приняв 300 слушателей, мне пришлось закрыть запись за отсутствием мест».

«Чувствую долгом вспомнить здесь друзей, сплотившихся вокруг меня в этот первый год. Их всех уже нет. Вижу умную голову старого сатира, большого знатока и собирателя Павла Викторовича Деларова, к моему большому горю унесенного болезнью после трех необычайного блеска лекций о голландской живописи. Это был человек, которого можно назвать русским Раблэ XIX века, с той разницей, что он не оставил ни одной печатной строки. Беседа его искрилась остроумием, подчас едким, подчас скабрезным, память его была необычайной, знал он наизусть почти все, что ему приходилось читать; знаток не только искусства, но и вина. Сколько драгоценных бутылок мы с ним осушили!

Старый барон Эрнест Карлович Липгарт, читавший об итальянском искусстве на французском языке, достойном века Людовика XIV, несмотря на балтийское происхождение. Художник, проведенный молодость в Париже, женившийся там на своей французской натурщице к великому ужасу семьи, ставший около 1909 года одним из хранителей Эрмитажа. Человек старого закала с манерами *grand seigneur'a*. Молодой тогда археолог немецкой школы Оскар Фердинандович Вальдгауэр, казавшийся предназначенным для большой научной будущности и слишком рано умерший, истощенный лишениями революционных годов, — он читал по-немецки историю греческой скульптуры. Маститый профессор Петербургского университета Дмитрий Власьевич Айналов, крупнейший византолог, мой первый учитель во время короткого пребывания в университете, читал по своей специальности. Жизнерадостный, слегка елейный, Василий Тимофеевич Георгиевский, составивший себе славу тем, что открыл фрески Дионисия в Ферапонтовом монастыре, читал о русской иконописи; с неистощимым красноречием и тончайшим голосом Владимир Яковлевич Курбатов говорил о русской архитектуре XVIII и XIX веков; Джемс Альфредович Шмидт, хранитель Эрмитажа, прекрасный ученый, прошедший за несколько лет до меня через немецкие университеты, читал о фламандской живописи; директор французского Института в Петербурге Louis Reau — о французском искусстве.

Особый ряд лекций, относившихся не к изобразительному искусству, а к драматическому, об искусстве сценического движения, прочел бывший директор Императорских театров князь Сергей Михайлович Волконский; наконец, создатель истории русского искусства XVIII и XIX веков, барон Николай Николаевич Врангель, дорогой, незабвенный Кока, обаятельный циник, ученый без учености, значительный без значительности, саркастический и добрый, скептик и мистик, прекрасный оратор, но как бы с ноткой небрежности, обижавшей серьезных глупцов (для меня он был другом, какого встречаешь лишь раз в жизни; его смерть в 1915 году в Варшаве от болезни, схваченной на санитарной службе на фронте, создала для меня пустоту, которая не заполнилась в последующие пятьдесят два года), — он в этом первом году читал о русской живописи XVIII века. Ко всем этим друзьям и сотрудникам обращается моя благодарная память о совместной работе и счастливых соединявших нас часах. Если позже, в тяжелые годы

революции, когда нервы были напряжены и умы взбудоражены, у меня могли быть расхождения с одним или другим из них, то не это сохранилось в моей памяти, а лишь полные надежд первые шаги.

С этого времени Институт быстро развивался, несмотря на трудности первого года войны. Число преподавателей росло, библиотека пополнялась и работа шла хорошо. Я предвидел минуту, когда мое создание перерастет мои возможности, и понимал, что рано или поздно мне придется передать его в руки государства».

«По прошествии нескольких лет Институт был признан юридически и преподаватели получили профессорское звание, но во всем остальном он пребывал моей личной собственностью. После февральской революции я получил от временного правительства субсидию, которую оно так и не успело выплатить. После Октября все автоматически менялось: все состояния пошли на дым, дома были отчуждены. С другой стороны, в логике вещей было, чтобы эта революция, которая все обобществляла, поступила бы так же и с моим Институтом».

«На этой логике я и построил свой план действий. Без всяких других формальностей я смотрел на себя как на стоявшее во главе Института должностное лицо нового правительства: я, так сказать, сам его у себя конфисковал. Я лично не видел, почему, если я работал с временным правительством, я не могу работать с большевиками; с монархической точки зрения крамольниками были и те и другие; впрочем, монархистом я не был и поэтому чувствовал себя еще более свободным поступать так, как считал целесообразным.

Положение, которое я себе создал в комиссариате народного просвещения благодаря своей работе в Гатчинском дворце, и возможность во всякое время являться к Луначарскому, послужили мне и в отношении Института, а Институт, в свою очередь, служил мне предлогом оставаться хозяином в своем особняке. Я уже рассказывал, как, являясь с докладами к наркому, я завтракал за его столом и описал забавный беспорядок, царивший в этом «министерстве». В первые же дни, с помощью резинового штампа, я из клочка бумаги сфабриковал официальный документ, в котором было сказано, что именем народного комиссара просвещения Институту истории искусств разрешается занять все здание по Исаакиевской площади No 5 и принять его в свое управление. Я не сомневался, что Луначарский эту бумажку подпишет; вопрос о том, имеет ли он право распоряжаться городскими зданиями, не имел значения. В ту минуту нарком был наркомом, резиновый штамп был резиновым штампом, и все, сколько их было, друг друга стоили. И если Институт в какой-то своей части существует и по сей день и находится в том же здании, то права его на это после пятидесяти лет все еще основаны на изготовленной мною бумажке.

За завтраком я дал ее Луначарскому подписать, а вернувшись домой, написал своему же управляющему официальное письмо за исходящим номером, что по приказу наркома просвещения я отчуждаю дом от прежних владельцев и поручаю ему дальнейшее управление, зачисляя его в состав служащих Института».

«К счастью, я имел рядом с собой превосходнейшего начальника штаба, профессора Владимира Николаевича Ракинта, ученого секретаря Института с 1914 года. Он оставался со мной до 1922 года, когда, не выдержав жизни в советской России, он эмигрировал, за три года до меня. С его помощью я перенес самые трудные бои; он часто перенимал заботы внутреннего управления во времена, когда, неся другие должности, я не

мог всецело посвящать себя Институту. В 1956 году он скончался в Зальцбурге в восьмидесятилетнем возрасте, и я навсегда сохраню о нем благодарную память.

Конфисковав дом моей семьи (мать и братья находились за границей), мне следовало быстро изменить его вид. Я создал новые аудитории, расширил помещение библиотеки, некоторые из служащих получили казенные квартиры. Не так-то легко было заполнить около восьмидесяти комнат, не считая огромных гостиных и бальной залы. Эти большие комнаты отапливались столетней давности воздушным, так называемым амосовским отоплением, рассчитанным на колоссальное количество дров, и были необитаемы зимой, во времена, когда каждое бревно было на учете. Но именно эти-то помещения возбуждали особое вожеление разведчиков из новых учреждений, росших как грибы и искавших здания, которые можно бы было реквизовать. Чтобы бороться с претензиями этих личностей, старавшихся доказать, что их учреждению этот дом гораздо нужнее, чем вам, нужно было иметь в запасе аргументы, казавшиеся логичными. Мы прикрепили к дверям отдельных зал, по правде сказать, громадной неиспользованной площади, громкие надписи, например:

Большой зал совета, Малый зал совета, Актальный зал и т.д. Что же до инвентаря движимости, который я по логике вещей должен был бы после реквизиции составить, отдавая государству все, что мне и моим принадлежало, то этого я, разумеется, не сделал, ограничившись тем, что прикрепил к некоторым особенно кидавшимся в глаза предметам фиктивные инвентарные номера, и в течение семи лет никто об этом не спрашивал. Только перед тем, как я подал в отставку и уехал из России, я дал составить инвентарь, чтобы передать его моему преемнику».

«Во все это голодное время я жил содержимым дома, обменивая вещи, главным образом материи, на продукты, привозимые в город крестьянами. Благодаря подобным товарообменам, я не слишком страдал от голода и мог делиться с друзьями. Мне кажется, что если с коммунистической точки зрения это было казнокрадством, то с точки зрения нормальных людей я был в своем праве.

Дом, хотя и приспособленный для нового назначения, оставался в моем распоряжении, я был в нем хозяином, — это был фокус, которого в таком масштабе, кажется, в советской России никто больше не проделал».

«Правда, в Москве было несколько коллекций, объявленных государственными музеями, прежние владельцы которых были оставлены директорами, но их здания были много меньше и не столь привлекали аппетиты. Что же до меня, то я находился в весьма опасном положении, усугубленном моим титулом, о котором пока что как будто забыли. Мне казалось, что я комендант крепости, осажденной огромной неприятельской армией. И мне приходилось иногда принимать решения, какие принял бы этот комендант, решения быстрые, и не считаясь с отдельными лицами».

Очень серьезный наследственный пример, имеющий место быть в повторении — примечание Гриценко С. Л.

«Меня, может быть, спросят, и я сам себя спрашивал, вел ли я эту борьбу в течение восьми лет из эгоистических побуждений, в частности, чтобы сохранить свое имущество? Положа руку на сердце, могу ответить, что эта возможность была совсем привходящей и последней моей заботой. Состояние мое и моей семьи не заключалось в одном особняке, оно находилось в совсем иных местах и испарилось при первом дуновении

революционной бури. Меня это ни минуты не озабочивало. Я говорил себе, что было очень приятно, что оно было, за что благодарение богам, но раз оно исчезло, нечего о нем думать. Хотя бы и неудачный опыт улучшить судьбу человечества мог стоить пустяка частных интересов. Может быть, в глубине души у меня и оставалось инстинктивное желание сохранить как можно дольше это семейное гнездо, бывшее теперь лишь символом; я сохранял и свои личные помещения, что было огромным в то время преимуществом».

«Как во всяком учреждении подобного размера (Институт насчитывал в 1925 году около тысячи студентов и приблизительно сотню профессоров, доцентов и иных научных сотрудников), не обходилось без интриг и всяких разногласий, но это явления неизбежные, особенно на Руси, где всегда любили поедом есть друг друга, да еще в такое бурное время, как годы революции, когда один день не походил на другой. Что касается меня, то я признал новое правительство и в качестве директора Гатчинского дворца, и в качестве ректора Института. В отношении последнего я действовал единолично. Когда я собрал совет профессоров, среди которых были не только музейные деятели, поступавшие все как я, но и другие лица, и предложил официально войти в контакт с новой властью, я встретил сопротивление. Это было время, когда здания разных министерств еще были заняты прежними чиновниками, не впускавшими представителей «Временного рабоче-крестьянского правительства», как именовали себя тогда большевики.

Мне удалось добиться от своих коллег, что Институт пока что будет оставаться нейтральным. Впрочем, я нисколько не считался с этим платоническим постановлением и продолжал действовать, как единственный представитель Института, ведя переговоры с комиссариатом просвещения, несмотря на то, что на наших бланках еще стояло «Министерство народного просвещения». События оправдали мои действия, и сопротивление погасло в Институте, как и везде».

«За захватом власти большевиками последовала эпоха создания новых учреждений и расширения прежних; огромные суммы кидались на ветер, никто их не считал, это были только бумажки. Разумеется, я воспользовался минутой, чтобы дать Институту максимум возможного. Я покупал целые библиотеки, делая этим в то же время доброе дело для людей, которые могли жить только продажей своего имущества, – и, конечно, я оценивал покупаемое как можно выше. Я добивался передачи мне библиотек уже конфискованных, часто после предварительного соглашения с прежними владельцами, которые таким образом знали, что их книги в сохранности; они могли надеяться получить книги обратно, если времена переменятся, в чем большинство из них было твердо убеждено. Я увеличил число служащих, благодаря чему разоренные люди получали средства к существованию; кроме того, это давало общественное положение людям, которые иначе рассматривались бы как лишенцы, хотя этот термин тогда еще не был в ходу, – это были те буржуи, про которых Зиновьев говорил, что им довольно одного запаха хлеба. Другой способ спасения – запись в студенты, что я сделал для некоторых священников, которые таким образом законспирировались. Среди них был, между прочим, униатский священник отец Леонид, бывший секретарь архиепископа Львовского, кардинала Шептицкого, впоследствии сам епископ, которого потом сгноили в Сибири и вопрос о канонизации которого несколько лет назад был поднят в Риме, но, кажется, оставлен. Студенты сверх того в течение некоторого времени получали даровые обеды и «продукты питания», как звучал необдуманно созданный термин. Разумеется, все прежние служащие моего дома перешли

на службу в Институт в качестве сторожей, уборщиц и т.д., что позволило мне сохранить в течение нескольких лет моего камердинера».

«Главным моим делом было создание трех новых отделений, собственно говоря, трех новых институтов, сыгравших значительную роль в интеллектуальной жизни эпохи. Институт до тех пор был посвящен только изучению истории изобразительных искусств. На протяжении трех лет я создал отделения истории музыки, театра и словесных искусств, то есть литературы, рассматриваемой исключительно с точки зрения формы.

Теперь удалось придать Институту тот характер, который мне представлялся при его создании и который на первых порах в силу вещей осуществить было нельзя. Было установлено, что он в первую очередь учреждение научно-исследовательское (я слышал, будто после моего отъезда он был переименован в академию), а не высшее учебное заведение, «вуз». Главной его целью стали индивидуальные и коллективные труды его членов, читаемые и обсуждаемые в заседаниях отделений и печатаемые в присоединенном к Институту издательстве «Академия». Это когда-то частное издательство, которому грозила конфискация, я принял под крылышко Института и тем самым удержал на месте прежнего владельца; если не ошибаюсь, его звали Короленко; он стал государственным служащим. Это издательство, по крайней мере издательство того же имени, существует и сейчас.

К чисто научно-исследовательскому учреждению было присоединено высшее учебное заведение с четырьмя факультетами, соответственно отделениям Института. Все это управлялось мною в качестве председателя Института; каждое отделение имело своего председателя, ВУЗ своего ректора Адриана Пиотровского, сына профессора Фаддея Францевича Зелинского, факультеты своих деканов. Принадлежа к отделению изобразительных искусств, я не входил во внутреннюю жизнь других отделений и мои сношения с ними ограничивались административными вопросами. Их председатели входили в Совет, собиравшийся под моим председательством».

Память – примечание Гриценко С. Л.

«Я очень стар, и мне изменяет память на имена и лица, поэтому в моем рассказе неизбежны пробелы. К сожалению, у меня нет книжки, изданной в 1922 году к десятилетию Института, в которой был дан подробный отчет о составе и деятельности всех четырех отделений. Расскажу кратко, что помню.

Во-первых, самое старое отделение – изобразительных искусств; в состав его входили (за полноту и имена-отчества не ручаюсь): академики Сергей Федорович Ольденбург и Бартольд, первый по буддийскому, второй по мусульманскому искусству, С. Елисеев по дальневосточному искусству, Василий Васильевич Струве по египтологии, Оскар Фердинандович Вальдгауэр по искусству классической древности, Джемс Альфредович Шмидт, Иван Иванович Жарновский, Владимир Николаевич Ракинт, Владимир Александрович Головань, Евг. Лисенков, Николай Эрнестович Радлов и я по западноевропейскому искусству, Василий Тимофеевич Георгиевский и Леонид Антонович Мацулевич по древнерусскому искусству, Владимир Яковлевич Курбатов по русской архитектуре XVIII и XIX вв., Дмитрий Власьевич Айналов по византийскому искусству, Николай Онуфриевич Лосский и Иван Иванович Лапшин по эстетике. Они же были профессорами ВУЗа. Кроме них там читали доценты, которых всех не упомяну; назову Александра Александровича Починкова (он же был и старшим библиотекарем Института), Елену Константиновну Мроз, Бориса Павловича Брюллова, передавшего Институту свою

библиотеку, О. Константинову, Александра Александровича Зилоти, читавшего о технике живописи, М.В. Доброклонского, и Рудольфа Рудольфовича Беккера; других не припомню.

Отделение изобразительных искусств издавало Ежегодник, по тому времени казавшийся роскошным. Это было заслугой Владимира Николаевича Ракинта, сумевшего вытащить из бывшей типографии Голике и Вильборг прекрасную бумагу. Ежегодник содержал статьи наших членов, относившиеся почти ко всем областям нашей науки. К сожалению, вышло только два выпуска: со слишком большими трудностями было сопряжено тогда издание такого стиля.

Другой задачей нашего отделения было образование артели художников для писания факсимильных копий со средневековых фресок русских церквей, то, чем потом стали заниматься и другие учреждения, также и на Западе. У нас было написано много копий с новгородских фресок; не знаю, где они сейчас находятся, но после разрушения немцами новгородских церквей они составляют важный документ, воспроизводя в натуральную величину, в точных красках и со всеми трещинами, выпадами и т.д. состояние памятников в момент съемки, чего даже лучшая цветная фотография (как они редки!) дать не может.

Кроме того, наши сотрудники работали в Новгороде, производя архитектурные обмеры церквей. В мое время была обмерена церковь Параскевы Пятницы. Не знаю, что было сделано после меня и где эти работы хранятся.

Я предполагал, как только общие условия позволят, приступить к составлению критического инвентаря всех художественных памятников России; этот проект был мною задуман в первый момент основания Института в 1910 году, но мне не пришлось увидеть его осуществленным. Слишком мало времени протекло от открытия Института до начала войны 1914 года и слишком велики были трудности в первые годы революции.

Наконец, другой давний мой проект – открытие отделения Института в Италии, в Риме или в другом городе – мне удалось провести на бумаге через все правительственные инстанции, но тогда это было химерой и, конечно, до фактического осуществления не дошло. Да и представил я проект скорее для того, чтобы посмотреть, до какого абсурда я могу довести комиссариат.

Отделение истории музыки, по моим сведениям и сейчас еще здравствующее в том же доме по Исаакиевской площади No 5, состояло под председательством Асафьева (Глебова); из членов припоминаю Штейнберга, Евгения Браудо, Каратыгина... Да простят они мне, имен-отчеств не помню. Почетными членами были Глазунов и Гречанинов. Это отделение печатало в нашем издательстве многочисленные труды и устраивало исторические концерты. Под конец оно занялось пропагандой новейшей для того времени музыки. Помню концерт в зале бывшей певческой капеллы, где были кошки (уже тогда!), и камерный концерт обаятельной певицы Зои Лодий.

Отделение истории театра обязано было своим возникновением инициативе и энергии Владимира Николаевича Ракинта. Во главе его стоял Гвоздев, из членов припоминаю: Сергея Эрнестовича Радлова, Всеволода Всеволодского-Гернгросса, испановеда Тхоржевского, Константина Миклашевского.

Это отделение было чрезвычайно деятельно в отношении издания как своих трудов, так и переводных. Кроме того, Всеволодский-Гернгросс вступил в него, принеся с собой где-то ранее составленную библиографическую картотеку по истории русского театра, которую тут стали с чрезвычайной энергией и быстротой развивать. Ей было отведено особое помещение, где работа кипела. В бывшей бальной зале был устроен опытный театр. Там давались реконструкции старинного театра и опыты самых новейших инсценировок, с дискуссиями. Сергей Эрнестович Радлов, у которого была своя

драматическая школа, этим руководил. Лозунгом его школы было: «Первые двадцать лет трудно».

Отделение истории словесных искусств требует наибольших объяснений. Уже до войны 1914 года в России начал обрисовываться иной подход к литературе, чем тот, которому учили нас в школе. Интересовало не содержание, а исключительно форма. Ряд исследователей занимался этими вопросами, и мысль о создании объединяющего центра носилась в воздухе, нужен был только толчок. Однажды вечером, не помню точно, в каком году, я был у Тамары Жуковской-Миклашевской-Красиной на Пушкинской улице. Тут же был Виктор Макс[имович] Жирмунский; новорожденная дочь наркома Красина, Татарка, лежала в колыбели. Разговорились о формальном методе в литературе; я сказал Жирмунскому: «Давайте устроим с вами отделение словесных искусств в моем институте». Сказано – сделано: через короткое время отделение было на ногах. Я лично симпатизировал этому подходу к литературе, видя в нем родство с тем, который был моим в истории изобразительных искусств. Не будучи специалистом в этой области, я, конечно, ограничился этим первым импульсом, а затем отделение развивалось и жило собственной жизнью и не только достигло значительных научных результатов, но имело также влияние на литературное творчество того времени. Поэты и писатели участвовали в нем наряду с учеными, и таким образом наука и искусство взаимно друг друга обогащали. В качестве интересного опыта упомяну Кабинет изучения художественной речи (который студенты быстро окрестили варварским словом «Кихр»). Там голоса поэтов регистрировались на цилиндрах фонографа, которые затем вертелись медленным темпом в соответствии с надобностями анализа.

К сожалению, в этом методе, к которому Наркомпрос сначала относился с благоволением, правительство впоследствии усмотрело противное догматам марксизма духовное направление. Уже в последние месяцы моего пребывания в России (я ее покинул летом 1925 года) возникали некоторые трения по этому поводу, а позже словесное отделение, объявленное гнездом буржуазного мировоззрения, создало опасность для существования всего Института. Впоследствии я читал в иностранных газетах, что формальный метод был официально осужден партией и ученые, ему следовавшие, должны были публично каяться и заявлять о своем невежестве и ошибках.

Председателем отделения был Виктор М. Жирмунский; из членов помню Мирона Жирмунского, двоюродного брата Виктора, Эйхенбаума, Виктора Шкловского, Михаила и Григория Леонидовичей Лозинских, Модеста Л. Гофмана, известного синоведа Алексея, Нестора Котляревского, Николая Степановича Гумилева, Б.В. Томашевского, Юрия Тынянова; студентами были тогда, ставшие впоследствии известными, Николай Аркадьевич Коварский и Венямин Каверин. Конечно, и это отделение много печатало, что не обходилось без цензурных курьезов. Например, напечатали книжку, в которой Бог был с большой буквы, – цензура не пропускает. Надо, значит, уничтожить весь завод. Думали, думали, – решили в опечатках пометить: «Бог след. чит. бог». Христос и Иисус должны были писаться с маленькой буквы, а заодно и Пилат. Другой раз в какой-то переводной книге было сказано, что негры неспособны к музыке. Так это или не так, вопрос другой, но цензура обиделась за негров. Не помню, чем это кончилось».

(<http://you1917-91.narod.ru/zubov.html> 30.04.2018, 17>00 Стр. 50 из 158 – примечание Гриценко С. Л.)

Бюрократия бич порождённый непрофессионализмом (примечание Гриценко С. Л.):

«Со времени переезда правительства в Москву мне часто приходилось ездить туда по делам Института. Советская бюрократия разрослась до пропорций невообразимых при старом режиме, а это много значило. У меня было впечатление, что вертится огромное бумажное колесо, похожее на колесо парижской всемирной выставки или венского Пратера, вертится впустую без цели и результата. Всякая административная инстанция немедленно порождает две новые, с которыми нужно было «согласовать» данный вопрос, а эти две порождали каждая еще две, и так без конца, как головы гидры. К тому же бумаги, которые я привозил, неизменно терялись по пути их передвижений из одной канцелярии в другую, так что я скоро научился брать их с собой по меньшей мере в шести экземплярах. Как только я замечал, что след бумаги потерян, я пускал ей вдогонку другую, и так по несколько раз. Как-то случилось, что один экземпляр вернулся с положительным решением, а другой с отрицательным».

3. «Тюрьма».

Неудобный человек Граф Валентин Платонович Зубов, мой прадед – примечание Гриценко С. Л.

«В 1922 году я на четыре месяца попал в тюрьму, о чем расскажу в следующей главе, так же как о своем окончательном отъезде из России в 1925 г.»

«Я написал товарищу Кристи, стоявшему во главе научного отдела, и просил его отменить свое решение. Мнения большевиков в научном отделе, которые благодаря своей безграмотности, собственно говоря, вообще не могли иметь сколько-нибудь обоснованного суждения в столь специальном вопросе, разделились, но дело осталось, как было.

При таких обстоятельствах я обратился к прессе, опубликовав чрезвычайно резкую статью. С этой минуты я открыто становился стороной в этом споре, ставшем вопросом личной амбиции, и разошелся не с большевиками, а с моими коллегами, большинство которых было членами моего Института и добрыми приятелями, что отравило атмосферу в моем ближайшем окружении.

Моя статья возымела, однако, совсем неожиданное действие. Профсоюз работников искусства, бывший как все профсоюзы в советской России партийным органом, к которому должны были принадлежать все, включая уборщиц Эрмитажа и Института, взял мою сторону и избрал меня членом исполкома. Через несколько дней должен был состояться съезд профсоюза, и мне поручили на нем защищать мою точку зрения. С другой стороны, большевик из научного отдела, товарищ Ятманов, занятый там музейными делами, отвечал мне совершенно безграмотной статьей. До революции он был богомазом, а ныне открыл в себе коммунистическую душу и стал убежденным безбожником. Его статья могла произвести впечатление на членов партии, равных ему по безграмотности, что было для меня невыгодно. Я до тех пор был с ним в хороших отношениях, так как он был тем товарищем, что пять лет тому назад в минуту переворота привез мне в Гатчину от Луначарского мое назначение. Я думаю, что он-то необдуманно и выдал разрешение на увоз статуи из Павловска и теперь чувствовал себя задетым моей статьей».

«Утром того дня, когда я должен был говорить на съезде, он сначала прислал мне своего аколита с мирными предложениями, которые я, собственно говоря, напрасно отклонил. Позже он сам подошел ко мне со слащавой улыбкой, говоря, что мы оба погорячились и что было бы лучше дружески совместно работать. Я мог бы поставить мои условия и, может быть, прийти к удовлетворительному результату, но меня укусила муха. Во время обеденного перерыва мы вместе вышли из здания, где заседал съезд, и по дороге я сказал ему, что не намерен работать вместе с таким невежественным человеком как он. После обеда я в своей речи осмеял все, что научный отдел сделал в музейной области. Мосты были окончательно сожжены.

Почти в ту же минуту из Москвы пришло известие, что там созвана конференция по музейным вопросам. Не было известно, о чем там должна была идти речь и существовала ли какая-нибудь связь с петербургским инцидентом. На всякий случай профсоюз послал меня как своего представителя с поручением взорвать конференцию, буде она созвана на основании жалоб из Эрмитажа. Я поехал в том же поезде, что Ятманов, но в разных вагонах. Мы видели друг друга издали на промежуточных станциях, но не кланялись.

Как выяснилось, московская конференция не имела ничего общего с нашими провинциальными препирательствами, я тем не менее намеревался при удобном случае поднять наш вопрос, когда произошло нечто, прервавшее мое участие в заседаниях. В одно прекрасное утро при моем пробуждении ко мне явилась сотрудница Института, приехавшая сообщить мне, что в ночь на вчера ГПУ произвело обыск в моих личных комнатах, забрало много бумаг и корреспонденции и намеревалось меня арестовать. Узнав, что я в Москве, чекисты велели мне сказать, чтоб я немедленно по возвращении заявился в ГПУ. Форма этого предложения поначалу заставила меня предположить, что дело не очень серьезно, иначе по моим следам уже пустили бы ищеек. Поэтому я продолжал принимать участие в заседаниях, но, дабы не навлечь неприятностей на друзей, гостеприимством которых я пользовался, я в тот же день официально испросил комнату в доме комиссариата просвещения.

Заседания конференции происходили в Историческом музее на Красной площади, граничащем с кремлевскими стенами. Коллеги, прибывшие в этот день с опозданием из Петербурга, подтвердили мне полученное мною известие. Первая мысль, которая мне и моим друзьям естественно явилась, была, что Ятманов натравил на меня ГПУ. Ведь мы вернулись тогда к временам венецианской босса di leone. Позже я узнал, что это отнюдь не было так, а лишь случайным совпадением во времени. Я даже слышал, что Ятманов будто бы обратился в ГПУ, заступаясь за меня, дабы избежать подозрения, логически на него падавшего. Десятки лет спустя я узнал, кто был этому виной, благодаря письму, в полной наивности отправленному из-за границы не через почту.

На следующий день во время перерыва заседания ко мне подошел тип, в котором я сейчас же узнал чекиста (заседания происходили публично). Он спросил меня, я ли Владимир Николаевич Зубов; это было именем отдаленного родственника, проживавшего в Литве. Я сказал, что я Валентин Платонович Зубов. Он отошел, но остался сидеть среди слушателей. Теперь я знал, что московское ГПУ меня ищет. Не имея с собой провизии и прочих нужных в тюрьме вещей, я счел осторожнее не дать себя арестовать в этот день, и благо мне было. Я покинул музей через боковой выход до конца заседания, несколько раз переменил трамвай, каждый раз направляясь в иную сторону. На следующий день, это было 2 августа, я явился на заседание с порядочным количеством припасов и некоторыми нужными предметами в вещевом мешке; в то время все ходили с вещевыми мешками. Я знал, что в Москве никто не догадается прислать мне в тюрьму передачу, как это бы

сделали в Петербурге. Ведь никто бы и не знал, арестован ли я или нет и где именно я нахожусь; в ГПУ как в царствии небесном оби[та]тели суть мнози.

Мой шпик был на месте. Во время перерыва заседания я сделал прощальный визит директору музея Щекотову и его милейшей супруге в их служебной квартире в этом же здании. Я теперь был в полной форме для посадки в тюрьму.

После конца заседания я покинул музей вместе с другими участниками через боковой выход, прошел мимо Иверской часовни, этой великой святыни для русского народа, позже сорванной большевиками под предлогом, что она затрудняет движение. Рядом на стене городской думы была сделана надпись: «Религия опиум для народа». Я пошел по направлению к бывшей Большой Московской гостинице, где ныне находилось какое-то городское управление. Я видел, что мой шпик за мной следует. Он дождался, пока я со всеми простился. На углу Лоскутной гостиницы он вежливо заговорил со мной и предъявил приказ об аресте. Мы мирно отправились на Лубянскую площадь, где в бывшем здании страхового общества «Россия» находилось центральное на всю Россию Государственное Политическое Управление, бывшая Чрезвычайка. По дороге шпик меня спросил, что у меня в вещевом мешке. «Это передача, которую я сам себе несущу». — «Вы значит знали, что будете арестованы?» — «Как же я мог этого не знать после нашего вчерашнего разговора»».

Кровь есть кровь водой не разбавишь – примечание Гриценко С. Л.:

«Над столом, из-за которого встал Маинов, висела большая надпись: «Мы не мстим, а исправляем». Из всех свойств советской власти лицемерие, ставшее мне хорошо известным за пять лет, что я работал с этим правительством, было мне самым противным. Мысленно я говорил власть имущим: «Уничтожать ваших классовых врагов – по крайней мере ясная и понятная точка зрения, хотя взгляды на это и могут быть различны, но эта недостойная и бесцельная ложь, которой не верят ни ваши друзья, ни ваши враги, несовместима с мощным дыханьем революции, это отсутствие стиля; впрочем, откуда вам с суконным-то рылом взять чувство стиля!»»

«В нью-йоркской русской газете «Новое русское слово» в 1947 году заключенный с нами г-н Петрищев описал Маинова, имя которого он не помнил. Его статья доказывает, как двое свидетелей, повествуя совершенно объективно по памяти о тех же происшествиях, передают их разное. Я не помню ни о присутствии среди нас писателя Замятина, ни священников, ни о словах, которые мне приписывает автор. Я в то время не знал, почему я арестован, и далеко не был уверен в том, что меня должны расстрелять, хотя я этой возможности не исключал. Я спокойно на это глядел, но у меня было впечатление, что этого не случится. Не помню я также, что Маинов еженощно с 9 ч. вечера до 6-ти утра совершал дозорные прогулки, чтобы уберечь заключенных от воровства со стороны преступных элементов, бывших тут вместе с нами. Наоборот, я помню, как узка была для нас двоих лавка. Мы спали спина к спине и я клал мою мягкую шляпу под косточку, чтобы было менее больно. Никогда не слышал я от Маинова, что он ест жуков; это было бы вторым отклонением от вегетарианской пищи. Впрочем, оправдание этого факта видением апостола Петра (Деяния XI, 5-10) вполне могло бы отвечать роду мышления Маинова, и так как нельзя было ожидать в его речах строгой последовательности, то вполне возможно, что г-н Петрищев от него это слышал. Что же до старушек, которым он помогал, несмотря на свою совершенную бедность, то я, кажется, нечто подобное знал. Итог философии Маинова, приводимый автором статьи, вполне,

думается мне, соответствует образу мыслей моего друга: «По Марксу свет населен с одной стороны классовыми врагами, с другой товарищами, по Евангелию мы все братья, добрые или злые, умные или глупые, но тем не менее братья. Братство дело любви, родственности в истине. Товарищество нечто другое; оно как когда двое арканом поймали бы чужую лошадь и пошли продавать ее цыганам. Вот они и товарищи»».

«Среди всего населения этого помещения Маинов несомненно был самой живописной фигурой. Но скоро к нам должны были присоединиться лица из совсем иной среды. Не помню, в день ли моего прибытия или на следующий привели нескольких профессоров университета. Среди них я лучше всего знал историка Владимира Платоновича Карсавина, одного из интереснейших людей, которых мне приходилось встретить, брата несравненной артистки Тамары Карсавиной, пленявшей публику Западной Европы вместе с Нижинским в русских балетах Дягилева. Я знал Карсавина еще когда мы оба были студентами; теперь мы вместе заседали в совете филологического факультета, он как председатель исторического отделения, я как председатель художественно-литературного. Он сделал себе голову, напоминавшую Владимира Соловьева; как последний, он колебался между католицизмом и православием; теперь он утверждал, что нашел обратный путь к последнему. Несмотря на его довольно выраженные черты лица, с него с его длинными волосами, тонкой, длинноватой заостренной бородой, так же как и с Соловьева, можно бы было писать Христа. Его эрудиция была огромной и выливалась в свободной беседе, не утомляя слушателей. Я в душе стыдился, сравнивая его познания со своими. Еще другой историк оказался в нашей среде, доктор русской истории Строев. Он страдал падучей, и с ним тут на наших глазах было несколько припадков. Вообще он был несколько странным человеком, уже всегда казавшимся мне несчастным, страдавшим комплексом неполноценности и воображавшим, что его не оценивают по заслугам. Это было время, когда ГПУ было сравнительно снисходительным: все профессора, арестованные в этой группе, впоследствии были высланы за границу, что для большинства было осуществлением их тайных желаний. Также и Строев получил приказ о высылке; он продал свою библиотеку, мебель и приготовился к отъезду. Неожиданно перед ним извинились; его-де спутали с другим лицом, с профессором Строевым-Десницким. Он, значит, не высылался и ему отказали в обещанном заграничном паспорте. Можно себе представить его горькое разочарование.

Кажется, что после долгих стараний ему удалось все же получить разрешение на выезд, по крайней мере много лет спустя я встретил его в Берлине, где он и скончался.

Был с нами и профессор философии Иван Иванович Лапшин, читавший у меня в Институте эстетику. Чистейшая душа, но скучноватый. Он позже добрался до Праги, где я его навещал; он там и помер. Он стал до того неряшливым, что даже люди не слишком щепетильные боялись к нему заходить из опасения прихватить насекомых. Он продолжал работать и писать. Когда я его видел в последний раз, он мне сказал: «Мы больше не встретимся, у меня впереди только кладбище».

Другим арестованным философом был профессор Николай Онуфриевич Лосский, крупный ученый и чрезвычайно обаятельная личность. Он тоже преподавал в моем Институте. Он скончался в глубокой старости во Франции, где я его еще видел в 1965 году».

«В обществе этих мужей науки находилась личность, не бывшая ни профессором, ни вообще ученым, которая, однако, образованием и эрудицией могла заткнуть за пазуху каждого, к тому же остроумная как десяток из них вместе и обладавшая неутомимым

языком. Это был племянник или родственник и однофамилец драматурга Островского. Мой друг Маинов говорил о нем, что он весь мир кладет на язык и несколько раз переворачивает. Он до революции принадлежал к высокому финансовому миру, да и сейчас занимал какую-то должность по этой части. Он был огромного роста и такого же объема; он ни с кем не мог бы спать на одной лавке, как я с Маиновым. Он забавлял нас бесконечными шутками и анекдотами, но мне казалось, что его веселость была несколько искусственной; он как будто старался заглушить заботу. Со своей стороны я старался поддерживать дух всех и уговаривал их на все смотреть легко.

В этом интеллектуальном кругу многие прекрасно играли в шахматы. Были такие, что одновременно играли несколько партий спиной к доске. Я смотрел на них как дурак».

«Как я уже сказал, тут были не только политические заключенные, но и уголовные. При ближайшем знакомстве они выигрывали; это были славные парни, с которыми я скоро подружился. Некоторые из них были довольно занято татуированы; к сожалению, печатно нельзя объяснить, как».

«Таким, как я вышел из тюрьмы, меня никто не узнавал. Было запрещено иметь бритву, а доверять свою рожу тюремному парикмахеру, тоже заключенному, я не хотел. Таким образом я оброс порядочной бородой; в тюрьме не знавшие меня звали меня стариком; мне было 38 лет. В начале зимы мне прислали короткий овечий тулупчик, к нему меховую шапку с наушниками и валенки; когда я с остатками моих вещей, оставшихся в тюрьме, с вещевым мешком протискивался в переполненный трамвай, кондукторша хлопнула меня по спине, говоря: «Ах, эти деревенские тоже сюда лезут!»»

«Через несколько дней я бритым и омоложенным явился к Денисовичу. Увидав меня, он видимо был удивлен, но я заметил, что я со своим гладким лицом утратил в его глазах часть своей значительности. То, чего я опасался, произошло: он предложил мне стать сотрудником ГПУ и следить за моими коллегами. Я отказался, ссылаясь на свое неумение в подобных делах и говоря, что я был бы плохим сотрудником. Он опять упомянул о «буржуазных отрывках», но не настаивал. Позже он еще несколько раз приглашал меня, но результат оставался прежним.

Было ли это последствием отрицательного исхода этих бесед или психологической реакцией по отношению к человеку, бывшему предметом подозрений, я замечал в коммунистических кругах и в правлении профсоюза, несмотря на выражение доверия, понижение своего кредита. К тому же я имел несчастье найти письмо, о котором была речь во время допросов. *Quern deus vult perdere, dementat** (*Кого Бог хочет погубить, того он прежде всего лишает разума (лат.)). Будучи очень довольным своей находкой, я снес письмо товарищу Денисовичу. Он поздравил меня, и я полагал, что дело окончательно погребено. Как раз обратное произошло: письмо было передано в более высокую инстанцию, и стали пытаться сплести мне веревку из того факта, что я не указал на передавшего его мне. Не то чтобы начали против меня дело, но стали мне докучать маленькими свинствами, и я чувствовал, что почва понемногу начинает подо мной колебаться».

«Несколько месяцев спустя я женился и решил отправиться в заграничное путешествие. Восемь лет я не выезжал из России, хотелось подышать другим воздухом. В качестве председателя Института я сам себе дал, под предлогом научных работ, заграничную командировку на шесть месяцев, которую подтвердил Наркомпрос. Я

получил паспорта для жены и себя, и в начале ноября 1923 года мы отплыли на пароходе в Штетин.

В мое отсутствие несколько лиц, чувствуя, что мое положение поколеблено, стали стараться сесть на мое место. Они предполагали также, что, оказавшись снаружи, я не захочу возвращаться в советский рай. Завязались всякие интриги; известия, доходившие до меня, сообщали о всяких гадостях, творимых за моей спиной.

День в день через шесть месяцев я был дома, к великому разочарованию этих лиц».

Мне удалось выключить всех стремившихся заместить меня во главе Института и посадить на мое место профессора Харьковского университета, византолога Федора Шмидта, человека исключительной гибкости. При нем на Украине сменилось что-то вроде двадцати двух правительств, и со всеми он был в хороших отношениях. «Вот человек, который мне нужен на том трудном повороте, на котором стоит Институт», – сказал я себе. Кажется, было 15 января 1925 года, когда я подписал последний приказ по Институту, сообщавший о поданной мною и принятой комиссариатом отставке и о передаче моей должности профессору Шмидту. Я еще оставался членом Института и продолжал преподавание до дня, когда летом того же года мой преемник дал мне новую заграничную командировку и я 16 июля покинул Россию. Уезжая, я еще не совсем решил, вернусь ли я, но силой вещей этот отъезд стал окончательным. Моя общественная роль была кончена, и я вернулся в частную жизнь».

«Одним из упреков, выдвинутых против меня со стороны коммунистов, было, что я в науке и преподавании не следовал марксизму. Честно говоря, могу утверждать, что не понимаю и не знаю, как это в отношении истории искусств можно сделать. Те, кто утверждают, что они проводят марксизм в нашей науке, лишь выкидывают акробатические фокусы и не искренни. Я мог бы взять за исходную точку старый художественный материализм середины XIX века, как его сформулировал Готфрид Земпер, выводивший все художественные формы из материала и техники. Это все же была научно построенная доктрина; может быть, временно она была бы принята, но это не было марксизмом. Мне же претило преподавать теорию, которую я не разделял. Что же до марксизма, который стремится объяснить всякое выражение духа, – виноват, мозга, – как надстройку над экономической эволюцией, то он в применении к художественному творчеству ставит непреодолимые трудности.

Перечитывая историю этих событий, я замечаю, что тот, вокруг которого они развивались, представляется слишком уверенным, никогда не сомневается и действует с необычайной точностью. Если таково впечатление читателя, то оно ошибочно и вызвано краткостью рассказа и отсутствием подробностей. Я могу уверить его, что этот человек часто терял направление, даже самообладание, что он приходил в бешенство, что во многих случаях его воля была парализована и он совершал непростительные ошибки.

Моей целью при написании этих строк было отметить факты, относящиеся к «малой истории», и дать понять атмосферу этих первых восьми лет русской революции, отпечаток, налагавшийся ими на личность, и как они отражались в отдельных человеческих типах, по крайней мере тогда, когда нивелирующее действие цивилизации еще не ощущалось так сильно, как на Западе. Душа этого народа, исковерканная тупоумием коммунистического учения, сохранила, я в этом не сомневаюсь, прежние глубины и там всегда найдется Маинов, непорочный во Христе юродивый».

«Париж, в сентябре 1967»

Часть II.

«Историческая справка»

Выдержка из статьи заместителя директора Гатчинского дворца-музея Валерия Архиповича Семенова «Граф Валентин Платонович Зубов: Страницы биографии» // Из глубины времен. Вып. 11. СПб., 1999.

После Февральской революции со всей остротой встал вопрос о судьбе бывших пригородных императорских резиденций. По логике событий, после свержения царизма они становились народной собственностью. Поэтому 27 мая 1917 г. декретом Временного правительства в дворцовых пригородах были созданы Художественно-исторические комиссии «для приема, регистрации и систематизации как с художественной, так и с хозяйственной стороны всех движимых и недвижимых имуществ» императорских дворцов.

В Гатчине деятельность такой комиссии возглавил В.П. Зубов. Летом того же года была проделана сложная, кропотливая работа. В соответствии со старыми описями выяснялись наличие и сохранность предметов, составлялись инвентарные по-комнатные описи, научное описание предметов заносилось на отдельные карточки, кроме того, во дворец было вывезено художественно-ценное имущество из парковых павильонов. В это же время активно обсуждался вопрос о дальнейшем использовании дворцов.

Очень быстро сотрудникам комиссий стало ясно, что пригородные дворцы представляли собой, по словам В.П. Зубова, «исторически сложившиеся организмы, тесно связанные с происходившими в них событиями, и памятники художественных вкусов последовательных поколений. Разрознивать их было бы крупной ошибкой». Поэтому они приходят к выводу, что дворцы должны стать национальными музеями, причем музеями не совсем обычными, а музеями-дворцами, то есть комплексными историко-бытовыми и историко-художественными музеями. В отличие от большинства музеев (исторических, технических, художественных), где экспозиция создается, можно сказать, произвольно, в соответствии с разработанной научной концепцией, в дворцах-музеях она выстроена конкретной историей здания. Главным объектом показа здесь является исторический интерьер как законченное произведение искусства, как памятник прошлого, а художественные предметы выполняют двойную функцию. Они рассматриваются и как отдельные произведения искусства, и как деталь более крупного целого – интерьера.

В.П. Зубов прекрасно осознавал эти особенности и одним из первых среди деятелей культуры нашей страны сформулировал основные принципы музеефикации императорских дворцов. В публикуемой «Докладной записке» 1918 года он писал: «Музей-дворец есть прежде всего памятник жизни, книжка с картинками, ярче, чем всякие слова, способные воссоздать атмосферу известных эпох. Художественные произведения здесь не могут быть величинами самодовлеющими, каждое из них подчинено общей картине.

Задача устроителя музея должна свестись к чрезвычайно осторожному устранению возможных позднейших искажений общей картины, имея, однако, в виду, что далеко не все позднейшие наслоения можно отметить, что многие из них являются ценной иллюстрацией следующих, но также уже ставших достоянием истории эпох. Конечно, при

устроении такого музея-дворца не может быть и речи о современных ухищрениях музейной техники, не допустимо стремление как-нибудь особенно выявить и осветить отдельный предмет, все должно быть подчинено своему прошлому, все может располагать только своим, исторически ему принадлежащим местом».

В практическом плане он формулировал задачу следующим образом: «При помощи старинных инвентарей водворить на прежнее место каждый предмет, вплоть до последней мелочи, и представить это обиталище таким, будто тогдашние хозяева только что его покинули». Конечно, работа не сводилась к механической перестановке предметов с места на место. Нужно было провести их научную атрибуцию, а в некоторых случаях и реставрацию произведений. Кроме того, В.П. Зубов понимал, что предложенные им принципы музеефикации применимы лишь к наиболее интересным в художественном и историческом плане помещениям дворца. Остальные залы, по мысли Зубова, должны были использоваться для выставочной работы. В частности, он предложил план создания выставки итальянской живописи в одном из корпусов дворца — так называемом Кухонном каре.

Вскоре после Октябрьской революции музейная работа была продолжена. 4 ноября 1917 г. А.В. Луначарский отдал распоряжение о том, чтобы «художественные комиссии при дворцах продолжали свою научную работу, оставаясь на местах и охраняя высокоценное имущество в тех же условиях и на тех же правах, коими они пользовались до сих пор».

На следующий день В.П. Зубов приказом Луначарского был утвержден комиссаром дворца, а 26 ноября 1917 г. назначен директором Гатчинского музея-дворца. Речь шла не о простом переименовании должности, а о расширении функций и полномочий. Для успешного ведения музейной работы необходимы были многочисленные административные распоряжения. Однако полномочий отдавать такие распоряжения до этого Зубов как раз и не имел.

Необходимо отметить, что даже в это напряженное время В.П. Зубов не забывал о пропаганде коллекций будущего музея. Так, 2 декабря 1917 г. на курсах при Академии художеств им была прочитана лекция «Художественные сокровища Гатчинского дворца».

В начале 1918 г. на повестку дня поставили вопрос об открытии дворца для посетителей. Но в это же время наметился конфликт директора дворца с местным Советом, который своим постоянным и некомпетентным вмешательством мешал нормальной музейной работе. В марте 1918 г. по решению Гатчинского Совета Зубов был арестован. Правда, через несколько дней его выпустили на свободу, но к работе в Гатчинском дворце из-за противодействия местных властей он уже не вернулся.

Всего около года работал В.П. Зубов в Гатчине, и далеко не все получилось так, как задумывалось летом 1917 г. Но заслуга его в том, что Гатчинский дворец-музей до Великой Отечественной войны по праву считался одним из наиболее интересных историко-художественных музеев нашей страны, очень велика.

В дальнейшем В.П. Зубов работал в Павловском дворце-музее, где им была восстановлена историческая развеска картин и составлен каталог картинной галереи этого дворца.

Работая здесь, Зубов по-прежнему придерживался точки зрения, что пригородные дворцы представляют собой уникальное явление в культурной жизни России и поэтому должны оставаться в неприкосновенности. В вышеупомянутом каталоге относительно одной из картин он писал: «Включена также и отсутствующая уже около двух лет из дворца и выставленная ныне в Эрмитаже Мадонна Бронзино (Аньоло ди Мариано), которая вряд ли вернется обратно. Между тем это одна из немногих картин, историческое

место которой нам известно и наличие которой в интимном кабинете Марии Федоровны в Фонарике очень много говорит о вкусе, который она проявляла в отношении живописи... Я уже неоднократно, как в печати, так и в личных выступлениях, имел случай излагать свою точку зрения на хищническую политику Эрмитажа в отношении более мелких музейных единиц и на совершенно особое значение последних в общем комплексе наших музеев. Но против упорства и злой воли, чувствующих за собой физическую силу, бороться путем убеждения невозможно, поэтому, слагая пока это негодное оружие, я путем включения этой похищенной картины в настоящий каталог хочу сохранить за Павловским дворцом хотя бы на бумаге это необходимое звено в цепи наших представлений о художественном облике эпохи».

Необходимо заметить, что эту позицию разделяло большинство хранителей пригородных дворцов-музеев. В подтверждение можно привести мнение хранителя Павловского дворца В.Н. Талепоровского. В своей пояснительной записке о работе музея в 1923 г., касаясь вывоза античной скульптуры из собрания Павловского дворца в Эрмитаж (что было осуществлено в 1922 г.), он отметил: «Совершенно ясно, что собрание античного искусства: статуй, римского портрета, бюстов, барельефов и ваз с основания дворца органично связано с ним, представляет собой не только неделимый, целостный комплекс с «Павловским», но и как исторический материал, характеризующий Павла I и его эпоху, — является недробным, неподдающимся отдельным членениям и изъятиям историческим документом.

Отсюда логично вытекает, что при создании ныне Павловского дворца-музея, когда, отбрасывая все случайные наслоения позднейших лет, представляется возможность создать единственный в мире по силе и цельности Музей — быта восемнадцатого века и единственный в России цельный памятник эпохи Павла I, не могут иметь место ни расчленение сокровищ Павловска, ни вывоз их как отдельных объектов из Павловска, ни, тем более, замена их в музее-дворце какими-либо второстепенными, чуждыми по характеру и не связанными с Павловском экземплярами» (Отдел рукописей Государственного Русского музея. Ф. 137. Оп. 1. Д. 2263. Л. 13).

Прямо противоположной точки зрения придерживались сотрудники Эрмитажа и Русского музея, ведущую роль среди которых играл А.Н. Бенуа. Он при всяческих оговорках, что «в каждом из дворцов-музеев имеются части, иногда очень значительные, в которых всего важнее сохранить все в том самом виде, в каком оно когда-то было, в том, в каком оно досталось нам в момент революции», считал, что от принципа исторической достоверности нужно отказаться «во имя другого, одухотворенного более творческим началом». Согласно его точке зрения все «вещи мирового значения» должны были быть сосредоточены в так называемых Центральных музеях, для того чтобы, по выражению Бенуа, «выявить ход истории искусства в мировом масштабе со возможной полнотой и в лучших образцах» (см.: Музей. I. Пг., 1923. С. 26, 29).

На практике это означало, что пригородные дворцы-музеи рассматривались в основном как источник пополнения коллекций Русского музея и Эрмитажа. Не случайно, что в 20-е гг. из пригородных дворцов-музеев были изъяты многие лучшие произведения.

В это время В.П. Зубов продолжал активную преподавательскую и научную работу в Институте истории искусств, возглавляя его до декабря 1924 г. Институт к этому времени, во многом благодаря Зубову, перерос свои первоначальные рамки и превратился в крупное научно-исследовательское учреждение.

16 июля 1925 г. В.П. Зубов уехал в заграничную командировку и больше не вернулся.

Часть III.

«Не себе во благо, а во славу Отечества».

Non Sibi Sed Imperio- Себе ничего Империи Все (с 1796 года Девиз на ГербЕ Его Светлости Князя Платона Александровича Зубова), родного брата Графа Николая Александровича Зубова (С 1793 года Девиз на ГербЕ Его Сиятельства- Meritis Crescunt Honores- Услуги Возвышаются до Почестей), девиз по праву титулованного наследия перешёл к Графу Гриценко Сергею Леонидовичу, Графу Гриценко Алексею Леонидовичу, являющимися прямыми наследниками в четвёртом колене от Графа Валентина Платоновича Зубова, и в 2015 года объявившими об этом во всех Государственных инстанциях Российской Федерации, согласно Правил, с Титулами и Привилегиями Дарованными в грамотах Роду Графов и Князей Зубовых, императором Священной Римской империи Францем II (о чем имеются записи во Всех архивах, книгах и канцеляриях Российской Федерации; Австрии и Стран, входящих в Евросоюз (геополитическая территория Священной Римской империи), с дарованием Гражданства на этих территориях, с правопримественностью поколений и правителей).

Ниже приводится Докладная записка гр. В.П. Зубова о деятельности Комиссии по приемке и охране Гатчинского Дворцового имущества и Дирекции Гатчинского Музея-Дворца за время от 27-го мая 1917 г. по 2/15 мая 1918 г.

Документ публикуется по оригиналу, хранящемуся в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки (Санкт-Петербург): Ф. 1135 (В. К. Макаров). Д. 488. Последняя страница, отсутствующая в оригинале, печатается по экземпляру Центрального государственного архива литературы и искусства: Ф. 36 (Музейный фонд). Оп. 2. Но 3. Л. 61- 85. Недостающий лист 85.

III.(1)

Деятельность Комиссии по приемке и охране Гатчинского Дворцового имущества, начиная с 27-го мая 1917 года, выразилась в следующем:

А) С 27-го мая по 11-е августа работала только художественная секция Комиссии, учрежденная приказом Комиссара Временного Правительства над бывшим Министерством Двора от 27-го мая за № 32 и состоявшая из трех членов: А.А. Половцова, П.П. Вейнера и гр. В.П. Зубова при 14 помощниках. С 11-го августа Комиссия начала работать в полном объеме, т. е. вместе с секцией хозяйственной под председательством уполномоченного Комиссара Временного Правительства над бывшим Министерством Двора по Гатчинскому дворцовому управлению А.Г. Голубкова и со включением в нее делегатов от местного Совета Р.С. и К.Д., Городского Самоуправления и Гатчинского Союза свободных искусств. Означенная Комиссия существовала до октябрьского переворота, после которого приказом Народного Комиссара по просвещению и временного заведующего бывш. Министерством Двора от 7-го ноября 1917 г. за № 2872 художественная секция ее получила утверждение новой власти, хозяйственная же часть перешла в ведение Комиссара по Гатчинскому дворцовому управлению, назначенного местным Советом Р. С. и К. Д.

До октябрьского переворота художественной секцией была произведена работа:

1. По ознакомлению с имуществом Гатчинского дворца и выяснению действительной наличности его и по составлению научных описей;
2. По реконструкции серии изрезанных брюссельских шпалер 1560 года в целях возможного впоследствии их восстановления;
3. По составлению описи Фермы и перевозке художественно ценных предметов во дворец.

Комиссия соответственно со своим наименованием «Комиссии по приемке и охране» рассматривала поставленную ей задачу в ограничительном смысле и считала себя признанной только к физической охране художественного имущества, составлению приемочной описи и научному описанию художественного имущества. Этим пониманием задачи исключалась всякая музейно-творческая работа, к которой, по мнению Комиссии, должна была быть впоследствии, в случае объявления Дворца музеем, призвана его Дирекция. Таким образом, Комиссией не было предпринято почти никаких перестановок в целях воссоздания первоначального вида исторических покоев. Исключение было сделано только для различного имущества, хаотически загромождавшего некоторые апартаменты, не являясь частью их обстановки, такие предметы, не представляющие ни исторической, ни художественной ценности, были оставлены на сцене Дворцового театра. Художественное имущество Фермы было перевезено во Дворец в интересах большей его безопасности, что однако оказалось впоследствии ошибкой, так как, в то время как Дворец подвергся частичному разгрому, причем пострадали и некоторые, впрочем незначительные предметы, перевезенные из Фермы, самая Ферма осталась в стороне от событий, и люстра, и фонарь, которые случайно еще не были оттуда вывезены, и по сие время находятся там в полной сохранности.

К сожалению, состав сотрудников Комиссии мало соответствовал трудности и ответственности задачи. Он состоял по большей части из учеников школы Щиглица, в научном отношении недостаточно подготовленных; из 14 сотрудников только семеро оказались способны дать хоть сколько-нибудь годную работу, и только трое по своей научной подготовке вполне соответствовали своему назначению. Таким образом, значительную часть произведенной сотрудниками работы пришлось совершенно отбросить и переделывать заново. Самая система, положенная в основу работы, как выяснилось впоследствии, страдала некоторыми недостатками. Вместо того, чтобы, по примеру Царскосельской комиссии, делать научные описания каждого художественного предмета на отдельной карточке и параллельно с этим составлять менее подробные комнатные описи, в которые входили бы все предметы, как художественные, так нехудожественные, Гатчинская Комиссия, совершенно на время отбросив карточную систему, занялась составлением комнатных описей, в которых подробнейшие научные описания произведений искусства соединялось с перечислением предметов хозяйственного значения. Такое отсутствие индивидуализации музейных предметов оказалось в особенности тяжело только впоследствии в связи с пережитым Дворцом во время октябрьского переворота разгромом, расстроившим все расположение предметов по комнатам в Кухонном карэ Дворца, вследствие чего стало необходимым выносить из уже составленных описей описание отдельных предметов на карточки. Другой недостаток этой системы сказался при попытке переписывать черновые описи начисто на машине. Письмо на машине на бланках оказалось настолько затруднительным, что ни одна из многих испробованных Комиссией переписчиц не была в состоянии дать необходимой для научной описи аккуратности. Совершенно ясно, что и корректуры такой чистовой описи являлись очень тяжелым и непроизводительным трудом для членов Комиссии, между тем как краткая опись, не предъявляя таких строгих требований как научная, могла бы быть

переписана с большей легкостью. Впоследствии Дирекция Музея-Дворца, сменившая Комиссию, окончательно отказалась от переписки на машине, вследствие невозможности добиться аккуратной работы.

Совершенно обособленно от остальной работы протекала реконструкция брюссельских шпалер, производившаяся А.А. Половцовым. В отношении этих шпалер по соглашению с Комиссариатом Временного Правительства над бывшим Министерством Двора было предопределено, что они в Гатчинском дворце не останутся и это по нижеследующим соображениям. Шпалеры находились в апартаментах бельэтажа Арсенального карэ; для помещения их на стенах они были в свое время загнуты по верхнему краю, частью ушиты, у многих обрезаны борта, вырезаны и загнуты кверху части, приходившиеся на местах каминов, вырезаны места для вьюшек. Наконец, некоторые обрезанные части были использованы для обивки мебели. Уж одни эти обстоятельства заставляли, сняв шпалеры со стен, содрав с мебели обрезанные части и реконструировав из них цельные шпалеры, отправить их для реставрации в такую мастерскую, которая могла бы принять столь ответственную и трудную работу, таковою в данное время можно считать только Manufacture des Gobelins* в Париже. Кроме того, ряд шпалер этой серии находится в Зимнем дворце, Конюшенном музее и Академии художеств; поэтому казалось желательным их соединение в одном месте. Независимо от того, как будет в дальнейшем разрешен вопрос об их размещении, мне кажется необходимым в данное время передать их на хранение в Зимний дворец или в Эрмитаж, т.к. о разверстке их в настоящем их состоянии не может быть и речи, а оставлять без надобности столь ценное имущество в не вполне безопасном Дворце, находящемся в районе возможных военных действий, едва ли целесообразно. Вывоз означенных шпалер из Гатчинского дворца не был осуществлен в свое время только потому, что, в связи с предполагавшейся в сентябре прошлого года эвакуацией художественных предметов в Москву, шпалеры должны были быть включены в число эвакуируемых предметов, самая же эвакуация после октябрьского переворота была отменена; в связи же с ликвидацией разгрома Дворца на очереди были более задачи: _____.

Б) В сентябре 1917 года начата была подготовка к эвакуации имущества Гатчинского дворца и Художественной комиссии пришлось вне ее прямых обязанностей принять и эту работу. Вплоть до октябрьского переворота работа по распределению эвакуируемых вещей на очереди, составлению списков, наблюдению за укладкой и фотографированием отправляемых предметов прервала нормальное течение работ Комиссии. Было упаковано более 50 ящиков бронзы, около 60 ящиков фарфора и 10 ящиков картин. Почти все вещи, предназначенные укладке, были сфотографированы, а также были сделаны снимки общего вида отдельных комнат, чтобы дать возможность точной расстановки вещей по их возвращении. Во время приготовления к эвакуации вследствие распоряжения Комиссариата над бывш[им] Министерством Двора была вывезена и передана в Гофмаршалскую часть хранившаяся в кладовой Дворца часть т[ак] наз[ываемого] Мятлевского серебряного сервиза XVIII в. работы Жермена.

III.(2)

События конца октября прошлого года застали Гатчинский дворец в разгаре приготовлений к эвакуации, а потому в особенно неблагоприятную с точки зрения охраны минуту. Первая отправка была назначена между 25 октября и 1-м ноября. Более 100 ящиков, как сказано выше, было уложено, вещи второй очереди были уже сняты с мест и сгруппированы для укладки в различных помещениях Дворца. 27 октября во Дворец

прибыл А.Ф. Керенский со Штабом 3-го корпуса, который в нем и обосновался. Пришлось отвести довольно большое количество комнат Кухонного карэ, причем даже такие, в которых стояли на полу большие картины, приготовленные к укладке.

С этого времени началось, повторявшееся с тех пор много ночей подряд, спешное перетаскивание вещей из комнаты в комнату, ввиду постепенного занятия одного помещения за другим. 30-го октября, ввиду того, что об отправке вещей в ближайшее время думать было нельзя, большинство уложенных ящиков, загромождавших дворцовые комнаты, были убраны в подвальные помещения. К вечеру того же дня опасность для Дворца значительно увеличилась. Отступавшие от Пулкова части 3-го корпуса явились во Дворец и стали занимать помещения. В спешном порядке пришлось очистить весь нижний этаж Кухонного карэ, где находилось много сложенных картин и других ценных предметов. Части грозили силой ворваться в центральный корпус Дворца. Между тем стали появляться тревожные слухи, будто можно с минуты на минуту ожидать обстрела Дворца из орудий. Не имея возможности проверить, насколько эти слухи обоснованы, Комиссия сочла своей обязанностью принять меры ко спасению наиболее ценного имущества. В час ночи на автомобиле были вывезены около двадцати картин и некоторые фарфоровые и бронзовые предметы и помещены на эту ночь в дом уполномоченного по Гатчинскому дворцовому управлению А.Г. Голубкова. На следующее утро наступило некоторое успокоение; дабы не оставлять художественные ценности в не вполне безопасном [в] пожарном отношении доме, было избрано в подвале Арсенального карэ удобное для замурования место, куда и были помещены возвращенные от Голубкова предметы вместе со многим другим, что постепенно туда сносилось. Замуровать, однако, не удалось, ввиду невозможности провезти кирпич через толпу, не возбуждая подозрений. Ночью с 1-го на 2-е ноября, после исчезновения А.Ф. Керенского, во дворец прибыло около 400 матросов, а вскоре явились солдаты и красная гвардия. Этим начался длившийся более недели разгром Дворца, лишь случайно не давший более печальных результатов, чем те, которые будут перечислены ниже, и надолго затормозивший правильный ход работ Комиссии. В четыре часа ночи было предложено предоставить почти все комнаты Кухонного карэ, причем оказалось невозможным отстоять даже рабочие комнаты Комиссии, в которых были сложены вещи из других помещений, а также большинство дел и описей. Что было возможно, было тут же унесено, но большую часть пришлось оставить в напрасной надежде на бережное отношение со стороны должностных лиц, представителей Гатчинского Совета, занявших эти комнаты. Последствием этого явилось то, что много описей было перепутано, разрознено и частью уничтожено. В течение всех последующих дней в Кухонном карэ происходила постоянная смена различных частей. При этом помещения принимали все более хаотический вид, ломалась ценная мебель, отрезались занавеси, пачкались ковры, пропадали вещи, царапались и резались картины. Никакие замки не были действительны: двери взламывались, пломбы и печати срывались. Особенному расхищению подверглись предметы хозяйственные, как-то: подушки, одеяла, матрацы и проч. Постоянным перенесением из комнаты в комнату удалось сберечь часть художественного имущества, но все же сравнительно небольшой ущерб в этом отношении можно объяснить только рядом счастливых случайностей и невежеством грабящих.

Перенести предметы из Кухонного карэ в не занятые части дворца не представлялось возможным во избежание проникновения туда солдат вслед за несущим. К счастью, удалось оградить центральный корпус и Арсенальное карэ, и хотя отдельные проникновения туда и имели место, но бывали каждый раз пресекаемы.

Главный ущерб, нанесенный художественному имуществу дворца, если не считать незначительных царапин на картинах и поправимой порчи мебели, состоит в нижеследующем:

Эльсгеймер Товия и Ангел – украдена Школы Рубенса Сусанна и два старца — украдена / эскиз/

Копия с Каравакка Портрет Им п. Елизаветы Петровны – непоправимо изрезана

Голландской школы XVII века Пейзаж – украдена Рибейра Человек, вонзающий себе нож в грудь – проткнута штыком и поцарапана

Немецкой школы XVI в. Мужск. портрет – изрезана Риччи Аполлон и Дафна – сорвана с подрамника и измята Итальянской школы Леда и Лебедь – сорвана с подрамника и непоправимо измята

Новая копия с Тициана «Воздайте Кесаре в и...» – сорвана с подрамника и измята. 3 миниатюры – украдены

Несколько вышивок конца XVIII и начала XIX века – украдены

Золотые часы Имп. АЛЕКСАНДРА II – украдены Черепеховый портсигар Имп. АЛЕКСАНДРА II – украден 2 пары подсвечников золоч. бронзы нач. XIX в. – украдены Бронзовая вазочка на малахитовом плинте (Николаевская) – украдена

Столик письменный начала XIX века – отломаны и украдены египетские фигурки и другие украшения

Часы золоч. бронзы начала XIX в. – отломана и украдена фигура Аполлона 16 современных подносных серебр. образов – украдены

В этот список не включены вещи, пропавшие и впоследствии возвращенные.

После октябрьского переворота приказом Народного Комиссара по просвещению я был назначен сначала Комиссаром Гатчинского дворца по художественной части, а затем Директором Музея. Уже тогда, принимая это назначение, я высказал условия, при которых работа музейной администрации могла бы протекать успешно. К сожалению, несмотря на сделанные тогда же Народным Комиссаром распоряжения, большинство из этих пожеланий до сих пор не получило осуществления. Основным требованием правильной постановки музейного дела, в особенности важным в тревожное время, было тогда выставлено, чтобы музей был хозяином в своем собственном здании. Указывалось, что несоблюдение этого требования до самого последнего времени тяжело отзывалось на жизни Эрмитажа и еще тяжелее могло отозваться на Гатчинском дворце в дни, когда, как показал опыт, нужны быстрое решение и быстрое исполнение. Вследствие этого высказывалось пожелание, чтобы вся административная и хозяйственная часть внутри Дворца и парка относились к компетенции музейной администрации и чтобы ей же был подчинен весь служебный персонал, а также столярная, слесарная и проч. мастерские Дворца; чтобы контроль над деятельностью музейной администрации со стороны местного Совета происходил только через делегатов Совета, входящих в состав Художественной комиссии, и чтобы музейная администрация была ответственна непосредственно перед центральными властями.

Несмотря на то, что Народный Комиссар в принципе согласился с означенными положениями, в действительности деятельность музейной администрации протекала при постоянных трениях с Комиссаром дворцового управления, назначенным местным Советом, в трениях, иногда приводивших к острым конфликтам, и только под конец путем взаимных уступок был установлен некоторый конвивиум с комиссаром Кауфманом, который, к сожалению, как раз в это время был Советом устранен от своей должности. Такое положение вещей не могло способствовать спокойному и правильному течению музейной работы, которая отныне должна будет иметь рядом с прежней целью, описание

имущества, еще и ликвидацию тяжелых последствий пережитого разгрома и приготовления к чисто физической охране Дворца и его содержимого на случай возможного повторения имевших место событий. Эта последняя цель стала теперь доминирующей над всеми остальными, и для нее пришлось поступиться многими удобствами в дальнейшей описной работе, а также и желанием привести Дворец возможно скорее в порядок для открытия его как Музея. В целях охраны ящики, упакованные в свое время для эвакуации, а затем, как сказано выше, составленные во время тревожных дней в подвалы, были там оставлены. Рядом с этим, для наиболее ценного имущества, как-то: картин, шпалер, фарфора, исторических реликвий и проч. была избрана в антресольном этаже Арсенального карэ комната No 24, представляющая по своему расположению удобства для замаскирования подходов к ней. Единственное небольшое окно этой комнаты было заложено кирпичом во избежание пулевых попаданий. В этой комнате было сосредоточено вышеуказанное художественное имущество, двери ее опечатаны и замаскированы. Ввиду того, что Кухонное карэ продолжало служить объектом поползновения для вселения различных учреждений и воинских частей, поползновений, от которых лишь с большим трудом удавалось его оберегать, было решено окончательно расчистить его от всякого художественного имущества, что и было в течение зимних месяцев приведено в исполнение. Это должно было, понятно, загромоздить другие части дворца и еще более осложнить описную работу.

В отношении этой последней в течение зимы производилось: 1) переписка начисто на машине подробных описей, от чего, как уже сказано, пришлось через некоторое время отказаться. 2) Извлечение кратких чистовых описей из черновики подробной описи. 3) Перенесение из черновики на чистовые карточки описаний художественных предметов. Естественно, что отсутствие в помещениях Дворца большинства предметов, упакованных и сложенных в замаскированной комнате, чрезвычайно затрудняло эту работу, лишая возможности проверки черновых описей по наличности. В общем итоге в данное время сделано: 1) черновые подробные описи всего Дворца за исключением антресольного этажа Арсенального карэ, части вещевой кладовой, предметов, хранившихся в теплом сарае, и оттуда перевезенных во Дворец, и Березового домика и Павильона Венеры, разгромленных в феврале 1917 г. 2) Почти закончена чистовая краткая опись бельэтажа главного корпуса. 3) Перепечатано начисто около 200 карточек.

В административном отношении следует отметить, что по приказу Народного Комиссара от 22-го декабря 1917 года за No131 Художественная комиссия была переименована в Совет Гатчинского Музея-Дворца, который был составлен следующим образом: Директор Музея-Дворца (по должности председатель Совета), помощник директора, 3 члена по художественной части, хранитель по отделу картин, рисунков, эстампов и скульптур, хранитель по отделу прикладного искусства, назначаемые правительственной властью, 2 делегата Гатчинского Совета Р. С. и К. Д., 1 от культурно-просветительного отдела Совета, 1 от городского самоуправления, 1 от Гатчинского союза деятелей искусства, 2 от комнатных служителей Дворца, 1 от служащих парка, архитектор Дворца, Комиссар Дворцового управления и представитель Государственного контроля. Для решения текущих вопросов Совет выделяет Исполнительный комитет из трех членов и Директора музея под председательством последнего, Помощником Директора была назначена кн. Е.М. Шаховская, хранителем по отделу картин – Арист Эрнестович Пандер, хранителем по отделу прикладного искусства – Е. В. Пандер.

III.(3)

3 марта/18 февраля 1918 года Гатчинский Совет решил занять ряд помещений в Кухонном карэ Дворца для Управления главного руководителя инженерной обороны Гатчинского района. Несмотря на представление музейной администрации о том, что состоялось распоряжение Народного комиссара о невводе воинских частей в Гатчинский дворец, что, не говоря уже о тех разрушениях, которые пребывание таковых может непосредственно вызвать, существует еще опасность, которую навлекает на Дворец находящаяся в нем часть или воинское и даже гражданское управление, являясь объектом враждебных действий противника, несмотря также на присланное по просьбе музейной администрации от народных комиссаров по просвещению и военного приказание, Гатчинский Совет все же расквартировал во Дворце упомянутое управление, которое, как это всегда бывает, не довольствуясь отведенными ему комнатами в нижнем этаже Кухонного карэ, начало постепенно распространяться и на другие этажи этого флигеля, который, к счастью, к тому времени уже был окончательно очищен от произведений искусства. Противодействие, оказанное музейной администрацией Гатчинскому Совету в этом случае, послужило, вероятно, одной из причин проявившегося вскоре по другому поводу в резкой форме недовольствия Совета руководителями Музея.

6 марта (21 февраля) Совет потребовал от директора Музея спешной и неплановой эвакуации художественного имущества Дворца ввиду приближения неприятеля. Считая такую эвакуацию грозящей гибелью вверенным ему произведениям искусства, Директор Музея от исполнения этого требования отказался, после чего Совет счел нужным отстранить директора от ведения вопроса по эвакуации, передать его двум неопытным сотрудникам музея по вольному найму и предписать директору оказывать им содействие. На следующий день директор Музея и делопроизводитель А.М. Власов были арестованы и доставлены в Петроград, после чего Народным Комиссаром был разрешен директору двухмесячный отпуск, ныне истекающий. Однако Гатчинский Совет отказывается дать свое согласие на возвращение директора к исполнению его обязанностей. Временным заместителем директора назначена кн. Е.М. Шаховская, помощником его — В.Я. Курбатов.

Положение, в котором находятся предприятия музейных работы, таково, что отсутствие лица, до сих пор имевшего общее ими руководство, по необходимости должно было в значительной части их приостановить и ставит под сомнение возможность их продолжения. Новый руководитель должен будет почти все начать сначала. Как уже было сказано, вследствие октябрьского разгрома Кухонного карэ описи этого последнего могут служить только материалом для составления чистовых карточек на вынесенные из этого флигеля предметы. Составление карточки является работой, требующей строгой единообразной системы, ввиду чего необходима предварительная проверка каждого чернового описания, причем эта проверка должна быть произведена одним и тем же лицом, во избежание несоответствия описаний различных предметов между собой. До сих пор ни одна карточка не получила утверждения не будучи просмотренной Директором Музея. Кроме того, самая работа в разгромленном Кухонном карэ производилась уже летом при его ближайшем наблюдении и в картине разгрома разобраться может из всего персонала Музея в данное время только он. Большую потерю Музей понес в лице П.П. Вейнера, покинувшего Гатчину в сентябре прошлого года и под наблюдением которого производились описи Арсенального карэ. Ввиду того, что черновая опись не есть еще законченная работа, лицам, ныне находящимся в Музее, приходится исполнять довольно

неблагодарный труд проверки не ими сделанной работы, но опять-таки и эта последняя ближе всего известна Директору Музея и только им может быть завершена.

Около того же времени Гатчине пришлось уступить Павловскому дворцу А.А. Половцова, оставившего в далеко не отделанном виде черновые описи Китайской галереи. Ввиду того, что А.А. Половцов был единственным специалистом по Востоку, которым располагала Комиссия, эта работа продолжаться не могла, и администрация Музея принуждена будет искать на предстоящее лето сотрудника специалиста по этому вопросу.

Находившийся в Дворцовом управлении архив, восходящий к временам Павла I, был недавно, по настоянию администрации Музея, перевезен во Дворец, где предполагается его разместить в антресолях Арсенального карэ. Разборка этого архива и научная эксплуатация его в целях изучения истории как Дворца вообще, так и отдельных предметов, в нем находящихся, должны явиться очередными задачами Музея.

При оценке не вполне удовлетворительного результата почти годичной деятельности Художественной комиссии и администрации Музея следует иметь в виду, как смягчающие обстоятельства, вышеизложенный мартиролог. Потерю к сентябрю прошлого года двух из трех членов Комиссии, эвакуацию, прервавшую правильный ход музейной жизни и в свою очередь прерванную октябрьским разгромом Дворца, тяжелыми условиями, созданными неблагоприятным отношением местной власти, и, наконец, арест и удаление единственного остававшегося общего руководителя музейной жизни, условия, в отдельности имевшие место и в других дворцах, но в совокупности пережитые только Гатчиной.

III.(4).

Предоставляя нынешней администрации Музея-Дворца сделать подробный доклад о жизни Музея со времени моего удаления, считаю, однако, нужным привести ряд соображений по поводу настоящего положения, поскольку мне возможно было наблюдать его издали. Что касается нынешней администрации, то ее состав создает для меня возможность не прерывать связи с музейной работой и, оставаясь вне Гатчины, способствовать продолжению дела в связи с положенным началом. Тем не менее считаю долгом убедительно просить Коллегию всем своим авторитетом настаивать перед центральной властью на моем возвращении в Гатчину, так как считаю себя обязанным довести до конца начатое дело, невзирая на некоторые индивидуальные неприятности, которые могли бы вследствие этого для меня возникнуть.

Ввиду перенесения во Дворец архива и предстоящей вследствие этого новой задачи, я считал бы целесообразным создание специально для этого должности хранителя по архиву, поручив таковому также и заведование находящейся во Дворце небольшой библиотекой, а также составление необходимой для Музея научной библиотеки, как общей художественно- исторической, так и специальной по истории Гатчины. Со своей стороны позволяю себе рекомендовать Коллегии на эту должность Ученого секретаря Института истории искусств В.Н. Ракина. Это назначение дало бы мне возможность находиться в контакте и с этой стороной деятельности музейной администрации.

Как уже сказано, Музею необходим специалист по восточному фарфору, да и вообще отдел фарфора во Дворце настолько велик, что было бы желательно создать должность четвертого хранителя по этой части.

При Гатчинском музее имеются в данное время 2 сотрудника по вольному найму: Ф.А. Яковлев и В.Г. Берков. Ф.А. Яковлев – преподаватель начальной школы при училище Штиглица – был одним из тех приглашенных год тому назад сотрудников, работа которых была сравнительно приемлемой и поэтому он был временно сохранен.

Однако, будучи художником-резчиком, он не обладает научной подготовкой, вследствие чего я не вижу возможности в дальнейшем использовать его труд в научной работе Музея и считал бы нужным ныне его уволить. Что касается В.Г. Беркова, то он был принят на службу в ближайшие после октябрьского переворота дни по усиленной рекомендации некоторых членов местного Совета, исключительно как *captatio benevolentiae* последнего. В.Г. Берков художник, окончивший школу Штиглица, но отличается полным невежеством и непригодностью к делу. Вопрос о нем не мог быть, однако, приведен к благополучному окончанию властью Директора Музея, ввиду того, что вскоре после его приема на службу

В.Г. Берков был делегирован культурно-просветительным отделом местного Совета в Совет Музея-Дворца, членом которого состоит и поныне. Тем не менее я не считаю возможным дальнейшее занятие им вакансии сотрудника по вольному найму, на которую должен быть назначен необходимый Музею специалист, и дальнейшую бесцельную трату казенных сумм. Ввиду этого прошу Коллегию освободить В.Г. Беркова от его обязанностей.

Вместо существующих ныне двух сотрудников по вольному найму мне кажется нужным представить Музею до окончательного приведения его в порядок четырех сотрудников по числу предположенных хранителей. Сотрудникам же могут быть поручены наблюдения и проверка в отдельных апартаментах Дворца во время и после посещения публики.

Неудовлетворительной является работа переписчицы на машине Е.А. Кмитто. При предполагаемом по новой смете высоком вознаграждении вполне возможно иметь опытную машинистку, ввиду чего я считаю целесообразным освободить Е.А. Кмитто от ее должности. Ввиду того, что окончательно пришлось перейти, как для описей, так и для карточек, на письмо от руки, каллиграфическая работа представляется настолько обширной, что едва ли можно будет удовлетвориться имеющимся при Музее каллиграфом и надо будет создавать временно вторую должность этого рода.

Нынешняя администрация Музея постановила в согласии с местным Советом открыть 19-го мая Музей для публики. Решение это, конечно, продиктовано соображениями местной политики, но с точки зрения музейной чреват опасностями; в особенности я хотел бы предостеречь нынешнюю администрацию от соблазна вынести наиболее ценное художественное имущество, сложенное в замаскированной комнате, и распределить его по прежним местам во Дворце. Надо иметь в виду, что Гатчина находится совсем в иных условиях, чем остальные дворцы, например, Царское Село и Павловск, которые тоже готовятся к открытию Музеев. Находясь в узловом железнодорожном пункте, Гатчина подвержена, и события это уже доказали, гораздо большей опасности, как в случае гражданской, так и в случае внешней войны. Мы далеко еще не можем быть уверены в спокойствии завтрашнего дня, чтобы легкомысленно, из одних только соображений местной политики, подвергать риску те громадные художественные ценности, которые нам вверены. Кроме того, Гатчинский дворец обладает, как ни один другой, ценнейшими паркетами XVIII века, и допущение большой публики раньше, чем будут приобретены войлочные туфли для посетителей, грозит этим паркетам порчей. Поэтому я просил бы предложить администрации Гатчинского музея в крайнем случае, если нельзя избежать этого совсем, открыть для доступа публики только

бельэтаж Главного корпуса, и то не раньше приобретения войлочных туфель, и ни в коем случае не открывать остальные этажи Главного корпуса и Арсенального карэ. Но и в доступные для публики этажи не следует возвращать на место тех предметов, которые сложены в замаскированной комнате. На всякое отклонение от указанного плана я просил бы Коллегию наложить свое решительное veto. В очищенном от художественных предметов Кухонном карэ администрация разрешила некоторым художникам устроить живописную студию, мысль, встреченная местным Советом с живым одобрением. О характере этой студии я не имею достаточного представления, но как музейный деятель, озабоченный сохранением музейного имущества, отношусь ко всякому непрошеному соседству с опасением. Во всяком случае я считал бы желательным, чтобы нынешняя администрация сообщила Коллегии подробные данные о характере деятельности этой студии и не могут ли в ней проявиться тенденции к копированию картин, находящихся во дворце, что было бы сопряжено с перенесением таковых в Кухонное карэ либо с перенесением художников с их мольбертами и красками в исторические покои Дворца; и то, и другое представляло бы уже значительную опасность для музейного имущества и должно быть с самого начала категорически отвергнуто.

Вследствие ареста делопроизводителя Музея-Дворца А.М. Власова за истекшие два месяца пришло в расстройство делопроизводство. Представляемые мне на просмотр дела находятся в хаотическом состоянии, важнейшие бумаги отсутствуют, другие не подшиты и перепутаны, исходящие бумаги написаны неопытными лицами. Ввиду этого желательно скорейшее замещение должности делопроизводителя. Впрочем, до сих пор не последовало приказа об увольнении арестованного А.М. Власова.

Чрезвычайно печальное обстоятельство было обнаружено в Гатчинском дворце на днях. В гостиной императрицы Марии Федоровны висела люстра слоновой кости с бронзой, не представлявшая, правда, высокой художественной ценности, но являвшаяся исторической реликвией, будучи произведением самой императрицы. Во время эвакуации она была уложена в отдельный ящик, который вместе с другими, как уже сказано, был отправлен в подвалы в октябрьские дни. Место для ящиков было выбрано дворцовым архитектором М.М. Харламовым и было им признано сухим и не угрожающим предметам, там составленным, в отношении сырости. Приготавливая дворцовые комнаты к открытию Музея, нынешняя администрация вскрыла несколько ящиков, причем ящик, в котором находилась названная люстра, оказался пропитанным сыростью, стружки и бумага были совершенно мокрыми, бронза позеленела, слоновая кость почернела, заплесневела и покрылась ржавчиной в местах скрепления, некоторые рожки оказались отвалившимися. В остальных ящиках, стоявших рядом, сырости не обнаружено. Из этого следует заключить, что сырость вызвана не подвальным помещением, но что скорее всего часть стружек, взятых для упаковки, была сырая. Необходимо оговорить, что покупка упаковочного материала производилась Дворцовым управлением и что Художественная комиссия к этому касательства не имела. К сожалению, в данном случае нынешняя администрация не проявила достаточной поспешности для приведения в порядок люстры, между тем как каждый лишний день грозит дальнейшим разрушением. Администрация ссылается на неимение кредитов на такие специальные расходы. В свое время при утверждении сметы, ныне действующей, я настаивал на включении статьи непредвиденных расходов, в чем мне было отказано. Настоящий случай может служить доказательством ее необходимости. Разумеется, что, ввиду обнаружившейся в одном из ящиков сырости, все хранящиеся в подвалах ящики должны быть немедленно распакованы, причем, однако, эта распаковка ни в коем случае не должна производиться домашним способом, как это было начато нынешней администрацией, а теми

бронзовщиками, которые производили укладку. На это опять-таки необходимы известные кредиты, которые должны быть ассигнованы немедленно.

Что касается общего положения администрации Музея и взаимоотношений ее с Дворцовым управлением и его Комиссаром, то, насколько мне известно, в докладе о Царском Селе Г.К. Лукомским уже были высказаны соображения о необходимости окончательного отделения Музея-Дворца с парком и прочими к нему принадлежащими имуществами, как самостоятельные единицы, с подчинением всей хозяйственной части музейной администрации. Эти же соображения были высказаны мной еще в ноябре при вступлении в должность Директора Музея и всецело поддерживаются мной и поныне. Только при таком разрешении вопроса возможна будет спокойная организационная музейная работа, без которой хаос, внесенный всеми перипетиями минувшего года будет увеличиваться и никто не сможет принять на себя ответственности за целостность музейного имущества.

Кроме того большую неясность вызывает неразграниченность круга действий Комиссариата просвещения и Комиссариата имуществ Республики. Так, например, насколько мне известно, в то время, как в Коллегии должна рассматриваться смета и штаты Музея, те же штаты, но совсем в другом виде, вносятся Комиссаром Дворцового управления в Комиссариат имуществ. Во всяком случае необходимо, чтобы эти последние не могли получить утверждения помимо Коллегии.

Наконец, не могу не отметить вреда, проистекающего от присутствия в Совете Музея делегатов местного Совдепа и общественных организаций, т. е. лиц к художественным вопросам ни в какой степени не причастных и сильно затрудняющих деятельность музейной администрации своим участием в ней. Полагал бы, что, по примеру Эрмитажа и Русского музея Музеи-Дворцы должны управляться исключительно учеными Коллегиями. Вообще же все мои пожелания клонятся к осуществлению полной экстерриториальности Музеев- Дворцов в отношении местной власти, как сокровищниц общегосударственных.

III.(5).

В заключение я позволю себе высказать несколько соображений относительно будущего Гатчинского дворца и о том, как мне представляется вопрос о наилучшем его использовании в музейном отношении и о создании наиболее благоприятных условий хранения его содержимого.

Гатчинский дворец состоит из Центрального корпуса в три этажа без двора с комнатами, расположенными по двум фасадам, на плацдарм и парк. Центральный корпус двухэтажными полуциркулями соединяем с прямоугольными флигелями, т. н. Арсенальным к Кухонным карэ. Посреди каждого флигеля находится по прямоугольному двору. Помещения Центрального Корпуса принадлежат к XVIII веку, частью сохранили отделку, данную им строителем Дворца Ринальди, при первом владельце, Григории Орлове, частью переделаны при Павле Петровиче, по всей вероятности архитектором Бренной. В среднем этаже помещаются парадные комнаты и покои императрицы Марии Федоровны, в нижнем — комнаты Павла Петровича. Комнаты верхнего этажа совершенно искажены в позднейшее время, но под новыми обоями сохранилась прежняя отделка стен из фальшивого мрамора с росписью. Флигеля подверглись полной перестройке при Николае Павловиче. Арсенальное карэ частью сохранило обстановку его времени, частью же отделано заново при Александре II и служит иллюстрацией для этой эпохи. Наконец, тут же находятся комнаты, занимавшиеся Александром III. Кухонное карэ содержит ряд

больших комнат со случайной обстановкой, являвшихся свитскими и служебными помещениями. В парке находятся два павильона, т.н. Березовый домик и Павильон Венеры, которые, как уже сказано, пострадали во время февральского переворота и требуют восстановления. Кроме того — несколько декоративных сооружений и старые оранжереи, относящиеся к XVIII веку. В прилегающем к дворцовому парку Приоратском парке находится т.н. Приоратский дворец, построенный при Павле Петровиче. Со времени февральского переворота он занят местным Совдепом для различных организаций. Вне парков — Круглая рига, орловского времени, служащая ныне материальным двором. В т.н. Зверинце находится здание Фермы павловского времени, в нем — три парадные комнаты, содержимое которых, как было упомянуто, перевезено Комиссией во Дворец. Кроме того, вокруг парка и Зверинца разбросаны еще несколько служебных построек частью XVIII века, как две сторожки, частью современные, как большой конюшенный корпус, новые оранжереи и прочие. На довольно большом расстоянии от Гатчины находятся различные охотничьи домики, как-то: Войсковицкая дача и др. К охране этих последних Комиссия не считала себя призванной до дальнейшего выяснения этого вопроса.

Задача превращения жилого Дворца в Музей, лежащая перед нами, имеет сравнительно немного прецедентов и вследствие этого является вопросом, мало обсужденным в музееведении. Тем более заманчивой она представляется, тем более индивидуальным будет труд руководителя этих работ; индивидуальным еще и потому, что нельзя будет даже действовать по одной и той же системе во всех дворцах, перешедших в ведение государства, так как каждый из них представляет совсем своеобразную картину и ставит свои совсем особенные требования в зависимости как от его исторического прошлого, так и от его архитектурных особенностей и характера содержащихся в нем предметов. Музей-Дворец есть прежде всего памятник жизни, книжка с картинками, ярче, чем всякие слова, способный создать атмосферу известных эпох, повседневный обиход и всё *ambiente*, ускользающее от нас, когда мы имеем дело с крупными историческими событиями. Но самой существенной, самой интересной для нас стороной этого обихода являются произведения искусства, входящие в его состав. Они в своей совокупности свидетельствуют о направлении художественного сознания эпохи. Эти произведения здесь не могут быть величинами самодовлеющими, каждое из них подчинено общей картине. Задача устроителя Музея должна свестись к чрезвычайно осторожному устранению возможных позднейших искажений общей картины, имея, однако, в виду, что далеко не все позднейшие наслоения можно отметить, что многие из них являются ценной иллюстрацией следующих, но также уже ставших достоянием истории, эпох. Конечно, при устройении такого Музея-Дворца не может быть и речи о современных ухищрениях музейной техники, недопустимо стремление как-нибудь особенно выявить или осветить отдельный предмет, все должно быть подчинено своему прошлому, все может располагать только своим, исторически ему принадлежащим, местом.

Однако именно Гатчинский дворец среди всех остальных представляет собою в этом отношении некоторые исключения. Он изобилует целым рядом предметов большой художественной ценности с Дворцом, в историческом отношении не связанных и разбросанных до последнего времени по свитским и служебным комнатам. Главным образом, это — картины, в особенности итальянские XVII и XVIII веков. При устройении Музея должен возникнуть вопрос, что делать с этим излишком художественного имущества. Естественной мыслью было бы передать его Эрмитажу; однако количество картин, и картин больших размеров, настолько велико, а Эрмитаж и без того страдает от недостатка помещения (предположенное расширение за счет Зимнего дворца очистит очень мало места, годного для картин), что это решение будет с необходимостью

отброшено. Упомянутые картины являются в главной своей части ценнейшей коллекцией итальянской живописи XVII и XVIII веков и дает в своей совокупности редкий по полноте обзор этой эпохи, которая заслуживает огромного интереса как с художественной, так и с художественно-исторической точки зрения. До нынешнего времени, как уже упомянуто, большинство этих картин было разбросано по свитским и служебным комнатам и находилось в самых дурных условиях хранения и развески. Вследствие этого на нас падает обязанность решить вопрос о размещении этого имущества. Вносить его в исторические покои, конечно, нельзя, так как это значило бы нарушить целостность их вида и историческую традицию; остается, значит, создать какое-то музейное помещение, где уже, конечно, смогут быть исполнены все требования современной музейной техники. Такое помещение может быть создано в самом Дворце в непосредственной связи с историческими комнатами, в той самой части здания, где большая часть этих картин находилась и теперь, в т. н. Кухонном карэ, где были сосредоточены не представляющие никакого интереса в историческом отношении свитские и служебные комнаты. В настоящем своем виде Кухонное карэ не представляет благоприятных галерейных условий, но зато по своей архитектуре может быть очень легко подвергнуто внутренней перестройке, не изменяющей нисколько его наружного вида, причем результаты в галерейном смысле будут самые благоприятные. Только посредством удаления ряда переборок, отделяющих комнаты друг от друга и от темных передних, можно получить обращенный на четыре фасада длинный ряд больших, связанных между собой музейных зал с большими плоскостями стен, как нельзя более подходящих для больших размеров большинства картин. Великолепные условия освещения могут быть созданы в этих залах устройством верхнего света. Вообще я далеко не безусловный сторонник верхнего света в музеях, но в данном случае он, во-первых, диктуется архитектурными условиями, то есть недопустимостью каких бы то ни было изменений во внешности здания, а во-вторых, вполне пригоден для чисто декоративных картин, каковыми являются большинство произведений XVII и XVIII веков в Италии. По внутренним дворовым фасадам вдоль зал будет проходить прекрасно освещенный коридор, в котором могли бы найти место витрины и отдельные предметы прикладного искусства, не имеющие определенного места в исторических комнатах. Различно можно относиться к вопросу о том, оставлять или не оставлять в Гатчине те несколько первоклассных картин, которые там имеются, например, «Мадонну» Ватто и «Ослепление Савла» П. Веронезе, и не следует ли их перенести в важнейший национальный музей, каким является Эрмитаж. Если, однако, проект устройства галереи, как он только что изложен, получил бы осуществление, то удалением из Гатчины этих картин новая галерея была бы лишена необходимых среди однообразной барочной живописи оазисов, да и вообще, присутствие хотя бы и немногих шедевров поднимает ценность всего музейного комплекса. Соображения, что Гатчина отстоит слишком далеко от столицы и будет привлекать слишком мало публики, ослабляется тем обстоятельством, что уже историческая часть Дворца представляет собой настолько крупный интерес, что может рассчитывать на большое число посетителей, а также тем, что, находясь в трех минутах от железнодорожной станции, при некотором упорядочении железнодорожного сообщения Гатчинский дворец не будет представлять из себя уже столь отдаленную цель. Пока я ограничусь лишь общими этими соображениями о возможных работах по приспособлению Кухонного карэ под галерею. Если Коллегия найдет целесообразным более детальное обсуждение этого вопроса, то я со своей стороны сочту долгом в возможно близкое время представить подробно разработанный как с архитектурной, так и с музейной точки зрения проект. Существует, однако, соображение, заставляющее меня высказать пожелание, чтобы к таким работам было хотя бы

приступлено в предстоящем строительном сезоне, а именно: начало этих работ раз навсегда предопределяет назначение Кухонного карэ и положит предел различным притязаниям на него, постоянно грозящим историческим комнатам Дворца непрошеным соседством. В то же время эти работы сделали бы невозможным при каких бы то ни было условиях восстановление в Кухонном карэ того картинного кладбища, которым оно являлось до сих пор.

Другой работой, и работой неизбежной во всем Дворце и при всяких обстоятельствах, если мы только хотим сохранить находящееся в нем художественное имущество, является изменение физических условий его хранения в отношении отопления и сырости; и в том и другом вопросе Дворец надо признать неблагополучным, и от недостатков именно в этих отношениях за прежнее время испортилось, если не совсем погибло, довольно большое число картин. Конечно, эти последние являются среди всех остальных родов произведений искусства наиболее чувствительными к физическим условиям и наиболее подверженными разрушению. Если, однако, сырость угрожает предметам только в некоторых, хотя и очень ценных, частях Дворца, как, например, в помещениях императора Павла I в нижнем этаже Центрального корпуса, то примитивное отопление вредит им повсеместно. Многие картины годами висели на горячих, от проходящих в них дымоходов, стенах, вследствие чего живопись сварилась. В некоторых помещениях Дворца отопление — т.н. амосовское, последствием чего является отложение на поверхности картин слоя мельчайшей обуглившейся пыли. В Гатчине нет почти ни одной картины, которая в той или иной мере не требовала бы вмешательства реставратора. Подобное отопление существовало и раньше в Эрмитаже, где причинило немало вреда и несколько лет тому назад было заменено воздушным отоплением новой системы, дающим возможность регулировать не только температуру, но и влажность воздуха и вследствие этого представляющим наибольшие возможности гарантий для сохранности картин. Исходя из вышеизложенного полагаю, что неотложной задачей музейного строительства в Гатчинском дворце должно быть переустройство отопления в указанном направлении.

Остается сказать несколько слов о притязаниях Ученого комитета Комиссариата земледелия на Гатчинский дворец, парк и Зверинец, причем этот Комитет ссылается на якобы состоявшееся постановление быв[шего] Временного Правительства. Ходатайство Ученого комитета в свое время действительно рассматривалось в Совете по делам искусств при Комиссаре над быв[шим] Министерством Двора и было передано этим Советом в смешанную Комиссию из представителей Совета и Ученого комитета под председательством М.И. Ростовцева, в которой участвовал и я, как представитель художественных интересов Гатчинского дворца. Не без некоторого давления со стороны Комиссариата над быв[шим] Министерством Двора, обеспокоенного возможностью других, еще более неприятных захватов, на возможность которых указывалось, Комиссия постановила, что Ученому комитету при Министерстве земледелия могут быть переданы Зверинец, Конюшенный корпус и Кухонное карэ. Что же касается Главного корпуса, Арсенального карэ, парка и находящихся в нем старинных зданий, то они должны были оставаться в ведении Совета по делам искусств, причем, однако, на Ученый комитет возлагалась обязанность возделывать парк под наблюдением художественной администрации Дворца. Про Арсенальное карэ было оговорено, что впоследствии, если Совет по делам искусств признает это возможным, отдельные, не представляющие интереса с точки зрения художественной и исторической комнаты, буде таковые окажутся свободными, после разборки всего художественного имущества Дворца, смогут быть предоставлены Ученому комитету для тех или иных целей, не угрожающих безопасности здания или его содержимого. Такое постановление Комиссии было принято Советом по

делам искусств, но ни до какого постановления Временного Правительства дело дойти не успело. В противовес этому решению уполномоченным Комиссара по Гатчинскому дворцовому управлению А.Г. Голубковым тогда же был подан контрпроект, в котором указывалось, что по техническим соображениям конвивиум двух различных учреждений в одном и том же здании чрезвычайно затруднителен и повлечет за собой неблагоприятные последствия. Указывалось также и на то, что Кухонное карэ необходимо для служебных нужд будущего Музея. Еще яснее представляется этот вопрос теперь в связи с выдвинутым проектом использования Кухонного карэ в галерейных целях. В этом случае Музею будет нужно не только все здание Дворца, но и значительная часть Конюшенного корпуса, для размещения в этом последнем служителей и мастерских. Да и помимо использования Кухонного карэ под галерею размещение в нем служителей с их семьями, что должно составлять население по меньшей мере около 250 человек, являлось бы нежелательным с точек зрения пожарной и санитарной. Остальные службы, необходимые для парка, также должны быть оставлены за Музеем, в ведении которого находится парк. Таким образом, все домогательства Ученого комитета следует, мне кажется, раз навсегда категорически отвергнуть, а во избежание дальнейших попыток по возможности скорее приступить хотя бы к черновым работам по перестройке Кухонного карэ.

III.(6).

Резюмируя все вышеизложенное, прошу Коллегию:

1. Наложить категорическое veto на перенесение предметов из замаскированной комнаты в апартаменты Дворца.
2. Обсудить вопрос, нельзя ли отложить на неопределенное время открытие Музея и во всяком случае воспретить открытие помещений вне бельэтажа Центрального корпуса.
3. Поставить вопрос о перевозке брюссельских шпалер на временное хранение в Эрмитаж или Зимний дворец.
4. Настоять на спешном отпуске кредитов для найма бронзовщиков для распаковки бронзы и для работ по реставрации пострадавшей люстры слоновой кости.
5. Обсудить вопрос о целесообразности присутствия в Кухонном карэ художественной студии.
6. Обсудить вопрос о желательности представления подробного проекта перестройки Кухонного карэ под галерею.
7. Обсудить вопрос об окончательной форме музейного управления в связи с отделением его от дворцового управления, о взаимоотношениях с комиссаром и с местной властью, а также с Комиссариатом имуществ Республики.
8. Создать должность хранителя по отделу фарфора.
9. Создать должность хранителя по архиву и библиотеке, назначив на нее В. Н. Ракина.
10. Создать 4 должности сотрудников по вольному найму.
11. Уволить сотрудников по вольному найму Ф.А. Яковлева и В.Г. Беркова.
12. Создать вторую должность каллиграфа.
13. Уволить переписчицу на машинке Е. А. Кмитто.

14. Сделать настоятельное представление центральной власти о возможно скорейшем возвращении меня к исполнению обязанностей.

Гр. В. Зубов Петербург

2/15 мая 1918 года. (из публикации Семёнова и. Т. Д. Исмагуловой).

Часть IV. «Уроки истории».

Переплетение судеб как и родственников, которые отвечали перед Родами за своих потомков, это исторически сложённая традиция Российского Государства, которая была нарушена в ходе Октябрьской Революции и претерпевала всякое гонение, как чуждое понимание согласно учения К. Маркса. Но на данный текущий момент, а он переломный в истории Государства, Российская Федерация, так как инаугурация Президента В.В. Путина состоится 7 мая 2018 года, будет начата новая историческое возрождение России, так как период оглядывание на мировое сообщество прошёл, становление гражданского общества прошло без Революционных потрясений и кровопролитной братоубийственной войны, в самом Государстве. В чем, я считаю, прежде всего заслуга лично В. В. Путина, как нынешнего Президента. И это мои личные выводы основанные на моей личной интеллектуальной собственности и на логических выводах имеющих место в фактах и издаваемых законов в Российской Федерации, но как и всегда немного отстающих от движущегося прогресса ввиду опять же чиновничьих волокит и не допонимания действительности происходящих перемен в Государстве и на Международном уровне, забывающих о том что гражданское общество довольно сильно и юридически грамотно, особенно молодое поколение, старающееся впитать в себя лучшее, что имеется в Государстве основанного на историческом фундаменте. Все то, о чем в своё время говорил и делал и описывал, граф Валентин Зубов, давая нам исходники в заложенном фундаменте исторических ценностей Российского Государства, сохраняя все, что мог для нынешних поколений, низкий поклон ему за это. Продолжим далее читать выдержки рукописи графа Зубова, где он описывает взгляды и понимание чиновников которые по происшествию более 100-летия ничем не отличаются от нынешних, и тем самым порождают худшие черты, переходящие во власти, способствующие подрыву экономики России по принципу, если в Москве ветер деревья ломает, то на местах и трава не шелохнётся. И разговоры о Государстве у них только в том случае, если находясь у Государственной «кормушки», они могут заработать деньги для личного обогащения, это и называется иметь деньги с должности. Что всегда было бичом для России и имело место, пресекались только радикальными методами вмешательства со стороны Государя, в данное время Президента. Все это мешает нормальному экономическому развитию Государства, а способствует подрыву экономики Государства, путём вывода денежных средств в

офшоры, что недопустимо для страны и ее народа в целом. На что в своих указах и обращениях пока говорит Президент, так как это является ослаблением Государства, что недопустимо для Российской Федерации, на Международном уровне. Слабая экономика – слабая страна, повод для различных нападок. Примеры История нам всегда преподносит.

«Во время долгого перерыва служебной деятельности он в начале 30-х годов купил в Петербурге у статс. сов. Мих. Петр. Путятина дом по Исаакиевской пл. № 5, против самых западных дверей тогда еще строившегося нового Исаакиевского собора. Дом этот он в 1845 г. перестроил по проекту известного архитектора Ю.А. Боссе. Здесь царила его супруга, «Клеопатра Невы», Аграфена (Агриппина) Феодоровна, рожд. графиня Толстая (1800 — Флоренция, 1879), единственная дочь гр. Федора Андреевича Толстого, воспетая Баратынским, увлеченным смуглой красавицей, «то плакавшей как Магдалина, то хохотавшей как русалка», «Медная Венера», как окрестил ее Вяземский в письме к Пушкину, «беззаконная комета в кругу расчисленном светил», как назвал ее Пушкин, тоже ею увлекавшийся, но не пользовавшийся успехом, как Баратынский, и ставший против воли поверенным ее сердечных тайн.

Твоих признаний, жалоб нежных
Ловлю я жадно каждый крик;
Страстей безумных и мятежных
Как упоителен язык!
Но прекрати свои рассказы,
Таи, таи свои мечты:
Боюсь их пламенной заразы,
Боюсь узнать, что знала Ты!
(Наперсник. 1828)

С своей пылающей душой,
С своими бурными страстями,
О жены Севера, меж вами
Она является порой
И мимо всех условий света
Стремится до утраты сил,
Как беззаконная комета
В кругу расчисленном светил.
(Портрет. 1828)

По переезде в Москву Закревский продал свой дом на Исаакиевской площади за 70.000 рублей откупщику Кокореву. После Кокорева домом владел купец С. Голенищев, отец египтолога и хранителя Имп. Эрмитажа Владимира Семеновича, в этом доме родившегося, а в 1869 г. дом был куплен графом Платоном Александровичем Зубовым, и в нем родился пишущий эти строки и основал там же в 1912 г. Институт истории искусств.

Интересное историческое документированное фактовое должностное преступление, которое наглядно может служить как пример для обучения следователей и прокурорских работников в дообразовании при непонимании состава преступления и его изначальных причин (ст.ст. 285; 286 УК РФ), действующих ныне 2018 год.

В 1859 г. он окончательно сломал себе шею и был уволен за изряду вон выходящий поступок и превышение власти. Его дочь, графиня Нессельроде, жившая отдельно от мужа при отце, влюбилась в князя Д.В. Друцкого-Соколинского, служившего при генерал-губернаторе, и хотела выйти за него замуж. Были начаты переговоры о разводе с графом Нессельроде, сначала через ген. Бутурлина, затем через друга молодости Закревского, некогда всесильного при Николае I начальника 3-го отделения собств. Е. В. Канцелярии, а в то время председателя Гос. Совета кн. Алексея Федоровича Орлова. Переговоры были безуспешны. Явилась мысль просить Государя через Орлова, но Император Александр II признал свое вмешательство в бракоразводное дело невозможным, так как оно зависело от духовной власти.

Кстати, стоит отметить, какие предосторожности соблюдали в обычной переписке между собой эти высокопоставленные лица. Письма адресовались третьему лицу, которое их передавало устно, и таким же путем шел ответ.

В это время доверие Закревского приобрел некий стряпчий уголовных дел Михаил Федорович Троицкий, по-тогдашнему сведущий в законах. Узнав о переговорах, Троицкий заявил, что развод самое пустое дело, которое он может легко устроить. Закревский его выслушал и был убежден его доводами.

Идея Троицкого состояла в следующем: без соглашения развод невозможен, но брак вполне возможен и без развода. Такой брак, конечно, будет преступлением, но всякое преступление может быть прощено высочайшей властью и не преследуемо. Тайнство же брака, покуда оно не уничтожено духовной властью, остается тайнством. Он-де, Троицкий, знает много таких браков, благополучно существующих. Закревский ухватился за эту мысль в желании устроить судьбу любимой дочери, фактически разведенной, но юридически зависевшей от мужа.

Однако, из осторожности, он прежде решил запросить Орлова, к которому и послал того же Троицкого. Орлов одобрил план, исполнение которого было поручено стряпчему. Решение было принято осенью 1858 года, а венчание состоялось 6 февраля 1859 г. в сельской церкви Рязанской губ. Дабы избежать огласки, Друцкой еще в конце предыдущего года вышел в отставку и не показывался в Москве. После венчания он оставил «жену» у своих родителей в деревне Смоленской губернии и провел масленицу один в Москве, появляясь на всех вечерах и балах. Затем новобрачные уехали за границу, причем Закревский выдал им паспорта на имя князя и княгини Друцких-Соколинских, что было с его стороны несомненным превышением власти и соучастием в преступлении. Лишь в апреле было сообщено о пребывании Друцких за границей III отделению Собств. Е. В. Канцелярии и последовал запрос управлявшего ею кн. Василия Андреевича Долгорукого.

Когда дело стало известным, Св. Синод признал брак недействительным, а Орлов спрятался в кусты, утверждая, что он только высказал свое личное одобрение, предполагая, что браку будет предшествовать так или иначе что-то вроде развода. Между тем Закревский был убежден, что Орлов лишь из осторожности не все высказал

посланному и что его одобрение значило, что намерение Закревского было известно самому Государю. В этом убеждало его будто бы повторенное Орловым указание, что в этом деле следует прежде всего избежать огласки.

Чета, переехав границу, прожила недолго в Брюсселе, затем устроилась вблизи Брайтона в Англии и под конец купила имение Гальчето в Тоскане. Путь в Россию им был закрыт. Много позже, уже после кончины Закревского, они получили высочайшее помилование.

Закревский, уверенный, что он всю свою жизнь строго соблюдал законность, видел в своем поступке результат недоразумения. Законность он понимал не как повиновение законам, а как точное согласование своих действий с волей источника закона, т.е. царя. В данном же случае он предполагал согласие Государя. Надо отдать ему справедливость, он признавал свое падение заслуженным наказанием и всю вину принимал на себя.

Друцкой-Соколинский в своих воспоминаниях о тесте старается выставить его в лучшем свете, чем другие современники. По его словам, Закревский был врагом крепостного права, преследовал взяточничество и был типом либерала первых лет Александра I, чем будто бы объясняется его враждебность к Аракчееву. Слишком много иных свидетельств опровергают этот лестный портрет.

Во всяком случае он был не глуп, хотя и совершенно не образован, ни на одном иностранном языке не говорил, да и по-русски писал, как гимназист 2-го класса.

После падения Севастополя, страшно его поразившего, у него во взглядах на внешнюю политику развилась мономания – страх перед Наполеоном III и ожидание с его стороны всяких бедствий для России. Он уже видел французских префектов, управляющих нашими губерниями.

Проф. гр В.П.Зубов (Чурбан-паша. Напечатано «Русская мысль».1958. 13 ноября. №1259. четверг)

Воспитание в семье, имеющей традиции, передающиеся как наследственные из века в век, есть то самое первое учение которое даётся при рождении человека изначально влияющие на его заложенный геном, и по мере взросления человека и выполнении его личной интеллектуальной собственности, помогает ему на основе имеющегося опыта семьи, Рода, тейпа избежать многих неприятностей. Так как в его воспитании был заложен фундаментом опыт, накопленный семьей, который в трудную минуту опасности сработав «шестым» чувством на интуитивном уровне убережёт или скомпенсируют, неправильность действий или принятия решений.

гр Гриценко С.Л.

Старые дома и их обитатели (выдержка печатается по изд.: Русская мысль. 1958. 2 окт. No 1272. Четверг.)

В каждом старом доме содержится кусок истории; или т. наз. «маленькой» истории, или иногда и «большой». Но не всегда удастся ее выявить, заставить зазвучать магнитическую ленту. В большинстве случаев нам в этом помогают воспоминания современников. Строго говоря, воспоминания самый плохой материал, которым располагает историк, слишком много в них субъективной окраски, недочетов памяти,

оплошностей. Всякий юрист знает цену свидетельским показаниям, даже по свежим следам; чего же стоит рассказ о событиях, иногда отстоящих на десятки лет? Пишущий «большую» историю должен подходить к мемуарам с сугубой осторожностью, его материал по преимуществу — документы архивов и во вторую очередь письма, а воспоминания могут служить ему пособием лишь как дополнение и поскольку они не противоречат первым. Но там, где дело идет о «маленькой» истории, где аромат эпохи важнее, чем точность фактов, мемуары служат желанным источником, сохраняющим нам анекдотическую сторону прошлого.

В старину на Руси – бывали чудаки-люди, но бывали и чудаки-дома; таким был дом, построенный в Москве на Тверской одним из петровских вельмож, плохо кончившим свою карьеру, князем Матвеем Петровичем Гагариным. С 1693 по 1695 г. он был воеводой в Нерчинске, с 1707 по 1718 г. – президентом Сибирского приказа, в 1707 г. — московским комендантом, с 1711 по 1719 г. – сибирским губернатором, а в 1721 г. казнен за злоупотребление властью и упорство в сокрытии пособников, первым из которых был князь Меньшиков.

Гагарин был повешен на площади перед сенатом; все его имение было конфисковано. Несколько тысяч крестьян, принадлежавших ему, были отданы Егору Дашкову, производившему над ним следствие.

Гагарин удивлял современников своей пышностью. У него за столом кушанья подавали на 50-ти серебряных блюдах; сам он ел только на золотых тарелках. Колеса его кареты были серебряные, а лошади в серебряных и золотых подковах. Его парадный мундир был залит алмазами, пряжки его башмаков стоили десятки тысяч. Он был видом невзрачен: невысокого роста, черноватый, с быстрыми движениями.

М.И. Пыляев в своих книгах «Старое житье» и «Старая Москва» приводит, к сожалению без указания источника, следующее описание Гагаринского дома: «...Стены были зеркальные, а потолки из стекол, на которых плавали в воде живые рыбы. Эти великолепные палаты, на образец венецианских, воздвигнуты были, вероятно, по проекту какого-нибудь иностранного архитектора. Четырехэтажные комнаты выходили фасадом на Тверскую улицу, образуя портал с двумя павильонами: в уступах между ними, в арках, устроена была открытая терраса с балюстрадою. В бельэтаже у портала и обоих павильонов висели балконы из белого камня, украшенные вычурною резьбою. Наличники и сандрики над окнами состояли из орнаментов, искусно высеченных из камня».

«Над подъездными воротами видно было клеймо, увенчанное княжескою короною и запечатленное следующей надписью: „Боже, во имя Твое спаси“. Из бельэтажа на улицу, по обе стороны ворот, были красивые крыльца с оборотами, с фигурами, балюстрадами и т.д. На заднем фасаде дома на дворе был длинный балкон с художественными орнаментами. Внутреннее великолепие палат соответствовало и внешнему: разного рода дорогое дерево, мрамор, хрусталь, бронза, серебро и золото, все было употреблено на украшение покоев, зеркальные потолки отражали в себе блеск жирандолей, люстр, канделябр, в висячих больших хрустальных сосудах плавали живые рыбы; разноцветные наборные полы представляли узорчатые ковры».

«Одни оклады образов в его спальне, осыпанные бриллиантами, стоили по оценке тогдашних ювелиров более 130 тыс. рублей. В числе его несметных сокровищ был самый драгоценный из всех донныне известных в целом свете рубин, привезенный ему из Китая. Сын этого князя, путешествовавший за границу, так сорил деньгами, что его иностранцы прозвали набобом».

По поводу этого дома Василий Назарович Каразин (1773-1842), основатель Харьковского университета, писал в 1810 г. доктору О. И. Роману:

«Скажу только, что мы часто ходим в наших учреждениях и постановлениях на известного князя Гагарина Петровских времён, который вздумал построить в Москве, на горе, дом на манер венецианский. Вы можете его видеть еще и теперь на Тверской... Вы найдете в нем и крытую галерею, как будто над каналом, и ступеньки для схода к гондолам, и боковой парапет для защиты этих ступенек от высокой воды, и, наконец, даже кольца для привязывания гондол, — словом, все на своем месте, кроме самого дома».

В 1793 г. дом купил граф Александр Николаевич Zubov, отец екатерининского фаворита. Zubовский карлик Иван Андреевич Якубовский, о котором я уже упоминал на этих страницах, тоже описал его: «Дом этот был чудесный, он (Гагарин) его строил на манер венецианской: на улицу были чугунные уступы и висели концы для прицепки кораблей, а наверху были пруды в стеклянных фонарях и проведена была вода в его спальню, она ходила взад и вперед. В нем стены толстые, железа тьма, полосы самые толстые во всех углах торчат: лестниц потаенных много: что он по ним таскал?

Дворы были устланы чугуном, а под землею были кузницы, что он там ковал, неизвестно. Граф за него заплатил семьдесят пять тысяч рублей ассигнациями...». Когда дом исчез, неизвестно.

Разумеется, в таком доме не могло обойтись без привидений. Якубовский рассказывает: «Когда мы начали жить в нем, тогда видели два привидения: первое, жила у графини одна старушка, майорша Екатерина Ивановна Удольпа, богомольная, читала все Библию... Двери были заперты, вдруг отворились, и собака к ней прибежала и начала ласкаться около нее: она не знала, что подумать, встала и выгнала ее в другие комнаты, заперла опять двери и легла, но в другой раз двери отворились, та же собака прибежала к ней, она обробела, испугалась, однако ж встала опять и хотела прогнать до передней, но собака подскочила под канапу и пропала. Вы не можете вообразить, что тут могло быть: открывают пол под этой канапе, находят большую лестницу из белого камня в самый последний погреб, по которой можно ходить четверем человекам рядом, но она не была видна ни с какого боку: так все подумали: это явление, что там лежит клад. Нам говорил один старик, ему было больше осьмидесяти лет, он говорил, что жил при нем, что эта лестница шла поземной ход (sic), но он крепко завален, а там много было завалено добра. Покойная графиня эту лестницу выломала и на дне, на самой земле, нашли трубу, вся закопчена; так люди просили ее, чтоб позволила ее разобрать и взлезть туда, но она не позволила, а сказала: «Его братья давно все выбрали». А если она не знала?

А другое явление было сыну его (Зубова) Валериану Александровичу. Он ехал командовать в Персию и заехал в Москву и ночевал у матери в доме; ложится спать на кровати, где мать спала, также двери были заперты. Вдруг отворилась, и прекрасная дама входит и прямо идет к графу; он очень обрадовался и спрашивает: «Что вам угодно и кто вы такие?» Она ничего не говорит. «Сходит, что вы немые?» – спросил ее граф. Так встал с постели, вложил ногу свою в костыль (нога Валерьяна была оторвана под Варшавой) и пошел к ней; она от него уходит, а он за ней. Дошли до последней комнаты, она исчезает в его глазах. Он не знал тоже, что подумать, а был очень молод. Когда возвратился из Персии, сам мне рассказал».

Другой дом в Москве отличался не чудачеством, а красотой своей архитектуры, зато обитатели его были не без причуд. Всем жителям Москвы, вероятно, памятно здание Пашковского дома на Моховой улице, одного из самых замечательных произведений

архитектора В.И. Баженова, построенного в 1784-1786 годах. В нем позже помещался Румянцевский музей. Дом завершается круглым бельведером, не совсем сохранившим, к сожалению, свои первоначальные формы. После пожара 1812 г., в котором здание сильно пострадало, облик бельведера был несколько искажен.

Баженов задумал свой дворец наподобие усадебного дома, внутри обширного сада, по склону холма, спускающегося к улице, от которой он отделен низкой решеткой из кованого железа. Своим передним фасадом дом смотрит на Кремль, с противоположной стороны – парадный двор, встречающийся в большинстве пышных помещичьих жилищ, напр., в подмосковных: Архангельском, Останкине и др. Со стороны Моховой здание представляется в виде центрального трехэтажного ризалита, украшенного во втором и третьем этажах колоннадой из четырех коринфских колонн и коринфскими же пилястрами; над карнизом бежит ажурная галерейка с вазами, а за ней возвышается бельведер. Этот средний корпус соединен двумя одноэтажными крыльями с боковыми двухэтажными корпусами, украшенными колоннами композитного ордера.

Дом был построен для Александра Ильича Пашкова, женатого на Дарье Ивановне Мясниковой, известной в свое время богачке. Кн. П.А. Вяземский, восторгаясь красотой и величавостью архитектуры, пишет: «А в саду фонтаны, пруды, лебеди, павлины и птицы заморские; по праздникам играл в саду домашний оркестр. Как, бывало, не идешь мимо дома, так и прильнешь к железной решетке, глазеешь и любишься; и всегда решетка унижена простым народом».

Из семьи Пашковых несколько скандальную известность приобрел внук Александра Ильича, Андрей Иванович (21. III. 1793 — 5. II. 1850), ген.-майор и с 1826 г. егермейстер Выс. Двора. Первым браком он был женат на гр. Екатерине Дмитриевне Зубовой, вторым на гр. Аделаиде Гавриловне де Моден, дочери французского эмигранта, и Елис. Ник. Салтыковой. Андрей Иванович участвовал в Отечественной войне, находился в 14-ти сражениях, был контужен при Бородине, очень быстро проходил военную карьеру и в 1826 г. вышел в отставку. Будучи нрава очень неуживчивого, он после назначения егермейстером вскоре не поладил с обер-егермейстером Нарышкиным, на которого подал донос, не оправдавшийся при следствии и принудивший Пашкова выйти в отставку.

Владея нераздельно с братьями и матерью отцовским состоянием, он при дележе наследства затеял с ними процесс, в котором обе стороны вели себя одинаково запальчиво. Мать с двумя сыновьями принесла Императору Николаю Павловичу жалобу на своего сына Андрея; тем не менее наследство все-таки не было поделено, а после смерти матери вражда между братьями достигла крайних пределов. В 1840 г. дело дошло вторично до Гос. Совета, который, видя, что помирить братьев нет никакой возможности, решил прибегнуть к крутым мерам, обратив дело к разбору с нижней инстанции и взяв спорное имение в опеку с устранением всех трех братьев от управления. Сверх того, Андрей Иванович имел многочисленные другие процессы, которые проигрывал, несмотря на личные связи и родство жены.

Кроме этой печальной известности, слишком, по словам почитателей его, преувеличенной многочисленными врагами, Пашков приобрел себе славу как магнетизер, очень удачно лечивший больных. Увлечшись в 40-х годах явлениями магнетизма, к которому в то время у нас стал распространяться интерес, Пашков с 1843 г. начал им заниматься и исцелил многих больных. В их числе была, между прочими, престарелая Екатерина Алексеевна Висковатая, рожд. Корсакова, которая после 12-го сеанса стала ходить и, несмотря на преклонный возраст, совершенно выздоровела и даже пережила

самого Пашкова. В 1843-м же году он исцелил нервнобольную девицу Чекину; журнал ее лечения хранился в семье Пашковых, а отец ее напечатал в «Русском инвалиде» письмо об исцелении дочери. В том же году Андрей Иванович вылечил армянского патриарха Нерсеса, которого разбил паралич. При помощи советов и предписаний вылеченной им Висковатовой, которая, по-видимому, со своей стороны занялась магнетизмом, он в течение 6 недель восстановил силы патриарха до такой степени, что к нему возвратилось употребление разбитой параличом стороны. После этих трех случаев Пашков приобрел большую практику, которую не оставлял до смерти. Законов против нелегальной медицинской практики еще не существовало.

«Строгий, стройный вид» Петербурга не допускал ни венецианских затей Гагарина, ни усадебной планировки Пашковского дома; что было возможно в Москве, было немыслимо на берегах Невы. Недаром Николай Павлович во всех повергавшихся на его апробацию архитектурных начинаниях строго следил за сохранением «единообразия». Лишь после его кончины стал распространяться в столице строительный беспорядок. Имена Фельтена, Вален-Деламота, Кокоринова, Старова, Кваренги, Камерона, Воронихина, Захарова, Тома де Томона, Росси и др. знаменуют собой рост волшебного города, воспетого Пушкиным.

Среди этой плеяды строителей француз Тома де Томон (1760-1813), творец Биржи и памятника «Супругу-Благодетелю» в Павловском парке, один из самых восхитительных певучестью, если можно так выразиться, своих форм. Из частных заказов, им выполненных, следует отметить дом, построенный для графа и графини Лаваль на Английской набережной, непосредственно прилегающий к зданию Сената. Прекраснейших пропорций фасад, украшенный колоннадой, внутри – парадная лестница и отделка комнат могут считаться одной из архитектурных жемчужин столицы.

Но кто были заказчики, кто дал мастеру возможность постройки и кто жил в этом доме? Их история заслуживает интереса. Молодая Александра Григорьевна Козицкая, наследница богатых купцов Мясниковых и Твердышевых, вероятно родня только что упомянутой Дарьи Ивановны Пашковой, влюбилась в сына французского виноторговца, эмигранта Лавалья. Этот сын, Жан-Франсуа (Иван Степанович) попал в Россию учителем в Морской корпус. Козицкая-мать, другая дочь которой была за русским посланником в Турине, кн. Белосельским-Белозерским, не хотела и слышать о браке второй дочери с бедным учителем, но Александра Григорьевна опустила просьбу в просьбоприемный ящик Императора Павла I, который затребовал от матери объяснения. Последняя написала: «Во-первых, Лаваль не нашей веры; во-вторых, никто не знает, откуда он; в-третьих, чин у него не больно велик». На это последовала высочайшая резолюция: «Во-первых, он христианин; во-вторых, я его знаю; в-третьих, для Козицкой у него чин достаточен, и потому обвенчать».

Приказ был выполнен немедленно, несмотря на канун постного дня. Лаваль сделал быструю карьеру: 26 февраля 1800 г. назначен камергером вел. кн. Елены Павловны, 10 октября переведен к Высоч. Двору, получил орден Св. Александра Невского и чин действ. тайн, советника. Во время пребывания Людовика XVIII в Митаве Лаваль ссудил его деньгами, за что получил графский титул. В министерстве иностр. дел он в течение 30-ти лет управлял на правах директора департамента 3-й экспедицией особой канцелярии, состоявшей в ведении самого канцлера, и был редактором «Journal de St. Petersburg», а также членом главного управления училищ. В деле гонения просвещения он был деятельным союзником Магницкого и Рунича.

В доме Лавалей давались пышные приемы с присутствием высочайших особ, но их салон служил также местом встречи петербургских литераторов; завсегдатаями были Пушкин, Крылов, Жуковский, Гнедич, Козлов, Лермонтов. Тут 16 мая 1828 года Пушкин читал «Бориса Годунова». Среди слушателей были Мицкевич и Грибоедов. Тут Лермонтов вызвал на дуэль де Баранта. В 30-х годах дом Лавалей служил местом собраний «Музыкальной академии», в 40-х годах на вечерах выступали Виардо, Рубини, Тамбурины. Летом собрания переносились на дачу Лавалей на Аптекарском острове, тоже выстроенную Тома де Томоном. Лавали собрали ценную художественную коллекцию, в которой находились картины Teniers'a, Guercino, Claude Lorrain, Albani, Guido Reni, Fra Bartolommeo, а также античные скульптуры и старинное оружие.

Одна из дочерей Лавалей, Екатерина Ивановна, была за кн. С.П. Трубецким, одним из видных участников декабрьского восстания. Трубецкие жили в доме родителей, и здесь происходили собрания Тайного общества. 14 декабря дом, находившийся рядом с Сенатской площадью, оказался в центре событий и служил убежищем для участников. Он был оцеплен и обыскан, но Трубецкого не нашли: он скрылся у австрийского посла Лебцельтерна, женатого на его свояченице, а оттуда был доставлен в Зимний дворец. Екатерина Ивановна последовала за мужем в долговременную ссылку в Сибирь.

После смерти Лавалей дом и дача перешли к их дочери графине Борх, затем домом владел известный железнодорожный деятель С.С. Поляков, а в начале XX столетия он был куплен для расширения помещений Сената.

Проф. гр. В.П. Зубов (Русская мысль. 1958. 2 окт. No 1272. Четверг.).

Отдаю должное моим предкам, склоняю голову за их добродетель к нам их потомкам. Они упреждали нас от бушующих Наших имеющих месть быть совершенных ошибках, упреждали и обучали нас уму-разуму, в свою очередь сделав все для того, чтоб никто, никакая Власть, Кроме Власти Господа Нашего Бога, своими указами, распоряжениями или же по какой-то людской прихоти, власть имущего на исторический момент, Никогда не смогла забрать то, что Заслуженно Родом, и в трудную минуту человек имеет защиту только от Рода, Семьи – Только Кровь НЕ Предаст. При условии если не совершён проступок позорящий Честь Семьи, Рода, где наказание избирает сам Род, сама Семья – Отчуждение от Рода, Семьи, что является самым что ни на есть Приговором. Фактически к концу своей жизни, мой прадед, граф Валентин Платонович Зубов, в своей рукописи «Страдные годы России:1917-1925 годы», и в своих статьях, написанных им в ходе написания ее и приложенных к изданной книге в 2004 году в России, расписал завещание нам его потомкам. Но только лишь, мне его первому правнуку, Господь сподобил расшифровать Завещание, имея опыт, основанный на личной интеллектуальной собственности, переданной на генетическом уровне, в силу сложившихся обстоятельств в процессе доказывания Истины. Которая, прикрываясь правовым нигилизмом, нарушает принципы Верховенство права, тем самым способствуя развитию пагубных факторов влияющих на экономику России в настоящее время, в конечном итоге могущих нарушить целостность государства, Российской Федерации. О чем и было изложено, графом В. П. Зубовым в своей рукописи, и там же даны рекомендации основанные на практических примерах сохранения исторического культурного наследия (Гатчина), а также на психолого-педагогическом,

нравственном воспитании, стоящем в основе становления личной интеллектуальной собственности человека. Исходя из знаний сложенных в совокупности, можно в данное время сказать что решение возникающих проблем носящих в данное время постоянные противоречия в обществе, основаны на фактической утрате исторических знаний передающихся из поколения в поколение, и этот пробел заполняется различными компьютерными играми отвлекающими от сути самого воспитательного процесса, как в семье так и в социуме, на нашем примере, Российского Государства. Мною неоднократно написано об этом, в то же время и научно доказано на протяжении 6 лет, собранными документами в ходе открытого научного общественного эксперимента. То что сделал граф Валентин Зубов, для России в настоящее время имеет огромную ценность, не говоря уже о том , что взяв на себя тяготы и лишения, он спас семью от репрессий, уехав из России. Так как его личность, его необузданный Родовой характер, его знания, круг общения и знакомств во всем мире, являлся ненавистным тому режиму, который создавался после Октябрьской Революции, чего в силу своего нравственного воспитания, как человек Чести и Достоинства, он не мог воспринять. И это он сам все написал, думая о нас, о всех тех, ради кого он и его коллеги сохраняли в то смутное время Гражданской войны, Революции. Констатация фактов имеет место подтверждения в архивных источниках Российской Федерации, и мне как автору докторской диссертации: «Генезис и эволюция личной интеллектуальной собственности человека в России: История и Современность», очень легко было, сопоставив исторические факты, взять их как фундаментальную основу Российского Государства, вывести формулу Правового нигилизма, на них наложенных, что противоречит, вступая, в полном объеме Верховенству права и тем самым способствует развитию Скрытого Экономического Терроризма, переходящего, без должной действенной реакции на него со стороны государства, в Экономический терроризм. Всем известные факты имеют место быть, и мы о них слышим и знаем, даже на уровне высших чиновников ныне действующего правительства, что в корне недопустимо для Государства в целом. В этом вопросе по искоренению обозначенного мной термина надо опираться на историю, исторический опыт поколений, и меры принимать в экстренном порядке, так как затянувшийся вялотекущий процесс искоренения коррупции несёт в себе пагубные последствия как для граждан Российской Федерации так и для самого Государства, и в этом мы убеждаемся ежедневно. И описанная ситуация в рукописи графом В. П. Зубовым в его статье о Закревском нам об этом прямо указывает: «Законы написаны не для него, и ему все дозволено». «Закревский, уверенный, что он всю свою жизнь строго соблюдал законность, видел в своем поступке результат недоразумения. Законность он понимал не как повиновение законам, а как точное согласование своих действий с волей источника закона, т.е. царя. В данном же случае он предполагал согласие Государя».

Так вот, и по сей день не принятие действенных мер со стороны государства и понимается всеми как исполнение воли Государства, на самом деле порождение правового нигилизма с вытекающими последствиями как в самом Государстве так и на Международном уровне.

Но надеяться на Государство, без оказания посильной помощи ему со стороны граждан данного Государства, это не исполнение Основного закона – Конституции РФ, и нарушение первого и основного договора между государством и человеком (свидетельство о рождении), соблюдение законов должно быть на всех уровнях, от

личности до всех структур Государства, только в этом случае можно без огромных финансовых, экономических потерь восстановить нарушенный баланс доверия народа к власти прийдя таким образом через уничтожение Правового нигилизма к основам Верховенства Права, уничтожая тем самым Скрытый Экономический терроризм, не давая ему перехода в фазу Экономического Терроризма, что мною и было доказано на примере проведённого научного публичного эксперимента при написании докторской диссертации.

Часть V.

«Исторический образ в художественной литературе».

Вот один из примеров описанный Валентином Пикулем в романе « Барбаросса(Площадь Павших борцов)», по исполнению своего гражданского долга перед Родиной, графом Валентином Зубовым, его не сгибаемом и не покорном характере , честности в действиях и суждениях, в общении с людьми от которых в любую секунду могла измениться его судьба и прерваться жизнь. И это заслуживает особого внимания, с учетом исторических событий того периода времени. Переплетение судеб, сложность отношений не только в семьях но и на мировой политической арене. И очень интересен фрагмент, когда граф В. П. Зубов узнает , что война с Советским Союзом будет, последующее описание позволяет нам сделать выводы что не все так просто на первый взгляд:

Паулюс никогда не питал особого любопытства к России (по родству жены он более интересовался Румынией), но как хозяин дома полковник радушен к русским. В его обширной квартире на Альтенштайнштрассе перебивало немало знатных эмигрантов: Бискупский – муж певицы Вяльцевой, а теперь приятель Гимmlера, графы Шуваловы, князья Васильчиковы и граф Валентин Зубов. Специально для русских ставился самовар, и, попивая чай, неумело заваренный горничной, Паулюс вежливо вникал в разговоры гостей, не всегда ему понятные, о той России, что была раньше и какой не стало. Иногда он даже вмешивался в беседу, но информация Паулюса о новой русской жизни была скорее забавной:

Странно, что Паулюс, человек эрудированный и начитанный, был очень далек от понимания русской культуры; он знал лишь музыку Чайковского, что-то слышал о Пушкине, но русская история и русское искусство оставались для него книгою за семью печатями. Перед женою он оправдывался:

– Коко, ты напрасно надо мною подшучиваешь. Я все-таки генеральштеблер, и по этой причине знание рельефа русской равнины для меня более важно, нежели русская поэзия...

Елена-Констанция, как румынка, наоборот, высоко ценила русскую культуру и однажды, выбрав вечер, увлекла мужа в театр, где ставили «Три сестры» Чехова:

– Посмотришь, как жили русские раньше – еще до того, как их обуяла бешеная страсть к коллективизации...

Паулюс, отдыхая дома после служебного дня, редко включал радиоприемник, но однажды, случайно поймав московскую волну, он попросил графа Валентина Зубова переводить.

– Очередное хвастовство «железного наркома» Клим Ворошилова. Он опять заверяет мир, что Красная Армия никогда не отступала.

– Тем хуже для маршала, если его армия не умеет отступать, – изрек Паулюс. – Мастерство отхода перед противником – это альфа и омега тактики, и оно гораздо сложнее тактики наступления...

Ворошилов закончил речь, эфир заполнило – бодрое:

И с нами Ворошилов –
первый красный офицер,
готовы умереть мы
за Эс-эС-эС-эР!

Зубов перевел текст песни, а Паулюс засмеялся:

– Странно, что они готовы умереть? За что? И за кого?

Валентин Платонович Зубов был создателем Музея истории искусств в Петрограде, который он оставил Зиновьеву и мадам Троцкой на разграбление, а сам бежал, ибо аристократов ожидала страшная участь в застенках ЧК. Сейчас он воспринял слова Паулюса на свой лад, заговорив о том, что не понимает, почему Сталин отказался подписать Женевскую конвенцию от 1929 года о военнопленных и обращении с ними. Ему было непонятно, почему Гитлер конвенцию подписал, а Сталин от нее отмахнулся:

– Сталин мотивировал свой отказ тем, что конвенция о пленных не отвечает духу социалистического государства.

Паулюс ответил, что, пока в мире существуют войны, до тех пор в мире будут и военнопленные, а Сталин не подписался под конвенцией совсем по иным причинам:

– Ворошилов уже не раз заявлял, что в случае войны Красная Армия будет только наступать, и обязательно на чужой территории, а красноармейцы в плен не сдаются...

Известно, что стратегия, как и тактика, никак не зависит от идеологических рецептов, а в СССР армию воспитывали на мысли, будто любое наступление – это «помощь страдающим братьям по классу», и стоит Красной Армии пересечь границу, как сразу во всем мире перед ней распахнут объятия «представители угнетенного пролетариата»... Может, и прав был Черчилль, который говорил о Советской России, что это даже не страна, а некий секрет, завернутый в загадку и укрытый непроницаемой тайной...

.....
Паулюс в разговоре с Зубовым мог бы добавить, что в берлинском здании гестапо уже имеются советские военнопленные, доставленные прямо из... Испании!

Война там была гражданская, но в нее вмешались Гитлер и Сталин, используя Испанию вместо полигона: под Мадридом и Гвадалахарой впервые скрестилось оружие – советское и немецкое. Нашим летчикам пришлось горько разочароваться в своих истребителях, а немцы выкатили на прямую наводку новейшее оружие XX века – противотанковую артиллерию, и Сталин в Кремле с большим недоверием разглядывал фотоснимки своих развороченных танков.

– Неужели мы начали отставать? – обеспокоился он, подозревая, что и тут не обошлось без «врагов народа»...

Настал 1937 год, и в Берлине нервно и «чутко реагировали на все репрессии, которые Сталин – раз за разом! – обрушивал на свою же армию. Среди немецких генералов иные недоумевали, даже не смея верить, другие откровенно радовались тому, что Сталин истребляет лучших полководцев и офицеров. Генеральный штаб возглавлял

Людвиг фон Бек, генерал старой выучки, нелюбезный и резкий; Бек почти откровенно презирал Гитлера, не допуская его вмешательства в дела вермахта. При встрече же с Паулюсом он начал разговор о Сталине:

– Неужели сами большевики не понимают, что к власти над страной пришел сумасшедший? Его хваленая армия никак не является шедевральной, офицерский корпус задавлен страхом... Я всегда привык отыскивать в истории аналогии, и знаете, с кем я могу сравнить этого усатого грузина?

А вот слова Гитлера, сказанные им однажды:

– Сталин, безусловно, заслуживает нашего уважения, так как в своем роде он попросту гениальный парень...

Итак, все было готово, и московский аэродром украсился флагами со свастикой. 23 августа грузно приземлились два мощных «Фокке-Вульф-200»; Риббентрона встречали согласно общепринятому протоколу, а он, выходя на трап самолета, сказал по-русски:

– Господи, даже не верится... опять я в России!

Проезжая по улицам Москвы вместе с Молотовым (они учились когда-то в одной петербургской гимназии), Риббентроп спросил, как поживает предмет их общего юношеского увлечения. Молотов понял, что Риббентроп спрашивает об Анне Ахматовой, и он ответил, что она... жива. Живет и работает!

– Ты уж, Вячеслав, – дружески просил Риббентроп, – сделай так, чтобы ее ваши держиморды не обижали...

Может, не случись такой беседы, и гибель талантливой поэтессы была бы приближена, а Риббентроп невольно «спас» ее от неизбежной расправы. Сталин принимал Риббентропа очень радушно, о чем впоследствии Риббентроп рассказывал: «Я чувствовал себя в Кремле словно в кругу своих старых партийных товарищей...»

Между гитлеровской Германией и сталинской Россией был заключен договор о ненападении сроком на десять лет, скрепленный подписями Риббентропа и Молотова, повторяю, еще когда-то в юности обоюдно влюбленными в талант Анны Ахматовой... Вот после этого, читатель, и говори, что история – наука скучная!

Финал этой встречи в Кремле известен.

Сталин поднял бокал с вином – за здоровье Гитлера.

– Я знаю, – сказал он, – как немецкий народ обожает своего вождя! Так выпьем за здоровье Гитлера...

Теперь, после подписания договора, Гитлер мог не бояться, что СССР откроет второй фронт, вступаясь за поляков вместе с Англией и Францией; теперь Гитлер мог не пересчитывать свиные туши в государственных холодильниках, немецким шоферам отныне не надо было разбавлять бензин чистым спиртом, – Сталин, согласно договоренности, сразу начал снабжать Германию сырьем, горючим, ценными металлами, мясом и хлебом. Любая антифашистская пропаганда в СССР была запрещена...

Конечно, такой «успех» следовало отметить хорошей выпивкой! У себя на даче, в Кунцеве, Сталин устроил вечеринку. Подвыпив, «вождь народов» выразительно глянул на Калинина, и «всемирный староста», тряся козлиной бородкой, прошелся перед ним вприсядку; Сталин мигнул потом Микояну – и тот, воспрянув от стола с закусками, охотно сплясал для него лезгинку.

Ах, если б я это выдумал! Увы... сохранились очевидцы, засвидетельствовавшие эту отвратительную картину, при изображении которой вспоминается Иван Грозный с его опричниками...

Паулюс велел жене больше не покупать тортов:

– Они очень привлекательны, но все кремы – химия. Отравиться не отравимся, но и здоровья себе не прибавим. Наши химики достигли уже такого совершенства, что скоро из солдатской мочи станут выделять дамские ликеры... Я все-таки устал. Прилягу. Кстати, а где Ольга?

– Она со своим бароном навещает графа Зубова, знаешь, сейчас из Прибалтики Сталин выгоняет всех немцев, у Зубова собирается интересное общество депортированных.

Безо всякого смущения Гойнинген фон Гюне сказал:

– Но ведь очень скоро будет война с Россией! Уж вы-то, Паулюс, человек военный, знаете об этом лучше меня.

Поддерживая разговор гостей, граф Валентин Зубов сказал:

– Если слухи о близкой войне с Россией верны, то у вас, герр генерал, партия с нею не состоится. Россия такая здоровенная баба, которая способна выдержать немало оплеух, но в поклоне никогда не согнется.

Паулюс согласился, что Россия – страна могучая.

– Но сталинский режим непрочен, – сказал он. – У них сейчас немало внутренних проблем. Оружие устарело. По ресурсам выплавки чугуна и стали русские сильно отстают.

Он и не хотел того, но так уж получилось, что вроде бы подтвердил версию о близкой войне. Именно так его понял Валентин Платонович Зубов, живо обратясь к барону Кутченбаху:

– Зондерфюрер войск СС! Ну-ка, поживее запишите себе для памяти русскую поговорку: это еще бабушка надвое сказала. Если занесет вас в Россию, вам поговорка пригодится.

– Как, как? Повторите, – засуетился зять Паулюса, роняя авторучку и шелестя страницами блокнота; записал поговорку, потом спросил: – А что это значит? Понять трудно.

– А вы доберитесь до Москвы – там вам все объяснят...

В конце лета Геринг уже подготовил свою авиацию для массированных налетов на Англию, а Гитлер на своей вилле «Бергоф» собрал высших офицеров вермахта; был приглашен и Паулюс. Конечно, он уже догадывался о том, что втайне замыслилось против России, при этом, не раз беседуя с Гальдером, он придерживался мысли о трех ударах по трем главным направлениям – Москва, Ленинград, Киев...

Гитлер начал говорить, что вторжение на Британские острова откладывает до лучших времен, а сейчас важно разделаться с большевистской системой на Востоке.

Отрывки из книги Валентина Пикуля «Барбаросса (Площадь Павших борцов).

Даже коротко прочитав о графе Валентине Платоновиче Зубове, в данном произведении не надо заглядывать в секретные архивы определенных служб, чтобы сделать вывод каким образом он и его дочь, моя бабушка, графиня Анастасия Валентиновна Беккер (Зубова), посещали СССР, чтобы увидеть первых правнуков, продолжателей Рода Зубовых, меня и моего брата.

Часть VI.

«Как долог праздник Новогодний».

Кстати уместно будет добавить так же исторический факт относительно графа Валентина Зубова и поэтессы Анны Ахматовой, подтверждённый историками и ей самой в своих дневниковых записях:

К Анне мужчины слетаются как мотыльки. «Бывало, человек, только что ей представленный, тут же объяснялся ей в любви», – вспоминает современник. Один несчастный молоденький офицер, Михаил Линдеберг, из-за нее застрелился. Да и другим Ахматова принесла очень нелегкую, как беду, любовь.

По утрам от графа Валентина Зубова ей приносят розы – томные, ласковые, на длинных подрагивающих стеблях. Граф – по-настоящему богатый поклонник. В его роскошном черно-мраморном дворце расхаживают лакеи в камзолах и белых чулках, разносят шерри-бренди, чай, сладости. В Зеленом зале с малахитовым камином Валентин Платонович устраивает концерты.

Анна Андреевна любит сидеть перед этим камином на белой медвежьей шкуре в струящемся платье лилового шелка. Граф целыми вечерами не сводит с нее глаз. Когда она выходит читать стихи, он бледнеет и замирает на месте. И все же Ахматова оставляет Зубова – ради Николая Недоброво, которого вскоре меняет на Бориса Анрепа.

Графу В. П. Зубову

*Как долог праздник новогодний,
Как бел в окошках снежный цвет.
О Вас я думаю сегодня
И нежный шлю я Вам привет.
Пуškai над книгою в подвале,
Где скромно ночи провожу,
Мы что-то мудрое решали,
Я обещања не сдержу.
А Вы останьтесь верным другом
И не сердитесь на меня,
Ведь я прикована недугом
К моей кушетке на три дня.
И дом припоминая темный
На левом берегу Невы,
Смотрю, как ласковы и томны
Те розы, что прислали Вы.*

1910-е гг.

Судя по новогодней «записочке» графу Zubову, Анна Андреевна не была исключением: она, как и все, вполне могла говорить ночью то, чего утром ни за что бы не сказала...

Анна Андреевна называет дом графа Zubова темным не потому, что там происходило что-то нехорошее, а потому, что этот дом, точнее, дворец, был облицован черным мрамором. В своем роскошном дворце Валентин Платонович, богач, искусствовед и меценат, основал в 1912 году Институт истории искусств, где читали лекции самые известные деятели культуры, а в легендарном Зеленем зале с малахитовым камином регулярно устраивались концерты. Георгий Иванов в очерке о Сергее Есенине так описывает атмосферу этих вечеров:

«Шелест шелка, запах духов, смешанная русско-французская болтовня... Рослые лакеи в камзолах и белых чулках разносят чай, шерри-бренди, сладости...»

Он же оставил нам и поэтическую зарисовку – Анна Ахматова в голубой гостиной зубовского дворца:

*В пышном доме графа Zubова
О блаженстве, о Италии
Тенор пел. С румяных губ его
Звуки, тая, улетали и...
... Абажур светился матово
В голубой овальной комнате.
Нежно глядя пса лохматого,
Предсказала мне Ахматова:
«Этот вечер вы запомните».*

В поздние годы Ахматова легко и откровенно рассказывала о своих ранних романах. А вот об отношениях с графом Zubовым говорить не любила, хотя и называла его имя (в разговорах с Павлом Лукницким) в числе тех мужчин, с которыми была близка. Лукницкий, решив, что эти воспоминания Анне Андреевне неприятны, прекратил расспросы. Между тем, судя по мемуарному очерку Никиты Струве «Восемь часов с Анной Ахматовой», именно к этому своему поклоннику Анна Андреевна и в старости относилась с нежностью. Вот что пишет Струве, который в июне 1965 года оказался случайным свидетелем их встречи в Париже:

«После чтения стихов разговор уже не возобновлялся. Вскоре послышался стук в дверь. Вошел граф З., близкий друг Ахматовой по Петербургу, с которым она не виделась 50 лет. На прощание Анна Андреевна мне сказала: «Позвоните мне еще». Перед тем как выйти из комнаты, я еще раз обернулся. Анна Андреевна пристально и ласково смотрела на своего совсем уже старенького на вид посетителя и сказала: «Ну, вот, привел Господь еще раз нам свидеться...»».

Заключение.

«Память – это то, что уничтожить невозможно!»

Память человека, несущая в себе события его жизнедеятельности, не является его личным достоянием, о чем в своих трудах писала профессор, доктор наук Бехтерева. Директор института мозга, Российской академии наук, Царствия ей Небесного, это память Вселенского мозга имеющего место быть. И мы не должны забывать об этом, так как каждую минуту нашей жизни пользуемся этим выданным нам кредитом доверия, и обязаны восполнять его и преумножать для следующих поколений в любой форме обучая себя учить других, в этом и есть прогрессирующие продолжение развитие личной интеллектуальной собственности человека, и на этой основе Государства, как живого развивающегося организма (априори).

Если рассматривать данные исторические факты можно с уверенностью говорить о самом графе В. П. Зубове как о неординарной личности, который пройдя не сторонним наблюдателем, а принимавший непосредственное участие в исторических событиях, связанных с Российским Государством, несмотря на невзгоды, выпавшие на его нелегкую жизненную судьбу, остался предан своей Родине – России, ее интересам, как гражданин, как патриот. Как неординарная личность, которая, поставив перед собою благородную цель, воплотила ее в существующий и поныне «Зубовский институт», Российский Институт Истории Искусств, первый и по сей день единственный в России. Исторически сложилось так, что в нашем государстве, как впрочем и во всех государствах, личность, имеющая свою интеллектуальную собственность, но не угодная той правящей на тот момент клике, всегда старающейся вытеснить из упоминаний в каких-либо событиях, ту неуютную личность, которая принимала участие в этих событиях, в силу неуютности или же не в сгибаемость самой этой личности правящей клике. В этом и есть та ошибка, которая приводит к столкновения и конфликтам, порой не разрешённых многими годами, имеющих накопление и используемых другими поколениями для решения каких-то сугубо негосударственных интересов, что мы и имеем в настоящее время наблюдать. Но мы все не имеем права пренебрежительного отношения к нашей истории, так как «История» – это наука точных фактов, основанных на событиях, которые происходили как в Государстве, так и в семьях, Родах, тейпах. И забывать нашу историю мы не имеем права, и я, как гражданин Российской Федерации, потомок Высоко и Благородного Рода Графов Зубовых, выражаю поддержку в данном вопросе целиком и полностью действиям Президента Российской Федерации В. В. Путина, по вопросу проведения маршей Памяти «Бессмертный полк», который из Российского движения памяти уже превратился в Международное движение:

Межрегиональное историко-патриотическое общественное движение «Бессмертный полк»

Движение «Бессмертный полк» в современном виде было инициировано в 2011 году в Томске журналистами. Там же, в Томске, народное движение получило название «Бессмертный полк», был создан Устав Полка, в котором сформулированы принципы движения как некоммерческой, неполитической, негосударственной гражданской инициативы. Ранее подобные акции под иными названиями проходили в других городах страны. Такие мероприятия состоялись в 2004–2006 годах в Кузбассе (в городах Новокузнецке и Прокопьевске) и в 2007 году – в Тюмени. Сейчас народное движение охватывает более 80 государств и территорий.

Что является основой единения исторической памяти Государств и граждан, как внутри Российского Государства так и на Международном уровне. Историческая Память, основа для каждого современного Государства и людей живущих в социуме. По недопущению каких либо противоправных действий по захвату территорий, ведению военных действий, а в конечном итоге развязыванию новой войны, в угоду каких-либо политических амбиций той правящей клики, того Государства, которое проявляет активные действия под любыми благовидными предложениями, якобы для освобождения наций, народов, стран от агрессии существующих правящих режимов их же государств. То есть навязывание мнения извне всегда основано на экономике и на захвате территорий, для установления своего диктата, в конечном итоге получая сопротивление на их действия, которое в редких случаях происходит без кровопролития, как на захваченных территориях так и внутри самого Государства агрессора.

2 май 2018 года-23 апреля 2021 года

Автор
гг Триценко Сергей Леонидович

Гражданин Российской Федерации

гг Триценко Сергей Леонидович,

10 августа 1959 года рождения

титuluованный наследник

Высокого и Благородного Рода Графов и Князей Зубовых

Meritis Crescunt Honores

Non Sibi Sed Imperio

профессор, Doctor of Science, Honoris Causa (ТАНУ)

Заслуженный тренер РСФСР (России),

Кавалер Ордена Екатерины Великой

«За Служение науке и Просвещению»

При непосредственном участии в воспитательном процессе моих внуков

Гражданин Российской Федерации

гг Распевалов Никита Ярославович,

28 сентября 2006 года рождения

титuluованный наследник

Высокого и Благородного Рода Графов и Князей Зубовых

Meritis Crescunt Honores

Non Sibi Sed Imperio

Гражданин Российской Федерации

гг Триценко Платон Сергеевич,

5 мая 2011 года рождения

титuluованный наследник

Высокого и Благородного Рода Графов и Князей Зубовых

Meritis Crescunt Honores

Non Sibi Sed Imperio

Под редакцией *Мелтобрюхов*
Мелтобрюхов Владимир Викторович

Гражданин Российской Федерации

Мелтобрюхов Владимир Викторович

Соискатель по научной специальности

« Юридические науки »

шифр специальности: 12.00.06

Земельное право; природоресурсное право;

экологическое право; аграрное право.

Под редакцией *Маркосьян*

Маркосьян Вартап Рафаэлович

Гражданин Российской Федерации

Маркосьян Вартап Рафаэлович

Соискатель по научной специальности

« Юридические науки »

шифр специальности : 12.00.04

Финансовое право; налоговое право;

бюджетное право

Удостоверено и скреплено по праву печати Рода

Графов(1793) и Князей (1796) Зубовых

81 (восемьдесят один)) лист.

Гриценко Сергей Леонидович

26 апреля 2021 года 18.00 (МСК). вес 4,5 МБ